

ПАМФЛЕТЫ

Колос

ЯРОСЛАВ
ГАЛАН

ПАМФЛЕТЫ

Перевод с украинского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1982

Ярослав Галан (1902—1949) — выдающийся украинский писатель, автор многих сборников рассказов, пьес, публицистических произведений, известных не только в нашей стране, но и за рубежом. Наибольшей популярностью пользуются его книги памфлетов («Их лица» — 1948 г., «Перед лицом фактов» — 1949 г., «Памфлеты» — 1958 г., «Избранное» — 1959 г.).

Фронт всегда пролегал через его сердце. Таким прошел Галан по земле — через застенки панских тюрем, под пулями полицейских карабинов, по фронтам Отечественной войны, в схватках с националистическими бандами. Что бы он ни писал — пьесы «Под Золотым орлом», «Любовь на рассвете», рассказы или разящие памфлеты, — он оставался коммунистом, мужественным воином, горячо любящим свою родину. Ярослав Галан говорил о себе: «Я и в дальнейшем, как и теперь, буду выполнять свой классовый долг и беспощадно бороться с явным и тайным фашизмом».

Этой клятве он оставался верен до последнего дыхания и погиб как солдат в бою.

Все творчество Ярослава Галана проникнуто глубоким оптимизмом. Его произведения борются за мир, за коммунизм, за человеческое счастье, они получили всенародное признание.

В 1952 году Ярославу Галану за его боевые памфлеты присуждена Государственная премия СССР.

Художник

Андрей ЗЕФИРОВ

ЛЮДИ БЕЗ РОДИНЫ

Летом 1933 года в дверь виллы, в которой помещалось советское консульство во Львове, позвонил молодой человек. Войдя, он выразил желание поговорить с консулом. Когда посетителю ответили, что консул его принять не может, он быстро выхватил из кармана револьвер немецкой марки «парабеллум» и несколькими выстрелами убил первого попавшегося ему на глаза человека. Жертвой убийства был работник консульства Майлов.

Едва прозвучал последний выстрел, как бандит стремглав бросился к двери. Однако дверь в доме открывалась и закрывалась автоматически. Напрасно убийца искал на стене спасительную кнопку, напрасно бегал, бледный и перепуганный, от окна к окну; решетка, которой он раньше не заметил, преграждала ему путь к бегству. Преступник, минуту тому назад со спокойным сердцем убивший ни в чем не повинного человека, теперь обезумел от страха... Холодный пот выступил у него на лбу: обессиленный, он забился в самый темный угол.

Это был Лемик, один из членов так называемой «Организации украинских националистов», руководимой формально полковником Коновальцем, а фактически — разведывательным отделом немецкого генерального штаба. Лемик был только орудием. Вдохновители подлого убийства преспокойно сидели в Берлине и «рядились» с адъютантами Гренера и Гиммлера, а в свободное время фабриковали «идеологию» для своих темных дел, для грязных махинаций, перед которыми бледнеют подвиги «генерала Бо» — сверхпровокатора русской контрреволюции Азефа. Но Азефу не нужна была идеологическая надстройка, — его вполне удовлетворял звон золотых монет в кармане. Амбиция сверхпровокаторов из клики Коновальца

шла значительно дальше. Выброшенные со сцены истории, они пытались попасть хотя бы на ее эстраду. Одетые в желтоблакитные мантии, они упрямо карабкались на нее, грозно потрясая щербатым трезубцем. Слова «Украина» и «украинский» не сходили при этом с языка этих самозваных жрецов «сверхпатриотизма».

«Сладко умирать за родину...» — шептали они на ухо своим лемикам, посылая их на «мокрое дело». Но когда перед глазами лемиков вставала смерть, то в большинстве случаев «националистическая надстройка» вмиг выветривалась из их сознания, нисколько не затрагивая их сердца.

И тогда кандидаты в желтоблакитные мученики сбрасывали с себя терновые венки и, наплакавшись вдоволь на груди полицейского, услужливо надевали шапку-невидимку агента-provокатора на службе львовской или варшавской «дефензивы».

«Родина» лемиков оказывалась мифом, и при столкновении с суровой действительностью этот миф рассеивался, словно отравляющий газ от сильного порыва ветра.

В ТЕНИ ПРУССКОГО ОРЛА

Родословная лемиков начинается с того времени, когда Коновалец, которого ныне нет в живых, носил еще на воротнике звезду австрийского лейтенанта. В начале первой империалистической войны Берлин стал Меккой, куда съезжались, словно ведьмы на Лысую гору, политические коммивояжеры желтоблакитной породы.

Конъюнктура для них была тогда благоприятна. Украина с ее богатствами всегда играла большую роль в империалистических планах Германии. Наспех организованный немецким генштабом так называемый «Союз освобождения Украины» должен был подготовить «кадры» для будущего марионеточного «правительства». А пока что одни кандидаты в министры с благословения кайзера организовывали шпионаж и диверсии в тылу царской армии, другие переводили на украинский язык немецкие пропагандистские листовки, а потом совали их в руки пленным украинцам.

Наиболее энергичные среди них образовывали так называемые «стрелецкие сечевые части», задачей которых было вплетать новые лавры в сомнительный венок «сла-

вы» австро-венгерской армии и помогать Вене осуществить ее давнюю мечту: посадить на украинский престол одного из габсбургских эрцгерцогов.

Понятно, что вся эта политика не могла найти отклика среди широких украинских масс, несмотря на то, что желтоблаkitные агенты центральных держав¹ охотно пользовались в своей работе антицарскими лозунгами. Полтавского крестьянина также трудно было одурачить, как и харьковского рабочего — и тот и другой прекрасно знали, что кандалы немецкого производства нисколько не легче царских паручников. Наоборот, знакомство с немецкими помещиками и фабрикантами на Украине научило их, что в деле эксплуатации и угнетения пруссаки были и останутся непревзойденными мастерами.

В 1917 году желтоблаkitным агентам немецкого империализма — Зализняку и Назаруку — казалось, что настало их время. В Берлине внимательно читали их отчеты о выступлении Михновского на армейском съезде в Киеве. Читали и строили свои планы.

Эти планы встали перед миром во всей своей наготe на Брестской мирной конференции. С легкой руки генерала Гофмана за столом этой конференции оказались и украинские севрюки. Выпущенные из берлинской клетки желтоблаkitные попугаи послушно повторяли то, чему их учили долгие годы немецкие хозяева, и услужливо кивали, слыша требования немецкой делегации, предъявленные советскому правительству. Когда же немецкий генеральский кулак стукнул по столу и советским делегатам был предъявлен ультиматум в отношении Украины и перед украинским народом во весь рост встала опасность австро-германской оккупации, — националистические статисты на радостях запели Вильгельму. Наконец, как им казалось, настало их время, а с ними возможность сменить лакейскую ливрею на министерский фрак.

Но жестокая судьба и на сей раз разочаровала лакеев, лишний раз показав им, что значительно легче надеть ливрею, нежели сбросить ее. В то время как украинский народ делами своих воинов начинал новую книгу своей славы, когда вся Украина поднялась на борьбу с немецкими оккупантами, подражатели Мазепы из Центральной рады не осмеливались выйти на улицу из прием-

¹ Речь идет о Германии и Австро-Венгрии.

ных немецких столоначальников. Огни восстаний, вспыхивавших то в одном, то в другом конце нашей страны, тревожили и волновали испытанных в боях прусских генералов, а киевских «министров» приводили в ужас. Люди без родины теперь почувствовали, что значит ненависть великого народа, ненависть, которую нельзя было погасить никакими репрессивными мерами, потому что каждая пуля, выпущенная оккупантом или его гайдуком в опереточном жупане, была только лишней искрой, приближавшей минуту взрыва великого всенародного восстания.

Когда на смену политикам из Центральной рады пришел новый немецкий фаворит — Павел Скоропадский, положение от этого нисколько не изменилось. Украина клекотала, Украина хотела жить по-своему. Она с одинаковым ожесточением уничтожала карательные экспедиции генерала Эйхгорна и синежупанников Скоропадского.

Всю силу народного ожесточения почувствовал Скоропадский осенью 1918 года, когда ему пришлось бежать в немецком санитарном поезде, бежать по тем же дорогам, по которым вскоре после этого улепетывали и его наследники из петлюровской школы.

Напрасно желтоблакитники пытались потом вырвать из истории эти черные позорные для них страницы, напрасно националистические фальсификаторы слагали потом за границей легенды про свои «фермопилы» под станцией Круты — ничто не изменит факта, что в те грозные годы их влияние никогда не выходило за круг, очерченный штыком интервента.

ВАРШАВСКИЕ МЕЛОДИИ

Еще одну попытку сесть на шею украинскому народу они предприняли в 1919 году. На этот раз вследствие временного бессилия берлинского протектора они заключили союз с Пилсудским, который тогда как раз готовил свой поход на Киев. Симон Петлюра, тот самый Петлюра, который зимой того же года патетически заявил, что его спор с поляками о Западной Украине можно решить только мечом, через несколько месяцев после того не только спрятал этот меч в ножны, не только поспешно признал претензии Пилсудского на Западную Украину, но и тай-

ным договором отдал ему всю территорию по правому берегу Днепра, оставляя за собой лишь скромное право руководить левобережной Украиной, да еще и под строгим контролем Варшавы...

Между тем Пилсудскому счастье сопутствовало еще меньше, чем Вильгельму II. Через несколько недель после начала своего наступления он думал уже не о Киеве, а о том, как бы удержать в своих руках Варшаву. «Правительство» Петлюры успело и на сей раз спастись бегством, перенеся свою столицу на колесах в Западную Польшу. Салон-вагоны с трезубцем навсегда застряли в глухом тупике станции Тарнов, а их пассажирам оставалось лишь одно: стареть на чужих хлебах и, старея, ожидать очередной конъюнктуры, искать новых меценатов политической проституции, достаточно сильных, чтобы наполнить разочарованные сердца «ботокудов»¹ новой надеждой на выполнение бредовых мечтаний.

АНТРАКТ

Ждать пришлось довольно долго. Но в этом антракте между двумя действиями — первой и второй мировой войнами — люди без родины не били баклуши. С одной стороны, они вновь сучили разорванную событиями нить, связывающую их с Берлином, с другой — они продолжали спекулировать на ягеллоновской великодержавной мании Пилсудского. Чтобы не потерять формы, они подвизались одновременно во всех возможных контрразведках. Ольга Басараб самоотверженно работала для немецкой, Петро Певный — для польской, Онацкий и Островерха — для итальянской. Одни кандидаты в желтоблаkitные мандарины, как Скоропадский и Коповалец, ждали лучшей поры под черными крыльями немецкой псевдореспублики, другие, как Андрей Левицкий и Дмитро Левицкий, — под белыми крыльями орла из-за Вислы.

Через своих агентов, которые были также агентами их хозяев, они и дальше пытались «стучать в сердца» украинского народа. Стучали обрезами и револьверами, стучали шпионством, саботажем и диверсионными актами, стучали лживой пропагандой. Когда в ответ на это народ стукнул их под Базаром, стукнул их на процессе

¹ Бразильские индейцы.

нового варианта «Союза освобождения Украины», так называемой «Спільки визволення України», ударил, наконец, по их националистической агентуре в 1933 году, они подняли бешеный вопль о «красном терроре на Украине». Карлики с заплеванными от бессильной злобы бородами разбежались по Европе и карабкались на трибуны, с которых они призывали к «крестовому походу» против Страны Советов, в частности против Украинской Советской Социалистической Республики.

В ОБЪЯТИЯХ СВАСТИКИ

Этот ералаш не случайно совпадает по времени с приходом Гитлера к власти. Не случайно Милена Рудницкая облюбовала для своих антисоветских «крестоносных» выступлений трибуну женевского «Конгресса национальных меньшинств», руководимого матерым гитлеровцем. Пенсионеров из желтоблакитной малины Гитлер благословил на свою службу.

Нужно заметить, что в то время желтоблакитники показывали пример «дисциплинированности». Как известно, так называемая «Организация украинских националистов», пытаясь ввести в заблуждение народ Западной Украины своей суррогатной «революционностью», с самого начала своего существования применяла тактику индивидуального террора против отдельных представителей польской администрации. Но достаточно было Гитлеру договориться с Бекком, чтобы вожаки этой организации внезапно прекратили свой «террор». Больше того, когда некоторые дезорганизованные этой неожиданной переменой тактики члены организации отважились протестовать, они расплачивались за свой протест жизнью. Трупы юноши и девушки, дочери попа, найденные с простреленными головами на берегу одного из львовских прудов, весьма убедительно свидетельствовали о том, что для верховодов ОУН («Организация украинских националистов») интересы фашистской Германии были дороже, чем кровь и жизнь их товарищей по организации.

ДЕНЬ РАСПЛАТЫ БЛИЗОК

Но не только в июне 1941 года люди без родины показывали, на что способна каналья, превратившая политический бандитизм и предательство в свою профессию.

Еще танки гитлеровских псоглавцев не успели взять разгон, как желтоблаkitники Западной Украины уже по-вытаскивали ножи из-за голенищ.

Едва оккупанты успели войти во Львов, как вся шайка повывлезла из нор и бросилась убивать советских людей, соперничая в зверствах с фашистской солдатней. Почему? Прежде всего потому, что таков был приказ гестапо...

Польский писатель Жеромский, мечтая о будущей Польше, написал когда-то «Сон о шпаге». Желтоблаkitники оказались значительно скромнее. Им снилась не рыцарская шпага, а обыкновенный шпицрутен немецкого полицмейстера.

Однако даже и этот их сон продолжался не долго, его прервала та самая рука, что вложила в их руки бандитский нож. Два вооруженных отряда, которые в первые дни войны немцы разрешили организовать галицким «ботокудам», были разогнаны немецкими офицерами — и раньше, чем солдаты этих отрядов успели освоить прусский парадный шаг. Только изрядно постаревшим и беззубым ренегатам Гиммлер разрешил еще играть в политику, которая заключалась главным образом в перепечатывании материала из «Фелькишер беобахтер» на страницах «Краковских вестей»...

Двадцать пять лет советской власти — 25 лет украинской государственности. Фашисты не считают нас за народ, они заклятые, неутомимые враги Украины, враги ее государственности. С ними мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть. За их смерть, за нашу жизнь. В жестокой борьбе объединился весь наш народ. В героизме боевых будней он строит себе памятник бессмертной славы. И чем ближе подходит день нашей победы, тем сильнее быются простые и великие в своей простоте сердца советских людей.

И потому чем ближе становится день расплаты, тем больший страх и отчаяние охватывает гитлеровских палачей Украины... Палачей и их подручных — людей без родины, это человеческое отребье, которое оказалось теперь за воротами истории, там, откуда есть только одна дорога — дорога позора и вечного забвения.

Как известно, на бирже гитлеровской «новой Европы» акции украинских националистов давно уже упали ниже нуля, желтоблакитный марионеточный балаган типа 1918 года был выброшен Гитлером в хлам.

Почему? Потому что с одной Украиной имел дело Вильгельм II, с другою — Гитлер. В 1918 году немецким карательным полкам помогали кулацкие батальоны сердюков. Теперь немецким карательным дивизиям не помогает никто, кроме десятка-двух уголовных рецидивистов. Если двадцать четыре года тому назад генерал Эйхгорн принимал у себя крупных помещиков Лизогуба и Чикаленка, он знал, что за этими лизогубами и чикаленками стоит еще кто-то, кого игнорировать нельзя, кто может создать прочную плотину против бушующих волн революции, чьи интересы были в какой-то мере одинаковы с интересами кайзеровской Германии. Сахарозаводчик Терещенко хотел уж лучше продавать свой сахар немецким купцам, чем потерять право продавать его кому бы то ни было, а подольский или херсонский помещик и кулак меньше боялись немецкой реквизиции, нежели лозунга: «Земля крестьянам!» Для них немецкий солдат на Софиевской площади был более приятным зрелищем, нежели взбунтовавшийся украинский батрак на посту председателя исполкома.

И самому Вильгельму II была нужна желтоблакитная бутафория вместе с ее марионетками, которые играли роль громоотводов в те грозные и бурные дни.

С того времени немало перемен произошло в степях Украины. Украинский народ-победитель вымел с украинских полей нечисть, выполол бурьян, перепахал поля своим плугом и по-своему вырастил и выпестовал новое поколение, свободное, смелое и гордое. Скоропадские, левицкие и чикаленки потеряли раз и навсегда свою социальную базу и, вместо того чтобы стать вершителями судьбы Украины, поспешно искали богатых и сильных вершителей их собственной судьбы. Эти палачи с отрезанными когтями долгие годы сидели возле своих берлинских хозяев и мурлыкали им на ухо бесконечные сказки о своей былой славе и о том, с какой сердечной тоской, дескать, «ждет» украинский народ ихнего возвращения...

Но достаточно было первому гитлеровскому солдату прийти на Украину, как из голов нацистских верховодов вмиг выветрились рассказы желтоблаkitных мурлык. Вместо обещанного мурлыками хлеба-соли оккупанты увидели перед своим носом дуло винтовки партизана, вместо цветов на головы левицких полетели плевки. Вместо покорных, лстивых улыбок гитлеровцы видели только пылающие ненавистью глаза. Оккупанты сеяли на своем пути смерть и руины, намереваясь пожать страх, но вместо страха они пожали бурю. Они пришли на Украину с биноклями Цейса, однако и с биноклями Цейса они блуждали ощупью по стране, где все живое дышало безграничной ненавистью к непрошеным пришельцам.

Немецкая армия просчиталась, бутафория оказалась ненужной, а олухи из желтоблаkitного балагана — лишним балластом.

Есть еще одна причина, почему Гитлер держит в черном теле своих украинских гайдуков, хотя все еще пользуется их услугами, как только может. Аппетит немецких империалистов так разгорелся, что эти хищники не хотят ни с кем делиться награбленным. Они идут теперь походом не только против народных масс завоеванных ими стран. Норвежский рыбак потерял национальную независимость и хлеб, а его хозяин потерял с приходом гитлеровцев, кроме национальной независимости, и корабль. Французского рабочего оккупанты вывезли на каторжную работу в Германию, в Германию вывезли оккупанты и заводское оборудование — собственность французского производителя. Польского батрака немцы оторвали от родной земли и заставили работать у прусского помещика, по и его вчерашний хозяин — польский помещик — уже не хозяин и не помещик, он слоняется за забором своей усадьбы, в которой устраивает банкеты новый ее собственник — немец. А те капиталисты завоеванных стран, которые все еще считаются капиталистами, это только сегодняшние «наемные офицеры», которые до поры до времени выполняют подсобную работу в немецком хозяйстве, в разрушенном войной и блокадой хозяйстве, которому так необходимы опытные руки.

Львовские шепаровичи и луцкие в сентябре 1939 года искали заступничества в Кракове под черным крылом гестапо. В июне 1941 года они возвратились во Львов, чтобы отдать весь свой товар в немецкие руки. Бандеры и

мельники лезли из шкуры, чтобы предательством и диверсией вымостить гитлеровским войскам дорогу на Украину, а если случайно они протягивали руку за подачкой за верную службу, гестаповцы за эту же руку хватали и великое-кого из них туда, куда Макар телят не гонял. Галицкие фабриканты мыла и папиросных гильз мечтали когда-то о толстенных пакетах акций и директорских кабинетах в металлургической промышленности Запорожья, а сегодня этим новоиспеченным жителям «краковского генерал-губернаторства» даже запрещен въезд в восточно-украинские области. Если же этим неудачникам и посчастливится попасть каким-то чудом в Киев, то там одно только могут припасти им оккупанты: черную работу в организованной и эксплуатируемой немцем рыболовецкой «артели» или... должность шпика гестапо.

Это последнее скорее всего. Гестапо также требует опытных рук, а кто же сможет превзойти в каиновой работе всех этих левицких, малапюков, донцовых, баранов и барановских, старых, опытных провокаторов, заслуженных сотрудников охраны, австрийской «к-штелле», дифензивы, сигуранцы, ветеранов немецкой «шпионажединст»!

Они питали надежду, что будут союзниками Гитлера, а стали только людьми, которыми помыкают, которым хозяин в любую минуту может показать на дверь. Но они не уйдут от его пирога. Они терпеливо клюют носом, со страхом ждут его гибели, чтобы умереть под его порогом, потому что пет пяди украинской земли, которая бы приютила этих каинов.

1943

ПОГОНЯ ЗА СМЕРТЬЮ

Последний немецкий кронпринц, сын Вильгельма II, вспоминая о штурме крепости Верден немецкими войсками, называет этот штурм фатальной ошибкой генерала Людендорфа. Ошибкой, которая не только измотала силы и обескровила немецкую императорскую армию, но и посеяла в душах солдат Вильгельма первые зерна неверия

и бунта, что так пышно взошли в октябрьские дни 1918 года.

О штурме немецкими войсками Сталинграда генералы Гитлера еще не написали воспоминаний, и все говорит о том, что они уже не будут иметь возможности написать их. А пока что немецкие генералы спешат, как люди, которые боятся опоздать на последний поезд.

Этот ихний сталинградский поезд, поезд к долгожданной «победе», должен был, по гитлеровскому расписанию, отправиться еще в конце августа. Еще 23 августа берлинское радио оповестило, что наступила последняя фаза боев за Сталинград. То же самое повторило берлинское радио и 28 августа. Но прошел и весь август, а красный глаз сталинградского семафора все еще горел над степью, наполняя суеверным страхом сердца солдат Гитлера.

Немецкие генералы спешили. Сначала они бросили на оставшиеся участки сталинградского фронта батальоны, потом полки, за полками — дивизии, а теперь по горам гниющих немецких трупов спешат на смерть целые немецкие корпуса. Сначала посылали в этот поход прочно законсервированные прошлой зимой излишки гитлеровской молодежи. Потом по ее следам пошли усатые резервисты из Баварии и Бранденбурга, прячась за спинами румынских солдат. Когда ж и эти ряды основательно поредели, Гитлер бросил на кровавые сталинградские жернова саперные и санитарные подразделения...

Битва за Сталинград достигла наибольшего напряжения. 5 сентября только одну улицу штурмовали три немецкие дивизии. И это они делали через тридцать один день после того, как гитлеровское радио объявило дальнейшую оборону города «безумием», и через две недели после официального немецкого уведомления о том, что Сталинград будто бы «уже отрезан и лишен возможности получить какую бы то ни было помощь».

Немецкие генералы спешат. Уже шестьдесят восемь дней длится величайший бой — бой за наш город Сталинград. Каждый из этих шестидесяти восьми дней имеет свое место в гитлеровском расписании, каждый из них, по плану Гитлера, должен был приблизить день его «окончательной победы». Но защитники Сталинграда смешали гитлеровские планы. И не только планы, — они ломают

также хребет гитлеровской армии. Шестьдесят восемь дней штурма советского Вердена уже обошлось Германии не менее, чем в триста шестьдесят тысяч убитыми и ранеными, то есть в четыре раза больше, чем потеряли кайзеровские войска во время наиболее отчаянных атак на французский Верден.

Немецкие генералы спешат. По ночам уже веет холодом в приволжских степях. Того и гляди размокнет степная земля, завязнут в ней немецкие машины с боеприпасами, напрасно будут месить черную липкую грязь гитлеровские танки. Не зря спешат немецкие генералы...

Они стягивают к Сталинграду все новые и новые пополнения, несмотря на то, что и с Северного Кавказа, и с донских степей, и из-под Воронежа, несется в гитлеровскую штаб-квартиру отчаянный вопль: «Шлите быстрее помощь!» Вопил о помощи генерал Клейст, пока милосердная смерть не освободила его от земных забот. Вопили о ней перед смертью командующий венгерской дивизией полковник Норд и кавалер «рыцарского креста» генерал Лангман. Но Гитлеру во что бы то ни стало нужен Сталинград. Сталинград для него сегодня не только вопрос стратегии, не только вопрос престижа, нет, это куда больше, это вопрос жизни и смерти фашистской Германии.

Слово «Сталинград» — великое слово. В нем слышен сегодня могучий взмах крыльев боевой славы нашей армии. Защитники Сталинграда показывают грядущим поколениям, на какие героические подвиги способен великий, свободный народ. Незатихающая канонада на подступах к Сталинграду — это звон, эхо которого летит далеко на запад, в хмурую европейскую ночь, и пробуждает к жизни миллионы сердец. Чем дальше, тем сильнее зовет сталинградский набат, чем дальше, тем яснее восходят зори свободы над Европой.

Немецкие генералы спешат на единственный поезд, который еще остался в их распоряжении, на поезд смерти. Этот поезд мчится приволжскими степями — в черную ночь, в мир небытия и смерти.

Те, что пришли из мрака, во мрак и уйдут.

Наместник и палач Чехии и Моравии Гейдрих был срочно вызван в Берлин. Мимо машины Гейдриха пролетали села и города, на опустевшей дороге лишь изредка встречались прохожие. Угрюмым взглядом встречали они черного провозвестника смерти. Внезапно послышалась короткая, резкая очередь автоматов. В тот же миг все- сильный повелитель и палач чехов, истекая кровью, как мешок повалился на колени своего спутника.

А через полчаса на улицах Праги засуетились побледневшие, напуганные эсэсовцы. «Наместник тяжело ранен, за поимку виновных немецкое правительство назначает награду в десять миллионов крон», — кричали крупным шрифтом объявления. «В протекторате объявляется осадное положение; кто из чехов появится на улице после шести часов вечера, будет расстрелян!» — вещали еще более крупным шрифтом другие. Наспех мобилизованное гестапо приступило к работе. Через сутки после покушения было опубликовано сообщение о первых казнях: была расстреляна чешская семья из шести человек, среди них — две женщины и шестнадцатилетний юноша. С часу на час ожидали очередного списка расстрелянных.

Гейдрих был когда-то офицером. Уличенный в краже денег, он вынужден был оставить армию. Благодаря этому нацистская партия обрела еще одного члена и пламенного сторонника Гитлера. В 1940 году имя Гейдриха становится известным. За короткое время он истребляет восемьдесят тысяч поляков. Впоследствии Гитлер посылает своего способного ученика в Югославию; здесь Гейдрих отмечает свое пребывание пятьюдесятью тысячами повешенных и расстрелянных сербов. То же самое кровавое дело он совершает потом в Норвегии. Осенью 1941 года он получает задание расправиться с чехами. В своей пражской усадьбе Гейдрих неумоимо подписывает смертные приговоры.

Когда ему уже казалось, что он окончательно справился с гордым, непокорным народом, ему присылают из Берлина поручение немедленно выехать во Францию, Бельгию и Голландию, чтобы и там потопить в крови освободительные стремления народов. Он проводит в этих

странах реорганизацию гестапо и при этом удобном случае издает приказы о массовых арестах и казнях.

Теперь работу палача Гейдриха взял на себя его преемник генерал Курт Далюге. Над Чехией нависла кровавая мгла нацистского террора. Но чешский народ не оставляет борьбу ни на час. У каждого чеха только одна мысль: пробил час расплаты с врагом. Эта мысль порождает не только отдельных героев, она охватила весь народ и весь народ подняла на войну против оккупантов. Эта война вошла в фазу, когда никакое осадное положение, никакие расстрелы не остановят ее, не задушат. Чем больше чешской крови прольют гитлеровские садисты, тем ожесточеннее будет сопротивление потомков Гуса и Жижки. «Белая Гора не повторится больше!» — эта клятва стала для чехов законом и боевым лозунгом в героической освободительной эпопее, разгорающейся сегодня по всей Европе, везде, где свирепствует волчья свора Гитлера, везде, где слово «свобода» звучит как набат.

Этот набат, зовущий к свободе, зазвучал теперь во всех странах от Средиземного моря до Нордкапа. Почти одновременно с покушением на Гейдриха неизвестный норвежский патриот убил выстрелом из револьвера шефа гестапо Западной Норвегии и его помощника. Через несколько часов после этого село, в котором были убиты гестаповцы, сжег дотла карательный отряд, все мужчины были арестованы, а их семьи вывезены в неизвестном направлении. Несколько дней тому назад литовские патриоты убили двух нацистских служащих. Оккупанты ответили на это расстрелом четырехсот заложников. На действия польских партизан гитлеровцы отвечают привычной иступленной жестокостью. Они расстреливают, они вешают, они гноят в концлагерях лучших представителей польского народа. Пришло известие о мученической смерти в одном из нацистских лагерей гордости польской литературы и науки, известного всему миру переводчика французских классиков, члена Союза советских писателей Украины, профессора Тадеуша Бой-Желенского. Но ни его смерть, хоть как она для нас всех ни тяжела, ни смерть неисчислимых безымянных героев поращенной Европы не спасут нацистских изуверов от расплаты, не отведут карающую руку, уже сегодня сжимающую их горло.

Народы Европы проснулись. Три пули в хребте палача Гейдриха — это только аванс. Приближается час окончательной расплаты.

Это будет суд, какого еще не знала история...

1943

КАННИБАЛЫ

В 1939 году, после того как немцы заняли город Краков, Гитлер приказал поставить «почетный» военный караул у гроба маршала Пилсудского, похороненного в Вавельском замке. Тогда гитлеровская пресса объясняла этот театральный жест благодарностью Гитлера Пилсудскому за его политику флирта с фашистской Германией. Однако речь шла о другом. Этой комедией он хотел усыпить бдительность других народов, которых Германия, по его плану, должна была проглотить только через некоторое время.

Что касается Польши, польского народа, то в сентябре 1939 года у Гитлера еще были иллюзии, что ему удастся с такой же быстротой превратить поляков в рабов-хлебопашцев, с какой ему посчастливилось разгромить армию Ридз-Смиглы. Но уже мужественная оборона Варшавы ее жителями показала, что иллюзии иллюзиями, а на поляках гитлеровцы могут поломать себе зубы. Тогда Гитлер принялся за осуществление своего давнишнего плана: голодом и террором принудить польских рабочих и крестьян к тому, чтобы они в конце концов забыли, кто они такие и какого они рода-племени.

Прошло какое-то время, и действительность вторично уже развеяла маниакальные мечты Гитлера. Правда, сотни тысяч польских людей погибли за это время на виселицах и в концлагерях, сотни тысяч поляков с позорным клеймом на рукавах были вывезены на каторгу в Германию, однако те, что остались, не только не склонили головы перед немецкими разбойниками, но и быют их где могут и как могут...

В связи со все ухудшающейся ситуацией Германии Гитлер решил в мае 1942 года сделать еще одну попытку обмануть поляков. Он предложил им выделить из своей

среды наиболее паршивую овцу, которая согласилась бы играть роль польского квислинга, причем обещал открыть некоторые польские школы и несколько ограничить грабительский вывоз из Польши продовольствия. За все эти «блага» Гитлер требовал от поляков «немцогого»: лишь полного подчинения фашистской Германии и их участия в войне против Советского Союза...

Ждал Гитлер ответа от поляков, да не дождался. Паршивой овцы не нашлось, никто не проявил желания разговаривать с генерал-губернатором Франком. Эту пощечину Гитлер не мог переварить спокойно. Он ответил на нее усилением террора. На головы поляков посыпались новые сотни и тысячи смертных приговоров, был открыт ряд новых концлагерей.

А потом случилось то, чего, в конце концов, и можно было ожидать от Адольфа Гитлера, автора кровавой книжки «Майн кампф». Однажды в июньское утро нацистские чиновники в Польше получили от него приказ, на основании которого они в течение ближайших восьми лет, то есть не позднее 1950 года, должны были физически уничтожить всех поляков...

И чиновники немедленно принялись за работу. Гитлеровский наместник в Западной Польше Грайзер начал новый этап своей работы такими словами: «Пока на этой земле живет хоть одна польская женщина или ребенок, мы не можем считать ее нашей. Отныне право на эту землю будут иметь исключительно люди немецкой крови».

На безумный приказ Гитлера откликнулась и его печать. Журнал «Цейтшрифт фюр политик» в июньском номере пытался даже дать теоретическое обоснование для этого очередного акта гитлеровского каннибальства. Вот что можно было там прочесть:

«Уничтожение другой нации не противоречит законам жизни при одном лишь условии,— если это уничтожение является абсолютным».

Теперь понятно, в чем суть дела: массовое убийство, убийство целых народов лишь тогда не будет противоречить законам жизни современных каннибалов, если эти народы будут истреблены до последней женщины, до последнего ребенка. Теперь даже наиболее наивные люди будут знать, как нужно понимать массовые расстрелы поляков, чехов, югославов, французов, как нужно пони-

мать уничтожение гитлеровцами жителей сел и городов в оккупированных районах нашей страны...

Когда настанет долгожданный час разгрома немецко-фашистской армии, обреченные Гитлером на истребление народы вспомнят фашистские «законы жизни» и сделают с авторами этих законов и с их исполнителями то, чего они давно уже заслужили. Тогда построенные гитлеровцами для поработенных народов виселицы сыграют свою историческую роль. Очутившись на них, фашистские готтентоты познают иной закон — закон беспощадной расплаты.

1943

ЛИКВИДАЦИЯ

Разглядываем фотокарточку: гладко выбритая физиономия типичного бандита. На голове у него шапка-мазепка — единственная уступка гитлеровцев галицийским желтоблаkitникам. На шапке — круглая кокарда полицейского, напоминающая пломбу, которой в панской Польше клеймили уши назначенных на экспорт свиней. Туловище затянуто ремешками, обвешано какими-то жестяными побрякушками, на груди большой бинокль, на одном боку вместительная полевая сумка, на другом — огромных размеров револьвер. Можно подумать, что перед нами герой из мексиканской оперетты, если бы не глаза, точнее говоря, не глаза, а две узенькие щелчки, через которые глядит на вас двуногий зверь.

Кто такой Федь Коваль? Кулак из села Лопушная, но из тех кулаков, которые предпочитают не сеять, не пахать, а собирать. Долго ждал Коваль своего часа. Он пробил, когда в Бибрке появились немцы. Федь один из первых записался в полицию. Это был единственный возможный для него путь к карьере и... наживе.

Начались «действия».

Федь Коваль не рыл ям для трупов. Это делали сами обреченные. Он только следил за ними: украдкой из-под опущенных ресниц следил за движениями тех, кто раздевался. Когда на руке девушки блеснет, бывало, золотое кольцо, Федь незаметно подходил к ней и движением

опытного вора снимал кольцо с пальца. Серьги вырывал с мясом: церемониться некогда — за спиной Федя стояли в очереди сотни людей, дожидаясь его пули.

Стрелял Федь отлично. Немецкий комендант Бибрки не мог им нахвалиться: не бывало случая, чтобы Федь промахнулся. Когда по приказу гестаповцев человек бежал изо всех сил на «доску смерти», Федь попадал ему в затылок на расстоянии двадцати и даже тридцати шагов. Больше всего возни было с маленькими детьми. Они ни за что не хотели приближаться к страшной яме, в которой шевелились в предсмертных судорогах сотни залитых кровью тел. Федь то угрожал, то показывал им конфеты. Когда это не помогало, он хватал ребенка за ножки и подбрасывал его высоко вверх. Маленькое тельце, перевернувшись несколько раз в воздухе, падало в яму.

Спустя некоторое время Федь завел себе невесту. В воскресенье он брал ее под ручку и, весело поскрипывая сапогами собственного производства (всесторонний Федь владел и этим ремеслом), медленным шагом провожал ее через город в лесок. Федь не знал тогда, что скоро придет время и лес перестанет быть для него местом развлечения.

Приближался фронт. Федь понимал, что блаженству наступает конец и придется сматывать удочки. Когда комендант города сидел уже на чемоданах, Федя вызвали в гестапо. Разговор был коротким. На следующий день Федь Коваль исчез.

Он напомнил о себе людям только после прихода Красной Армии. Но это был уже не Федь Коваль, а «Мороз». Точнее говоря, Мороз — комендант «куренья», так пазываемой УПА, и, по его словам, воевал он уже не за Гитлера, а за «соборную».

Воевал этот украинско-немецкий националист методами, проверенными им в украинско-немецкой полиции. Он подходил к крестьянской хате и стучал в окно. Когда ему открывали, он рубил топором хозяев и их детей. Если же никто не выходил, Федь поджигал хату и не возвращался в лес до тех пор, пока не утихали крики заживо сгорающих людей.

По ночам, в условленное время, «юнkersы» сбрасывали шайке Федя вооружение и боеприпасы. Как-то спустили ему даже парашютиста-офицера. Федь не был доволен, он не любил делиться властью, но, что ж, служба

есть служба. И «Мороз» подчинялся. Немец разрабатывал планы набегов, Федь исполнял их. Немец ругался, Федь перед ним вытягивался. Общие дела в прошлом связали Федя с немцами раз и навсегда.

Но дела Федя ухудшались: его банде не хватало бандитов. Инструкция его «руководства» предлагала провести «мобилизацию». И Федь проводил ее, и прежде всего среди кулацких сынков. «Добровольца» приводили в лес в большинстве случаев под дулом автомата. Там его поджидали Федь и немец.

— Выбирай! — орал Федь, показывая на автомат. — Это или...

— Капут!.. — заканчивал фразу немец.

И часто после такой убедительной беседы «доброволец» клялся быть верным...

Перед нами один из таких Федевых горе-вояк. Его только вчера вытащили из ямы. Водянистые глаза трусливо бегают по комнате.

— Зачем пошел в лес?

— Федь Коваль приказал.

— И больше никто?

— И... и немец-офицер...

— А ты любишь гитлеровцев?

Водянистые глаза на одно мгновение вспыхивают:

— Я от них, проклятых, три недели бежал. В Германию было вывезли!

— Значит, гитлеровец — враг...

— Враг!

— А Федь, который служит ему, не враг?

— Враг...

— Так чего ж ты служил врагам?

В этой растрепанной голове просынается что-то похожее на мысль. Обросшее рыжеватой щетиной лицо плаксиво кривится, из глаз горохом катятся слезы.

— Разве я знаю!.. — кричит он вдруг не своим голосом.

Обращение правительства Советской Украины возвратило его к жизни. Окончилось, наконец, волчье прозябание в звериных норах, перестал сжимать сердце страх за себя и за своих близких, есть возможность вернуться к труду.

Приходит конец бандеровским «морозам». Скоро уже они будут в одиночестве выть волками в лесу. Не согреет их тепло домашних очагов, не укроет от ненастья кре-

стьянская крыша, и из-под каждой такой крыши будут плевать в них пулями. И прежде всего это будут делать те, в душу которых так долго и безнаказанно плевали националистические Феди.

1944

ИВАСЬ СОРОКАТЫЙ

Не надо особенно доверять людям, которые вместо «огурец» говорят «огурчик», а вместо «капуста» — «капустка». Почему? Сейчас увидите.

В древнем городе Львове жил Юра Шкрумеляк. Что это был за человек! Еще сызмальства наш Юра отличался евангельской кротостью и смирением, и все были уверены, что как только Юра подрастет, то обязательно пойдет в монастырь.

Однако Юра не избегал забот мирских, он отважно ринулся в водоворот житейской суеты и в одно прекрасное утро появился с медовой всепрощающей улыбкой на губах в большом и грешном городе Львове.

Здесь он сразу же обратил на себя внимание. И не только тем, что вместо «деньги» говорил «денежки», вместо «девушки» — «девчоночки», а вместо «вода» — «водичка».

Больше всего поразил жителей Львова его творческий гений, который показал миру, что можно одновременно писать одной рукой стихотворение, другой — роман, а третьей... Да нет же, третьей руки у Юры не было. Но хотя у него и не было третьей руки, все равно он умудрялся чуть ли не каждую неделю выпускать в свет роман, сотню стихотворений и дюжины две рассказов. Однако подлинная слава приходит к несравненному Юре лишь с появлением во Львове Ивана Тиктора, издателя так называемой «Коровьей газеты». Эта газета оплачивала убытки своим подписчикам, у которых подыхали коровы. Видно, из любви его к «сестрам по крови», как сам Шкрумеляк откровенно признавался, наш поэт становится ретивым сотрудником газеты под псевдонимом — Ивась Сорокатый.

С той поры уже не было ни одного номера «Коровки»,

в котором бы не появлялся стихотворный фельетон, обязательно заканчивающийся словами:

...вот этой-то фразой крылатой
хотел вам напомнить Ивась Сорокатый.

Что же такое хотел сказать своим читателям Ивась Сорокатый? Он хотел им напомнить, чтобы исправно высылали в газету взносы, пока у них еще не подохла коровка, крепче сплывались вокруг своей «коровки», а кроме того, Ивасик Сорокатый из каждой строчки брызгал слюною и желчью на Советскую Украину.

И результатов не пришлось долго ждать: прежде Юрасик-Ивасик был гол как сокол, а теперь выстроил себе приличный домик...

Когда же пришел сентябрь 1939 года, а с ним Красная Армия, Юрасик-Ивасик ни на минуту не прекратил творческой работы. С его станка, словно по конвейеру, сыпались теперь сотни стихотворений, в которых солнце называлось «солнышком», «воля» — «волюшкой», а «рубль» «рубником». Он хотел было даже Кремль назвать «кремником», но не смог найти для этого слова подходящей рифмы. С благожелательной улыбкой на губах, с ручками, смиренно сложенными на круглом животике, подсчитывая свой гонорарчик, он пробирался на митингах поближе к трибуне и кричал: «Да здравствует!..»

А потом Львов вместе со Шкрумеляком захватили фашисты. Улицы города были залиты кровью многих тысяч его жителей. А Юрасик-Ивасик?..

С неизменной медовой улыбкой на губах, с поднятой ручкой, он встретил гитлеровского губернатора возгласом «Хайль!», а вернувшись домой, охваченный очередным творческим порывом, написал стишок «Чудо в дубраве».

Какое же это «чудо»? А вот послушайте:

Зеленеет дуб-дубочек,
Погодушка греет ниву,—
Радуетя мой сыночек:
Его долюшка счастлива.

(«Львовские вести», 1942)

Как видите, нет тут по существу никакого чуда. Шкрумеляк — не Шкрумеляк, а Иуда; Юрасик-Ивасик — не Юрасик-Ивасик, а Иудушка. И разницы здесь особенной нет в том, что ему мерещится дуб-дубочек, а не оси-

на, на которой, как известно, и закончил когда-то свою «долюшку счастливую» Иуда.

Не чудо и то, что после всего этого хочется сказать по адресу несравненного поэта:

— Скатертью тебе дорога, Юрасик-Ивасик,— националистический холуйчик!..

1944

ЗАКЛЕЙМЕННЫЕ

КАРТОЧКИ ИЗ АЛЬБОМА

Семнадцатый полк, улан, расквартированный во Львове накануне 1939 года, славился не только красотой своих коней. Особенно тщательно были подобраны в этом полку его офицеры, преимущественно сынки помещиков. Пилсудский знал, что делал, поручая этим прототипам эсэсовцев подготовку выборов в сейм осенью 1930 года. Они с таким мастерством организовали массовое избие-ние шомполами крестьян Львовщины, они с такой садист-ской последовательностью разрушали крестьянское иму-щество, поливая зерно керосином, а библиотеки — наво-зом, что Иеремия Вишневецкий, наверное, от зависти пе-реворачивался в гробу.

Когда вся эта братия проходила, бывало, военным строем мимо студенческого общежития, что на улице Ло-зинского, там открывались окна и возгласам «да здрав-ствуют» не было конца. Этот крикливый энтузиазм мо-лодчиков из фашистской «фаланги» и не менее фашист-ской ОНР («Обуз народово-радикални») имел свои основания. И те и другие были детьми одного и того же отца, и тех и других объединял один и тот же лозунг «бей». Бей украинцев, евреев, бей рабочих, бей всех де-мократов, всех прогрессивных людей без различия нацио-нальности... Онровцы с таким же наслаждением вспары-вали ножами животы студентам-евреям, с каким уланские офицерики пороли до смерти несчастных украинских крестьян.

Появление Гитлера на международной арене зажгло в этом «обществе» самые розовые надежды. Наконец,

пришел их мессия, достаточно сильный, чтобы осуществить царство фашизма на земле. Им уже представлялась «новая» Польша: с украинскими и белорусскими землями, но без украинского и белорусского населения. Им представлялись уже не «погромчики» с двумя-тремя десятками замученных до смерти евреев. Они точили ножи для всеобщей Варфоломеевской ночи. Они собирались резать всех, кто не поклонялся фашистским богам: коммунистов, социалистов, людовцев, представителей демократической интеллигенции, или, говоря их языком, «масонов».

КОНЬЮНКТУРА

Ахиллесовой пятой польского фашизма было то, что у него не было «надлежащей массовой базы». Не было ее ни у Пилсудского, ни у его полковничьей камарильи.

Более благоприятную конъюнктуру создала для него немецкая оккупация.

Старые, потрепанные и крайне непопулярные политические лозунги были изъяты из обихода, скомпрометированные вожаки нырнули в неизвестность, чтобы сейчас же после этого вынырнуть в другом месте с перекрашенными волосами и под более или менее романтическим псевдонимом. В их политическом словаре осталось уже только одно слово — «Польша», и этим словом они жонглировали теперь с ловкостью опытных мошенников. Для большей важности они побрякивали оружием, обещая пустить в ход против немцев — «в удобный момент».

Такая тактика дала некоторые результаты. Кое-кто из поляков, сбитых с толку «патриотической» антинемецкой декламацией перекрашенных лисиц, пошел за ними.

Законспирированная группа ЗВЗ («Звйонзек вальки збройней») превращается в более массовую организацию с претенциозным названием АК («Армия Крайова»). Явно фашистская НСЗ («Народове силы збройне») по тактическим причинам временно стоит в стороне.

Тактику обеим этим группам, как и их названным сестрам в Польше, диктовал эмигрантский Лондон, — известную уже тактику «выжидания с оружием, приставленным к ноге».

Разумеется, долго длиться это не могло. После Сталинграда, Курска и Киева события разворачивались быстрыми темпами. Произошло то, чего больше всего боя-

лись не только гитлеровцы, но и аковцы, и исзовцы: па фашистскую Германию надвигалась с Востока уничтожающая буря, которая должна была вырвать с корнями не только немецкий фашизм, но и его иноязычные ростки.

Одного только подавления массовой борьбы против немецких оккупантов было уже мало этим названным сестрам.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАЛАЖИВАЮТСЯ

Выручили их сами немцы.

Февральским вечером 1944 года гестаповцы вошли в один из магазинов и вежливо попросили его владельца пойти с ними.

— В чем дело? — ужаснулся торговец.

— Пустяки, — ответили ему. — Через час вернетесь домой.

Спустя десять минут торговец сидел перед криминаль-комиссаром Карстеном и его ассистентом Байером.

— Вы городской комендант НСЗ города Львова? — спросил тихим голосом Карстен.

Задержанный даже не пытался отрицать.

Началась беседа, становившаяся постепенно все теплее.

Около полуночи криминаль-комиссар отвез «коменданта» домой на собственной машине.

Через несколько дней, точнее вечером 26 февраля, эта же машина стояла на углу улиц Николая и Мохнацкого. К ней медленным шагом подошли две фигуры.

— Где Стрийская улица? — спросил один из них у шофера.

Вместо ответа открылась дверца, и неизвестные люди шмыгнули, как коты, в машину, где их уже ждал криминаль-комиссар Карстен. Машина двинулась в направлении Пелчинской.

В ОБЪЯТИЯХ ГЕСТАПО

В этот вечер обе стороны окончательно выяснили свою точку зрения. Вот что пишет об этих переговорах криминаль-комиссар Карстен в «Секретном государственном деле», датированном 27 февраля 1944 года. На предложение Карстена наладить сотрудничество НСЗ с немецкой

охранной полицией (гестапо) «городской комендант» НСЗ ответил:

«Если немецкая охранная полиция даст мне возможность быть посредником между ней и НСЗ, то я готов установить связь между охранной полицией и НСЗ, чтобы найти при переговорах способы и пути для будущих заданий против большевизма».

Получив эту возможность, господин «комендант» одновременно старается, чтобы об этих переговорах не узнали, чего доброго, рядовые сторонники и члены НСЗ. Во время другой встречи с гестаповцами он ставит такое требование:

«При встречах и переговорах должны быть самым строгим образом соблюдены правила конспирации, безусловно сохранены в тайне от немецких (какая осторожность! — Я. Г.), украинских и польских кругов. НСЗ настаивает, чтобы никто не знал, даже ее члены, что НСЗ установила непосредственную связь с охранной полицией».

На такое требование Карстен, очевидно, согласился с легким сердцем, тем более, что господин «комендант» оказался довольно-таки щедрым и услужливым партнером.

«НСЗ обещает:

а) Вести антикоммунистическую пропаганду...

б) Выявить коммунистические элементы как во Львове, так и во всей Галиции, и вывести их нелегальные методы работы и деятельности».

Чтобы у гестаповцев не было никаких сомнений относительно характера «Народных сил збройных», «комендант» отдает все силы в полное распоряжение гестапо. Он продолжает:

«Этим должна быть дана возможность охранной полиции провести широкие аресты членов ППР и подобных организаций».

Смакуя уже в воображении картину, как нсзовские шкуродеры будут выдавать польских и украинских патриотов в кровавые лапы гестапо, иуды из кожи лезут, чтобы заслужить доверие гитлеровского криминального комиссара. Окружной комендант торжественно заявляет:

«НСЗ готова и способна создать для активной борьбы против большевизма дивизию численностью в семь тысяч человек».

Это предложение поправилось Карстену едва ли не больше всех. Он помнил, какой дождь наград посыпался в свое время на Вехтера за создание им дивизии «СС-Галиция». Один только вопрос беспокоит еще господина криминаль-комиссара: какую цену назначат нсзовские партнеры за свою помощь.

Услышав ее, криминаль-комиссар Карстен почесал, наверное, затылок. Эти партнеры проявили немалый аппетит:

«Мы требуем один миллион злотых наличными, кроме того, одежду и вооружение для наших людей и средства передвижения».

Карстен понимал, почему нсзовцы уделяют такое внимание транспорту: основным занятием большинства членов НСЗ была спекуляция...

Львовское гестапо обратилось за инструкциями в Берлин. Вскоре поступил ответ. Он был положительным.

Третьего марта состоялась третья встреча. Соглашение было достигнуто, партнеры могли приступить к работе. Чтобы замаскироваться, молодчиков НСЗ решено было одеть в форму «баудинста».

Только с «дивизией» ничего не вышло. Как оказалось, общее количество участников нсзовских банд было слишком скромным, для того чтобы создать из него хотя бы один только полк.

КОГДА ДВОЕ ПОЛЮБЯТ ДРУГ ДРУГА

В Берлин полетели рапорты, криминаль-комиссар Карстен имел полное право ожидать награды. Однако почтить на лаврах гестаповцам так и не удалось. В руках Красной Армии был уже Тернополь. По данным немецкой разведки, готовилось новое большое наступление наших войск. Создание диверсионных банд в советском тылу становилось для немцев все более необходимым. Гестаповец Витиска уже имел в кармане договоренность с бандеровцами. Карстен и Байер оснащали нсзовских громил. Настало время подумать об агентуре Лондона — АК.

Весной 1944 года руководители АК во Львове получили от гестапо так называемое «железное письмо» с подписями, двумя печатями и... с предложением прислать представителей для переговоров. О цели переговоров говорилось в письме довольно скромно. Это должно было

быть обычное «контактирование в работе»... Авторы письма давали при этом «офицерское слово чести» не трогать аковских представителей и обращаться с ними, как с «высокой договорной стороной».

«Железное письмо» не осталось без ответа.

Откликнулся на письмо не кто иной, как сам «начальник второго отдела АК во Львове», выступавший под поэтическим псевдонимом «Лёт». Немедленно был установлен контакт. С немецкой стороны принимал участие в переговорах криминаль-комиссар Паппе.

Эти переговоры проходили с ведома и по инструкциям руководителя АК во Львове генерала Филиппковского. Санкция эмигрантского правительства на борьбу АК с органами советской власти и Красной Армией у господина генерала уже была. Надо было еще получить санкцию и... помощь гестапо.

Он ее получил.

УДАР

Двадцать седьмого июля Красная Армия освобождает Львов. Разбитые немецкие войска в панике бегут в направлении Самбора. На улицах Львова появляются вдруг вооруженные люди с бело-красными повязками на рукавах. Некоторые из них, дезориентированные, обстреливают отступающих немцев. Однако преимущественное большинство их занимается чем-то иным. Пользуясь временным беспорядком, они расправляются с... украинскими и польскими патриотами, охотясь с особенным рвением на партизан.

Они врываются в квартиры и на глазах детей убивают их родителей. На улице Шашкевича они среди белого дня зверски убивают одного из руководителей Народной гвардии имени Ив. Франко инженера Березина и его товарища Путька. Только на протяжении двух дней от рук аковцев гибнет во Львове шестьдесят шесть советских людей.

Советская комендатура предлагает убийцам сдать оружие. Этот приказ был будто бы выполнен. Вооруженные люди с повязками исчезли с улиц, чтобы вместе с основной массой оружия перейти в... подполье.

Теперь им уже нечего играть в прятки: НСЗ объединяется с АК, и они вместе начинают длиннейшую серию

убийств и грабежей. В декабре 1944 года польское эмигрантское правительство официально «распускает» АК и одновременно неофициально приказывает своим аковским агентурам продолжать бандитскую работу. Такие же инструкции шлет филиппковским из-за Вислы гестапо.

Красная Армия переходит в зимнее наступление, один за другим освобождаются польские города, окончательный разгром фашистской Германии становится вопросом ближайшего времени. В кругах польской реакции забили тревогу. Аковская банда получает приказ: «Убивайте!»

В КРОВАВОЙ МГЛЕ

И они убивают. Убивают выстрелами из-за угла советских бойцов и офицеров, зверски истязают до смерти польских патриотов.

Особенно одиозной личностью для гестаповской агентуры становится партизанский врач, доцент Львовского мединститута Белинский. Почему? Потому что этот молодой талантливый ученый считал своим долгом выступить перед польской общественностью со словами великой правды об общности интересов славянских народов, о том, что без советско-польской дружбы нет и не может быть свободной, независимой, демократической Польши.

Авторитет, завоеванный Белинским среди широких кругов львовских поляков, становится солью в глазу для контрагентов криминаль-комиссара Паппе. Сначала они подбрасывают Белинскому анонимные письма, презренные письма, написанные рукой и языком типичных дегенератов из эсэсовской конюшни.

Когда это не дало им желаемых результатов, аковские каналы исподтишка трусливо убивают врача-патриота и тяжело калечат его жену.

Через некоторое время после этого те же душегубы внезапно убивают профессора Львовского политехнического института Лангауэра в то время, когда он один молится на могиле своего сына.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Какие же элементы входят сегодня в АК? Ее вожаки — это главным образом пилсудчики, бывшие офицеры второго отдела, агенты польской охраны, авантюристы,

людишки, которые во время немецкой оккупации умело соединяли работу на благо гестапо со спекуляцией.

Для бандитских актов они используют почти исключительно молодежь 1927—1928 годов рождения, молодежь, духовно искалеченную немецкими оккупантами, которые забрали у нее школу и из бывших учеников сделали полуграмотных, мелких базарных торговцев крадеными сигаретами и полученной обманом водкой.

Именно эта часть польской молодежи и стала основным орудием преступлений в руках аковских провокаторов. Именно ее наиболее легко было обмануть, если учесть, что она не помнит и не знает Польши Пилсудского со всем ее позорным прошлым...

АК, как и бандеровщина, в нынешнем ее виде — это, главным образом, продукт гитлеровской оккупации. Бандеровцы вырезали на западноукраинских землях тысячи мирных жителей польской национальности. Их аковские побратимы не отстали от них.

Недавно на территории Польши нсзовская группа АК уничтожила жителей украинского села Верховины, Красновоставского уезда, где в течение двух часов фашистские изверги зарезали сто девяносто четыре человека, в том числе шестьдесят пять младенцев.

Красная Армия завершила разгром гитлеровской Германии, освободила от немецкого рабства трудящихся Западной Украины, помогла им вернуться в великую семью свободных народов Советского Союза. Вместе с тем Красная Армия принесла свободу братскому польскому народу, который теперь строит новую, сильную, демократическую Польшу.

Но не могут с этим примириться бандеровцы, аковцы и другие лакеи фашизма. Они пытаются стать на пути народа и с того берега Буга перебрасывают своих агентов для диверсионной работы.

Народ ненавидит их. Эти бандиты обречены. Однако молчать о них нельзя. Наоборот, нужно сказать об этой фашистской сволочи всю правду. Пусть они, эти кровопийцы прошлого, перейдут во мрак с заслуженным именем Иуды, с заслуженной печатью Каина на челе.

Четырнадцатилетняя девочка не может спокойно смотреть на мясо. Когда в ее присутствии собираются жарить котлеты, она бледнеет и дрожит, как осиновый лист.

Несколько месяцев назад в воробьиную ночь к крестьянской хате, недалеко от города Сарны, пришли вооруженные люди и закололи ножами хозяев. Девочка расширенными от ужаса глазами смотрела на агонию своих родителей.

Один из бандитов приложил острое ножа к горлу ребенка, но в последнюю минуту в его мозгу родилась новая «идея».

— Живи во славу Степана Бандеры! А чтобы чего доброго не умерла с голоду, мы оставим тебе продукты. А ну, хлопцы, нарубите ей свинины!..

«Хлопцам» это предложение понравилось. Они поставили с полок тарелки и миски, и через несколько минут перед оцепеневшей от отчаяния девочкой выросла гора мяса из истекающих кровью тел ее отца и матери...

Вот до чего дошли вырожда-бандиты, именующие себя «украинскими националистами» — бандеровцами, бульбовцами, мельниковцами. Их деятельность за последние годы — это непрерывная цепь диких зверств, чудовищной разнузданности и непревзойденных провокаций.

В январе 1940 года в ОУН произошел «раскол»: Бандера откололся от Мельника, гестаповские близнецы разошлись. Этого требовали интересы близнецов, этого требовали интересы их матери — гитлеровской Германии.

Роли были распределены так: Мельник должен был остаться явным безоговорочным лакеем Берлина, Бандера — чем-то наподобие Азефа. Горланя о «самостийной» и «соборной», этот демагог-провокаатор пытался сплотить вокруг себя как можно больше янычар-головорезов, готовых уже в первый день нападения Германии на Советский Союз стать шпионско-диверсионным отрядом гитлеровской орды.

Тридцатого июня 1941 года, на второй день после вторжения немцев во Львов, Бандера создал свое «правительство» для Украины. Через двадцать четыре часа после этой комедии произошла и другая: гестапо арестовывает Бандеру и его «премьер-министра» Стецька. «Арестовыва-

ет» и... предоставляет ему при этом полную возможность и дальше руководить своей шайкой...

С осени 1941 года бандеровская ОУН постепенно уходит в «подполье»: а подполье, кстати сказать, довольно мастерски устроено гестаповскими режиссерами. Захватчикам надо было любой ценой разбить единство украинского народа, парализовать растущее партизанское движение. И оккупанты сделали ставку на бандеровскую группу ОУН. Ей было дано задание направить по другому руслу антинемецкие настроения масс, не допустить до того, чтобы люта я ненависть украинского народа к немецким захватчикам вылилась в вооруженную борьбу за освобождение Украины.

И бандеровцы начинают действовать. В немецкой типографии в Луцке они печатают... антинемецкие листовки; новейшими немецкими автоматами вооружают свою так называемую УПА. Но ни их листовки, ни их автоматы не причиняют немцам особого вреда. От самой листовки еще никто не погиб, а пули бандеровцев получают ту особенность, что они летят не в сторону немецких карательных отрядов, а в грудь украинских и польских крестьян, их жен, матерей и детей, и в спины партизан-мстителей за обиды украинского и польского народов.

Вся эта каинова работа не могла, конечно, изменить и не изменила естественного развития событий. Украинский народ раскусил провокацию, с его помощью Красная Армия победно продвигалась на запад, освобождая от врага все новые и новые украинские земли. А гитлеровцы и их националистические прихлебатели оказались у разбитого корыта.

Могло бы казаться, что это уже конец, что это уже дно, ниже которого немецко-украинская националистическая нечисть опуститься не может. Но нет! Даже тогда, когда окончательное поражение Германии стало вопросом ближайшего времени, украинская агентура Берлина осталась верной себе, показала себя наиболее преданной лакейской сворой среди всех клевретов Гитлера в Европе.

Правда, эти профессиональные предатели еще и сегодня между одним и другим своим злодеянием декларируют о «самостийной» и «соборной», называя себя при этом «независимым политическим фактором». Но об этой «независимости» оуновских бандитов говорят факты. Факты неопровержимые, поддержанные показаниями действи-

тельных и единственных вдохновителей украинских националистов — господ из гестапо.

Предоставим слово документам. Пусть они войдут основным колом в могилу того, что долгие годы называлось смрадным термином: «украинский национализм».

Весной 1944 года Красная Армия в своем освободительном походе перешла реку Збруч. Примерно в то же время в немецкую охранную полицию и «СД» дистрикта¹ Галиция явились бандеровские «делегаты» с заявлением о том, что представитель так называемого «Центрального руководства ОУН — бандеровцев» Герасимовский желает «от имени политического и военного сектора ОУН» обсудить с гестапо возможности тесного сотрудничества против «большевизма» в новых условиях.

Гестапо не заставило себя просить: 5 марта состоялась в Тернополе встреча Герасимовского с представителем охранной полиции и «СД» криминаль-комиссаром Паппе. Как видно, гестапо сумело надлежащим образом оценить своих бандеровских контрагентов, посылая для разговоров с Герасимовским специалиста по уголовным делам...

Во время этой встречи Герасимовский сделал заявление, в котором, между прочим, сказал (по стенограмме секретаря господина Паппе):

«...Украинский народ и бандеровские группы ясно поняли, что они могут достичь своей независимости только при помощи самой великой нации Европы» (читай: немцев. — *Я. Г.*).

Слова «украинский народ» в устах матерого ренегата — это, конечно, только стилистическое украшение. Герасимовский хотел подчеркнуть, что судьба бандеровской братии, как и всех украинских националистов, и дальше остается в руках немцев.

«Осознавая это, украинский народ (читай: украинские националисты. — *Я. Г.*) стоял уже на стороне немцев в первой мировой войне, позднее искал и нашел себе поддержку в Германии, учился для немецких целей и, наконец, как в польско-немецкой, так и в немецко-советской войне внес свой вклад для Германии».

Тут Герасимовский безусловно прав. Украинские националисты были верными прислужниками немецкого им-

¹ Округ административный, судебный, избирательный в некоторых странах.

периализма во время первой мировой войны, они и потом искали и нашли себе поддержку в Берлине, они настойчиво учились быть квалифицированными шпионами в пользу Германии, они имеют полное право называть себя ветеранами немецкой разведки. Надо полагать, что и сам господин Паппе не имел в этом ни малейшего сомнения, и если он терпеливо слушал искренние исповеди бандеровского «самостийника», то это только потому, что так подсказывала ему долголетняя практика чиновника уголовной полиции.

Герасимовский продолжал:

«Надо покончить с той ошибкой, будто бы бандеровские группы считают Германию своим противником. Бандеровская группа говорит, что украинцы (читай: украинские националисты.— *Я. Г.*) удовлетворились бы государственной формой по образцу протектората, но этот шаг к самостоятельности украинцев не был осуществлен Германией: поэтому-то и бандеровская группа, связанная идеей (слышите: «идеей»! — *Я. Г.*), вынуждена для своей политической цели работать нелегально. Но все же в нелегальной работе строго предусмотрено не действовать против Германии, а подготовиться к решительной борьбе против русских. Это было убедительно доказано тем фактом, что бандеровская группа приступила к созданию, вооружению и обучению своих боевых отрядов только в феврале 1943 года, то есть в то время, когда в результате событий на Восточном фронте пришлось констатировать, что немцы не смогут победить Россию, как это казалось в начале войны».

Как видим, бандеровский цепной пес, всячески виляя, со все большей силой бьет хвостом по икрам господина криминаль-комиссара Паппе. В подхалимском раже Герасимовский не колеблется назвать своих подчиненных... криминальным элементом:

«Если же в отдельных местах и происходили акты антинемецкого саботажа, то это никогда не было по приказу бандеровской группы, а делалось самовольно украинцами из преступных побуждений...»

В конце своего выступления Герасимовский внес такие предложения:

«а) бандеровская группа полностью и безоговорочно укрепляет... солидарность со всеми немецкими интересами;

как подвоз, немецкое строительство на Востоке и необходимые требования в тыловых военных районах;

б) ОУН — бандеровская группа отдает в распоряжение немецкой договорной стороны собранный своей разведкой агентурный материал против поляков, коммунистов и большевиков с тем, чтобы использовать его для проведения карательных операций».

Националистическим помощникам немецких карателей недолго пришлось ждать ответа гестапо. Уже через несколько дней представитель охранной полиции и «СД» дистрикта Галиция обратился к обер-фюреру и полковнику полиции генерал-губернаторства Биркампфу с отношением, исполненным неприкрытой иронии по адресу бандеровской «договорной стороны»:

«Я прошу срочно сообщить о решении РЦГА, так как надо учесть, что представитель ОУН, предполагаемый будущий министр иностранных дел украинского государства, скоро придет ко мне».

Вторая встреча гестапо с Герасимовским состоялась 23 марта. В своем новом заявлении представитель ОУН был не менее щедрым, чем и в прошлый раз:

«...ОУН будет передавать немцам сообщения военного характера из районов за линией советского фронта.

ОУН будет держать свои боевые части за линией советского фронта и будет вредить советскому подвозу, базам подвоза, центрам вооружения, складам — активным саботажем...»

Готовясь к этой подлой работе, оуновские вожаки тщательно заботились о том, чтобы обманутые ими их сообщники не знали правды. Поэтому-то Герасимовский умоляет гестаповцев держать язык за зубами:

«Транспорты с вооружением и материалами для саботажа должны быть доставлены со стороны немцев через линию фронта частям ОУПА по всем правилам конспирации для того, чтобы не дать большевистскому режиму в руки тот козырь, что украинцы (читай: украинские националисты.— Я. Г.), которые остались за линией фронта, являются немецкими союзниками и агентами».

Двадцать восьмого марта тот же Герасимовский имел встречу с командиром охранной полиции и «СД» дистрикта Галиция, СС-оберштурмбанфюрером доктором Витиска. На вопрос Витиска, каким будет отношение бандеров-

цев к мобилизации немцами украинского населения, националистический мерзавец цинично ответил:

«ОУН не будет чинить препятствий; к тому же в украинском народе столько живой силы (!), что немецкие оккупационные власти могут проводить мобилизацию, и еще достаточно сил останется для вербовки в УПА, и оба партнера не мешают друг другу».

И действительно, оба партнера не мешали друг другу. И немцы и их бандеровские наемники соревновались за первенство в истреблении украинского народа. Если же им не удавалось выполнить это безумное задание, то лишь только потому, что их руки были слишком коротки...

Девятнадцатого апреля 1944 года состоялось совещание руководителей немецких «абверкомманд» 101, 202, 305 военной группы «Юг». Подполковник Линдгарт («абверкомманда» 101) в своем выступлении высказал по адресу оуновцев значительный комплимент. Вы только послушайте:

«Вне связи с ОУН моя агентурная деятельность вообще невозможна».

Еще более многоречивым был на этом совещании подполковник Зелигер («абверкомманда» 202):

«...Я должен практически охватить членов УПА на территории Галиции и после обучения и вооружения перебросить их самолетами на советскую сторону или же пропустить большую группу через фронтовые прорывы. Я с давних времен поддерживаю связь с УПА через посредника Шухевича и уже получил несколько человек для обучения».

Но пока гестаповцы советовались, Красная Армия с боями продвигалась вперед, приближаясь к западным границам Украины. Немецкие оккупанты предчувствовали, что им недолго уже ходить по украинской земле. И националистические кукушкины яйца снова имгодились.

Пятнадцатого июня представитель охранной полиции в официальном письме, адресованном главному управлению НИУ СС — штурмбанфюреру и советнику Поммерингу писал следующее:

«...5. VI. 44 года Н-ский референт имел очередную встречу с Герасимовским, на которой был обсужден вопрос о переброске через линию фронта на советскую сторону С- и Ф-агентов, а также об оставлении Ф-агентов, на

случай эвакуации немцами части Галиции в связи с военными действиями.

Эти переговоры служат также в интересах расквартированной здесь зондеркоманды «Цеппелин».

Что касается оставления Ф- и С-агентов для отправки их за линию фронта, Герасимовский заявил, что УПА поддерживает такую же связь с армией, какую охранная полиция поддерживает с ОУН-бандеровской группой.

Между немецкой армией и УПА уже давно существует договоренность о том, что УПА из своих рядов отдает в распоряжение армии Ф- и С-агентов.

Поэтому остается лишь познакомить охранную полицию с этими членами УПА».

Этого достаточно. Круг позора замкнулся, презренные националистические твари дошли до точки, с которой начали было свое блудливое путешествие. Отошли в безвозвратное прошлое надежды этих пройдох на «крупный выигрыш», испарились из их опьяневших от братской крови голов честолюбивые мечты о власти над Украиной. Бешеная, иступленная ненависть к украинскому народу, воспеваемая свыше двадцати лет в стихах их поэта Маланюка, толкнула их в ту же помойную яму, в которую скатились немецкие властители их душ и тел. В ту самую яму, в которой они родились и выросли и в которой их обучили ремеслу убийства, измены и провокации.

Кто-то мог бы спросить: как могут люди пасть так низко? Этот вопрос надо направить в фашистский Берлин, в эту гигантскую «малину» отбросов общества и народа, людей без чести, без родины.

И даже не людей, а чего-то такого, чему на человеческом языке нет названия...

1945

МАМЕЛЮКИ

Если у вас была когда-нибудь возможность познакомиться поближе с желтоблакитной литераторской братией, вы ничему уже не будете удивляться.

Василь Софронов-Левицкий был некогда одним из дра-

бантов¹ Донцова и вместе с этим провинциальным бомба-стом² проповедовал нового фашистского гомункулуса — человека с характером, мечтами и безграничными желаниями... степного волка. В 1939 году волк Софронов появился одним из первых в клубе советских писателей, но уже в овечьей шкуре.

Носил ее недолго, точнее сказать: до 29 июня 1941 года. С этого дня волк снова стал волком и завыл на старый мотив.

Юра Шкрумеляк был также ярким экземпляром галицийского «куда пошлешь» ботокуда. До 1939 года он был одним из наиболее активных оплевывателей всего советского. С приходом во Львов Красной Армии Шкрумеляк моментально «перестроился», и теперь на толстеннейших конвертах с его стихами появились уже новые адреса: «Киев», «Харьков», «Москва». Художественный уровень этих стихов был точно такой же, как и во время польского владычества, такое же точно и содержание; по-вой была зато — советская на этот раз — терминология.

Но достаточно было появиться во Львове гитлеровцам, чтобы Шкрумеляк снова сменил шкуру. Теперь он благодарил за свое «освобождение» людоедов и их фюреров и призывал по радио украинских крестьян сдавать немцам контингент и идти в «дивизию СС-Галиция».

Правда, были среди львовских желтоблакитных литераторов и такие, что не взяли в советских издательствах ни одного рубля. Это те, кто уже в первые недели становления советской власти на Западной Украине сочли за лучшее ходить без маски и подались в Краков на такие сладостные для них хлеба гестапо.

Поведение всей той компании во время немецкой оккупации — это особая и наиболее яркая страница книги бесчестия желтоблакитников.

В то время, когда истерзанная, разграбленная, раненная в самое сердце гитлеровцами Украина стоном стонала, эта свора строчила поначалу рифмованные и не рифмованные дифирамбы в честь ее палача Гитлера...

В дни, когда во Львове не смолкали душераздирающие крики сжигаемых живьем людей, а в яневском лагере

¹ Телохраниителей; в широком смысле слова драбант — раб, слуга.

² Краснобаем.

скрежетала машина для размолва человеческих костей, желтоблакитные мамелюки Гитлера со спокойным сердцем писали и печатали:

Зеленеет дуб-дубочек,
Погодушка греет ниву,—
Радуется мой сыночек:
Его долюшка счастлива...
(Ю. Шкрумеляк)

Приказы немецких губернаторов были для них павысшим законом. Нужно было генерал-губернатору Франку навалиться на украинских крестьян, чтобы они сдавали ему хлеб? Одно слово, и борзописцы в тот же миг брались за перья.

Понадобилось Гитлеру украинское пушечное мясо,— купчинские и бабии и тут приходили ему на помощь, отдавая свой рифмотворческий запал комиссиям, которые вербовали банды янычар.

Все это делалось с угодливой улыбочкой Смердякова. В подобострастном усердии львовские «тирольцы востока» доходили до того, что печатали переводы «сочинений» немецких писак из национал-социалистской партии, любовно выбирая при этом стихи, которые проповедовали «дранг нах остен» и создание «храма великой Германии» на костях славянских народов, в том числе и украинского (стихотворение Т. Кернера «Призыв» в переводе С. Городинского).

Не остался позади городинских другой энтузиаст «третьего райха» — Б. Державин. Этот нашел объект для своих псалмов в особе известного когда-то немецкого лирика Стефана Георге, который на склоне своих дней решил променять перо на... собачий хвост. Б. Державин с умилением ревностного лакея поглядывает, как Георге виляет хвостом перед этим своим фюрером и, услужливо переведя образчик горе-лирики, называет ее «пафосом и культом совершенства»...

Б. Державин — это один из небольшой группки профессиональных изменников типа А. Любченко. Над этими отроутками неопетлюровщины судьба жестоко поиздевалась: они прошли тот же самый путь, как и их предшественники в 1920 году. Если они и не свили себе нигде гнездышка и должны были бежать вместе с гестаповцами все дальше и дальше на запад, в темный немецкий тупик, то это уже не их вина... Но, пребывая во Львове, они делали

все возможное, чтобы поддержать на Украине гитлеровский «новый порядок», и в этой каиновой работе державины, любченки, осьмачки и гай-головки ни капли не уступали своим львовским побратимам.

Бесприщипность? Ни в коей мере! У всех у них есть свой принцип: он был, есть и будет до самой их смерти. Этот принцип — измена, перманентная измена, измена своему народу.

Шкрумеляки и городинские не вылупились из яиц случайной курицы. Нет, они — продукт старого, солидного немецкого инкубатора.

В 1848 году они помогали Меттерниху душить революцию; в 1914 году эти «тирольцы востока» плевками и камнями встречали украинских крестьян, тысячи украинских крестьян, которых гнали австрийцы на виселицу. Верноподданническим чувствам шкрумеляков и городинских не было тогда ни конца ни краю. Эти периферийные трубадуры немецкого империализма в лакейском экстазе создали даже нечто по образцу легионов и, соединив австрийский мундир с шапкой-мазепкой, претендовали на роль конквистадоров, которые должны были добывать для скипетра Габсбургов всю Украину — от Одессы до Харькова.

Наука императорско-королевских губернаторов и министров не пошла в лес. Наиболее верные из верных остались ими даже тогда, когда... не было уже кому быть верным, потому что и Вена и Берлин были выведены из строя. Попросив у наместника несуществующей уже монархии позволения на переворот, они перекрасили черно-желтые вывески на сине-желтые и под этими вывесками силились сделать из Галиции резерв бывшей Австрийской империи с теми самыми законами, которые существовали и при Франце Иосифе, с теми же офицерами-немцами, с теми же жандармами, с теми же польскими помещиками и с теми же украинскими Иванами без роду и без земли.

Подобрав себе генералов и полковников с благозвучными «украинскими» фамилиями, как например, Цириц, они решили продолжать политику Вильгельмовского генерала Гофмана и на смену гарнизонам разгромленной Австро-Германии послали на Украину свои войска. Те самые войска, которые должны были оборонять от

армии Пилсудского Львов, Станислав и бориславскую нефть.

Когда же из этого ничего не вышло и генерал Цириц на белом коне ни в Москву, ни в Киев не въехал, галицийские мамелюки немецких кандидатов в наполеоны — в связи с непригодностью в то время берлинского хозяина — обратили свои взоры на Варшаву и с песней «Довольно, лях проклятый...» открыли этому же ляху путь на Киев.

После карантина в польских концлагерях мамелюки возвратились в насиженные гнезда и, устроившись удобно на старых перинах, замурлыкали традиционные песни: «Мир вам, братья, всем приносим...» Всем, за исключением украинского и русского народов, которым мамелюки объявили войну не на живот, а на смерть.

Не следует думать, что любовь мамелюков к Варшаве была сердечной. Их тактика была такой же, что и немецкого меньшинства в Польше: тактика спокойного выжидания, пока прусский ястреб снова обрастет перьями, наострит свой клюв и бросится на Восток через труп Польши на Киев, Харьков, Донбасс.

Это выжидание не было слишком неприятным. «Оппозиция его величеству» была весьма рентабельным занятием, а концессии на фабрики и экспорт масла давали материальную возможность приятно проводить время между одной и другой политическими конъюнктурами. Правда, за концессии мамелюки расплачивались концессиями, но это ничего им не стоило, потому что обиженными, как правило, оказывались не они, а украинские рабочие и крестьяне.

Сентябрь 1939 года был для мамелюков месяцем больших надежд и большого разочарования. Вместо свастики они увидели на львовской ратуше такое ненавистное им красное знамя, знамя свободы и возрождения человечества.

Мамелюки вынуждены были решить: или — или. И они решили: или ехать под крыло гестапо в генерал-губернаторство, или оставаться дома. Впрочем, и одни и другие, и тут и там, делали то же самое. Краковские готовили антисоветские диверсии, львовские исполняли их. Краковские печатали антисоветские листовки, львовские распространяли их.

Нечего греха таить, положение львовских мамелюков

Гитлера было довольно сложным. Дело заключалось в том, чтобы и капитал приобрести, и в то же время — собственную голову сберечь.

Выход был найден. Одни мамелюки кричали на всех перекрестках: «да здравствует», другие — те, с литературным амплуа, — кричали то же самое на бумаге.

Эта вакханалия лицемерия и приспособленчества существовала ровно столько времени, сколько надобно было мамелюкам. 30 июня 1941 года они получили, наконец, возможность сбросить маску и вдохнуть полной грудью знакомый им, любимый и родной воздух немецкой конюшни.

Теперь они почувствовали себя на седьмом небе. Галицийский кулак, в течение ста пятидесяти лет дрессированный немецкими офицерами в австрийской казарме, ограниченный и тупой, коварный и лицемерный, трусливый и в то же время бесцеремонный, жадный и ненасытный, как все живоглоты во всем мире, сказал себе, что пробил его час. Спущенный с цепи немецким бароном, он впереди всех кинулся на сограждан другой национальности. Гитлеровцы грабили бриллианты, он довольствовался мебелью, гитлеровцы тащили меха, он рад был латаным штанам.

Как вши, размножались «украинские» предприятия, магазины, лавки и лавочки, где можно было купить детские рубашонки с едва приметными следами крови, сережки, только вчера вырванные из девичьих ушей вместе с мясом, костюмы, которые не успели проветриться от трупного запаха.

На улицах галицийских городов и городков появились в форме украинско-немецких полицаев верные сыны австрийских капралов и цугсфюреров. Достаточно было такому обмундированному живодеду поработать две недели во славу Гитлера, чтобы на его пальцах засверкали краденые перстни, а карманы отдулись от краденых денег. Эти подкулачники с таким же хладнокровием шантажировали свои жертвы, с каким на другой день они распарывали им штыками животы.

Они преспокойно открывали лавочки и кабаки, и их ни капли не волновало то, что карьера их построена на костях сотен тысяч ни в чем не повинных людей.

Националистический «Парнас» приобрел, наконец, своего кормильца. Правда, кормилец этот был скучным, а если у него и открывалась калитка, то только ради таких конкретных благ, как горилка и девчата. За замысловатые стихи Городинского никто из них не дал бы и одного оккупационного злotoго. Им нужно было утешение.

И мамелюки пера лезли из шкуры, чтобы удовлетворить требования этой сволочи. Для нее они создали так называемый «театр малых форм» — керницкие потели над скетчами, а дилетанты-актеры кривлялись до седьмого пота, чтобы только рассмешить мелких выскочек.

Лужницкий, некогда агент польской дифензивы, потом гестапо и по совместительству голова львовского союза мамелюков пера, придумывал для этой публики литературные цирки, ради пристойности названные «литературными судами», во время которых пассажиры фашистского пeгa-са с вывертами глупых клоунов взаимно потчевали себя оплеухами.

А делалось все это странно, «по-европейски». Наодеколоненное, обмотанное наимоднейшими галстуками, напоминало сие бывших мелкоместечковых парикмахеров в день приезда столичного театра с знаменитыми актрисами. В этом случае театром был гитлеровский «Гран гиньоль», а его светилами обер- и унтерштурмфюреры, которые никогда не переставали и никогда не перестанут быть для мамелюков совершенством культуры и цивилизации. «Культуры и цивилизации» в интерпретации смердяковых, которые привыкли видеть свет в вычищенных до блеска сапогах немецкого владельца их душ.

С момента захвата Украины немцами лексикон желтоблакитных литераторов обеднел вдруг на одно слово, которым они раньше жонглировали с ловкостью старых ярмарочных плутов. Имею в виду слово «Украина». Немецкий запрет? Разумеется, и это нас ничуть не удивляет, как не удивляет нас и то, что они с такой готовностью подчинились этому запрету. Украина — это ведь не только Днепр «седобородый» и поэтические хатки с подсолнухами перед окнами и добродушный, премудрый пасечник со столетним стажем. Это прежде всего люди, — настоящие живые люди Украины.

Украинские рабочие? Их мамелюки ненавидели всей

душой, и если приходилось когда-нибудь мамелюкам вспоминать о них, то с их перьев вместо чернил стекала только желчь.

Украинские крестьяне? Мамелюки видели только кулака и его воспевали, как могли. Крестьяне извечно думали, мечтали о земле, мамелюки же не посвятили этим думам ни строчки, даже тогда, когда за это никто бы их не посадил за решетку. Напротив, каждая смелая мысль о земле для крестьян вызывала у мамелюков пароксизм гнева, неважно, что земля была большей частью в руках феодалов польской национальности...

Украинская интеллигенция? И подавно, однако, в особенном, усеченном представлении. Героями их книжек были либо бывшие офицеры УСС, точнее говоря, те из них, которые на своей «славе» сумели сколотить потом звонкий капитал, либо оруженосцы этих рыцарей коммерции и политической проституции — буневские сопляки, эти долголетние тренеры нынешних бандеровских головорезов.

Конечно, мамелюки пера «не признавали» общественных проблем. Классовая борьба? По мысли этих интеллектуальных парвеню она просто не существовала, это была, дескать, выдумка коммунистов, масонов и евреев. И тут разногласий у них не было, они расходились только по одному вопросу: в то время, как одни констатировали безбуржуазность украинской науки, другие — из донцовского инкубатора — голосовали за... всебуржуазность украинской нации. Все это нисколько не мешало ни одним, ни другим служить не за страх, а за совесть буржуазии, и бороться не на жизнь, а на смерть с... украинской нацией.

Они ненавидели и ненавидят русский народ, русскую культуру. За что? За прогрессивность русского народа и его культуры.

Одичавший от долголетнего культурного поста обыватель с душой взбешенного от бессильной злобы живоглота понял, что при неминуемом столкновении двух миров — молодого прогрессивного с темными, наиболее темными силами реакции — последние найдут свою опору в солдафонской, по-волчьему захватнической Германии, и потому он навсегда связал свою судьбу с судьбой разбойничьего Берлина.

Он не виноват, что в этой игре поставил надохлого коня: он так же, как и его берлинский хозяин, верил в чудеса и в их симметрию.

Спорить о том, кто из этих партнеров глупее, было бы напрасной тратой времени. Что ехало, то и встретилось.

* * *

Пришло время, и окончились «счастливые деньки», — вот уже проходит год, как мамелюки потянулись в хвосте битой гитлеровской армии. Это уже не эмиграция. Кто же в освобожденной Европе даст пристанище этим верным слугам-друзьям немецкого разбойника! Нет, это что-то несравненно более горькое: непрерывное шаганье из угла в угол, из-под окна одного дома под окно другого, и так — до смерти под чьим-то порогом.

Морально они давно уже умерли. Еще год тому назад мамелюки сновали по Львову, посюсюкивали, похихикивали, болтали, декларировали и писали — писали без конца и меры, а сегодня никто, буквально никто не вспомнит о них теплым словом. Забыли их, забыли их писанину. Из бандеровского живодера не выйдет героя, из вилки лиры не сделаешь.

Нет, не писателями были курпиты, цуровские и мельники, и не литературой их книжонки. Это только мамелюки пера, добровольные штабные писаря одного из прусских полков, — полков, которым уже раз и навсегда пришел конец и вместе с их живым инвентарем, желто-блакитными мамелюками.

Три года ужасов немецкой оккупации оставили глубокие следы в человеческой памяти. В воробьиную ночь, в болезненном видении, когда на сердце ложится тяжелый, как скала, камень, людям мерещатся горящие города, всплывающие в крови дети, они одновременно видят самодовольные эсэсовские морды и людей — гиен, которые шарят среди трупов и пожарищ. Среди них они опознают мамелюков пера — по кайновой печати на их лбах. И тогда люди шепчут слова проклятья.

Наитягчайшего из наитягчайших.

Надо сказать, что Геббельс и его приспешники изрядно потрудились, чтобы доставить Международному Военному трибуналу достаточное количество доказательного материала против нацизма и нацистов. Один из таких документов невольного самообвинения мы рассматривали сегодня в течение целых четырех часов. Это был монтаж из отрывков гитлеровской кинохроники, которая рисует зарождение, годы «расцвета» и месяцы гибели немецкого фашизма. Конечно, авторы фильма, среди которых была одна из любовниц Гитлера Ленни Рифенсталь, не думали и не гадали, что их детище будет со временем свидетельствовать против своих родителей, как не подозревал и Розенберг, что редактировавшийся им «Фелькишер беобахтер» станет одним из главных свидетелей обвинения на Нюрнбергском процессе.

Первые шаги Гитлера — мюнхенский путч. Люди в панике бегут по улицам, падают на мостовую, убитые или раненные фашистскими пулями. Это первые из будущих миллионов жертв самой кровавой реакции в истории человечества.

После водевильного заключения в тюрьме крикливый Адольф Гитлер с усиками шотландского терьера снова на свободе. Крупп фон Болен не дает и не даст ему пропасть: мы снова видим Гитлера на трибуне, снова слышим его истерический лай. Перед нами с каждым разом все чаще мелькают фигуры его прислужников. Их с каждым разом все больше сравнительно с крохотной мюнхенской шайкой.

Мечты фашистских авантюристов перестают быть мечтами. Гитлер выходит из дворца президента Гинденбурга с назначением на пост рейхсканцлера в кармане. Геринг развалился в кресле председателя рейхстага. Мюнхенское сборище бандитов пришло в Германии к власти.

По улицам Берлина снуют автомашины со штурмовиками. С утра до вечера не утихает вой распоясавшихся погромщиков. В центре Берлина горят книги, горит разум и совесть Германии.

На экране передвигаются длинные колонны нацистских головорезов. В каждом кадре фильма назойливо лезет в глаза фашистская свастика. Бесконечные марши и

демонстрации фашистских бандитов по разным поводам, в тысячах вариантов. Основным местом этих театрализованных зрелищ становится Нюрнберг, стены которого, покрытые средневековой плесенью, казались гитлеровцам наилучшим инкубатором «нового порядка» в Европе. На огромнейшем стадионе Гитлер ежегодно принимает парад своей орды. Постепенно штурмовики и лопатники из «организации Тодта» преобразуются в прусских гренадеров, а первое место, рядом с трибуной фюрера, занимают генералы. Ораторские судороги Гитлера с каждым разом больше и больше напоминают военный танец краснокожих. Теперь уже ни у кого не может быть сомнения, что этот шут готовит мировую войну.

Начинается игра с открытыми картами. Немецкие войска входят в Рейнскую область. Их гусиным шагом любуются нагитлеризованные жители Дюссельдорфа. На последующих кадрах усатые фельдфебели ломают шлагбаум на австрийской границе. Гитлеровские самолеты гудят над кружевом венской ратуши.

Мюнхен. Гитлер решительным движением перекраивает карту Чехословакии, а Геринг радостно потирает руки. Март 1938 года. Подлый фашистский наймит Гаха проходит вдоль выстроенного Гитлером почетного караула. Через несколько часов после этого немецкие танки мчатся по улицам онемевшей от неожиданности Праги. Теперь очередь за Клайпедой. Еще один пограничный шлагбаум трещит под руками обмундированных колбасников.

На очереди — Польша. Теперь уже получили слово немецкие пушки. Эскадрильи бомбардировщиков Геринга собирают богатую жатву смерти и развалин.

Адольф Гитлер принимает парад немецких «добровольцев», возвратившихся из Испании, — вот яркий документ гитлеровского «нейтралитета» в испанском вопросе. Эти основатели франкистской Испании вскоре ему понадобятся.

Весна 1940 года. Войска Гитлера неожиданно врываются в Норвегию и Данию. Через два месяца после этого от града бомб горит Роттердам. Капитуляция петеновской Франции в Компьенском лесу. Гитлер на радостях чуть ли не танцует.

Дальше разворачивается безумная программа «завое-

вания мира». Немецкие войска ворвались в Югославию и Грецию. В антрактах между одной и другой победой Берлин до хрипоты кричит: «Хайль!»

Наконец, последняя фаза кровавой забавы. «Народ господ» марширует на Восток. К микрофону берлинской радиостанции подходит Геббельс. В одну минуту его крикливый голос поднимает немцев с постелей. «Фюрер еще раз вручил судьбу Германии в руки немецкого солдата», — кричит Геббельс. В эту минуту немецкий солдат поджигал первые советские села, а воздушные пираты Геринга уже возвращались на свои базы после первых налетов на наши города.

Новые кадры. Гиммлер в искалеченной, разоренной столице Советской Белоруссии. Он самодовольно, с садистской усмешкой проходит вдоль колючей проволоки, за которой умирают от голода и жажды советские военнопленные.

Быстрыми шагами приближается последний час гитлеровской Германии. Стихли крики «Хайль!». Позабыты крикливые нацистские съезды в Нюрнберге. Гитлер еще корчит перед объективом веселые гримасы, но причин для хорошего настроения у него с каждым разом все меньше. Миновало время, когда он музыкой и парадами встречал своего итальянского союзника Бенито Муссолини. Теперь мы видим совсем иную картину встречи этих друзей по разбою: освобожденный эсэсовцами из-за решетки Муссолини скромно, словно побитая собака, кланяется на берлинском аэродроме своему освободителю, который на сей раз не собрался даже выставить в честь «дуче» почетный караул...

Шайка гангстеров, сидящих сейчас на скамье подсудимых перед трибуналом народов, вместе со всеми присутствующими в зале смотрела фильм, который так пространно рассказывает об их преступной «карьере». Впрочем, сомневаемся, что от этого улучшилось настроение подсудимых. Кто же из них еще верит сегодня, что он будет иметь физическую возможность видеть на экране конец своей карьеры? Вероятно, никто.

1945

Трудно завидовать жителям города, где осень, зиму и весну можно измерять только продолжительностью дня. С октября по сегодняшний день над Нюрнбергом висит, кажется, все одна и та же туча, мутная смесь пепла и сажи. Иногда утром северный ветер внезапно будит ее от летаргического сна. Тогда туча лениво колеблется над городом и только под вечер отползает к франконским горам, чтобы к рассвету снова осесть на искалеченных башнях собора святого Лоренца.

Новый день, как и вчера, рождается в тех самых потоках воды, что напрасно пытаются найти выход из лабиринта заваленных руинами улиц.

Автомашина с трудом пробивается сквозь море застывшей мглы, и только мрачные тени сосен вдоль дороги говорят о том, что город остался позади нас. Асфальт становится ровнее, с него постепенно исчезают мутные лужи. Один за другим мелькают мимо нас франконские поселки.

В одном из таких поселков машина сворачивает в боковую улицу. Шофер выключает мотор перед зданием редакции немецкой газеты.

Поднимаюсь на второй этаж. В коридоре могильная тишина, словно тут не редакция, а картинная галерея в час, когда нет посетителей. Открываю первую дверь. Молодой человек в роговых очках встает из-за стола и, услышав слово «редактор», ведет меня в другой конец коридора.

Мои ноги тонут в пушистом ковре. Я в кабинете шефа редакции. Худощавый человек с морщинистым желтым лицом высоко поднимает брови, и в его глазах искра удивления и тень страха. Редактор нерешительно подает мне руку. Увидев советский паспорт, он протягивает ее вторично. Тень в его глазах исчезла. Он предлагает мне сесть.

Я прошу его дать мне просмотреть несколько последних номеров газеты, так как из-за малого тиража их нельзя было достать в городе.

Редактор торопливо кивает головой.

— Фрейлен Эдда!..

В дверях соседней комнаты появляется белокурая девушка, лет двадцати. На ней темно-синее платье, на гру-

ди кокетливо поблескивает миниатюрное золотое распятие. Едва слышными шагами она направляется к шкафу и через минуту кладет на стол подшивки газет. Не поднимая головы, девушка уходит в свою комнату.

...Пора бы и попрощаться, однако редактор просит меня побыть еще немного. Я благодарен ему за это. Мне неудобно сказать этому человеку, что меня не так интересует его газета, как ее читатели.

Он рассказывает о долгих годах, проведенных им в Дахау. Говорит больше о других, чем о себе. Потом сразу замолкает и, словно вспомнив о чем-то, подходит к окну. Его подвижные и беспокойные глаза ищут кого-то на улице.

— Вы кого-то ждете? — решаюсь спросить его.

Редактор быстрым шагом возвращается на свое место. На его щеках красные пятна, он явно взволнован. Дрожащей рукой он зажигает спичку, и лицо его прячется на миг в облаке папиросного дыма.

— Нет, я никого не жду. Несколько первых недель ждал, а потом махнул рукой — что я им могу сказать, кроме нескольких туманных фраз о туманной демократии.

— Они...

— Они, как все живые люди, хотят знать, каким будет их завтрашний день, и хотят лепить этот день собственными руками.

Редактор вытирает платком вспотевший лоб.

— В мои руки иногда попадают газеты вашей зоны. Жители Дрездена с утра до ночи восстанавливают свой город, и я знаю своих земляков: через несколько лет Дрезден опять станет Дрезденом. Мне рассказывали о дыме над заводами Восточной Германии. А что вы увидите у нас, кроме деревянных пуговиц да грошовых самоучителей английского языка? Библию? Ее популяризировал покойный Мартин Лютер. С каким эффектом — сами знаете. Сегодня — история повторяется. Фрейлен Эдда!

Стук машинки стихает, я услышал деловитые шаги секретарши.

— Дайте нам, пожалуйста, синюю папку.

Не прошло и полминуты, как маленькие, услужливые руки в кружевных манжетах положили перед нами синюю папку. Я заметил, что она была такого же цвета, как и платье фрейлен Эдды.

Редактор встал.

— Читайте, я вам не буду мешать.

Я перелистал несколько страниц. Это была коллекция анонимных писем. Читаем в первом из них:

«Почему сегодня каждый немец,— горько жалуется автор анонимного письма,— не имеет права сказать правду?»

Через несколько строк мы узнаем, о какой «правде» пишет автор письма.

«Почему сегодня никто не имеет права рассказать миру обо всех благодеяниях, которые принесли немецкие солдаты жителям оккупированных областей?»

Все это написано совершенно серьезно и даже с пафосом.

Еще одно письмо, под ним подпись: «Студенты Эрлангенского университета».

«Господин редактор! Вам не нравится наша демонстрация против вашего единомышленника Пимеллера? Ну что ж, продолжайте писать так. Скоро вы убедитесь, что ваши деревья не растут до небес. Вы уже однажды сидели, но вам, видно, придется еще раз сесть, если не перестанете писать возмутительные сказки о концентрационных лагерях, если не перестанете оплевывать наших великих патриотов, которых враги судят теперь, как «военных преступников». Предупреждаем вас!»

А вот передо мной целое послание — девять печатных страниц без интервалов. Автор его, как можно догадаться по стилю, является представителем нынешнего поколения немецких «интеллектуалистов». В самом начале он предупреждает, что с нацистами не имел и не имеет ничего общего. Между тем это нисколько не мешает ему писать такое:

«Нюрнбергский процесс — это затея, подобная рабочим забастовкам до прихода Гитлера к власти. Вы посадили немецкого медведя в клетку. Но этот медведь еще покажет свои когти, и тогда трепещите, враги!»

Из аккуратно сложенных и приколотых заботливыми руками фрейлен Эдды писем я вынимаю зеленый конверт, который очутился здесь, наверное, на правах гостя для пополнения коллекции. На нем адрес редакции «Люнебургер пост» и штамп города Куксгафен (английская зона оккупации Германии). Автор отважился поставить в начале письма инициалы, желая, наверное, подчеркнуть

таким образом свою непричастность к «вервольфу». Он, кажется, довольно искренно озабочен ростом нацистских влияний:

«...Несколько дней тому назад я ехал поездом Лангведель-Бремен. В вагоне завязалась беседа, в которой скоро приняли участие все пассажиры. Речь шла о снижении продовольственных норм, о безработице, о том, что никто не знает, к чему все клонится. Кто-то из присутствующих заявил, что если бы Гитлер срубил вдвое больше голов, не было бы этого горя. Он не успел сделать это. Я не выдержал и напомнил людям о миллионах замученных нацистами людей, назвав при этом наши концлагеря позором двадцатого века. Мои слова вызвали среди присутствующих такое возмущение, что я мог ожидать самого худшего. Какой-то прилично одетый человек сказал мне: «Еще одно ваше слово, и мы вышвырнем вас из вагона».

Растерянный автор письма заканчивает его такими словами: «Я не вижу выхода из этого тупика. Все это прежде всего является результатом двусмысленных и лицемерных методов английских властей, которые карают тюрьмой крестьянина за то, что он самовольно продал свинью... в феврале 1945 года, когда нами еще правил Гитлер, а между тем кормят целые дивизии матерых гитлеровцев. Вот почему в английской зоне немцы ругают Томми. Этот факт не опровергается тем, что те или иные проститутки ходят сейчас с Томми под ручку».

Я поднял голову. Мимо меня прошелестело прорезиненное пальто фрейлен Эдды:

— Грюс ди готт¹, — бросила она, закрывая за собой дверь.

— Интересный материал? — любезно спросил меня редактор и, не ожидая ответа, добавил: — У меня есть еще один документ, который не в меньшей мере вас заинтересует...

Он достал из кармана листок бумаги, но, прежде чем показать его мне, подошел к двери и заглянул в коридор.

— Прочитайте.

Это было одно из анонимных писем такого содержания: «Осужденных на бельзенском процессе лучших немецких людей повесили. Но немецкая молодежь отомстит за это. Жаль только, что перед приходом англичан не за-

¹ С богом (нем.).

душили газом всех этих заключенных. Мы проиграли войну из-за предателей. Теперь эти преступники ходят по белу свету и пишут в газетах. Но дрожите — вервольф не спит!»

Я был немного удивлен таинственным поведением редактора, потому что это письмо ничем не отличалось от предыдущих.

— Обратите внимание на букву «K». Она слегка наклонена вправо. Видите? Еще одна деталь: под восклицательным знаком только полточки. А теперь попрошу вас пройти за мной в ту комнату.

Редактор заложил в машинку лист чистой бумаги и выбил на нем букву «K», потом восклицательный знак. Точка под восклицательным знаком была сломана под таким же углом, что и в анонимном письме.

— Теперь вы понимаете, почему мои нервы не всегда в порядке?

Я смотрел на клавиши машинки, по которым несколько минут назад бегали пальчики фрейлен Эдды.

— Я думаю, что вы сами усложняете дело...

Редактор вытащил из машинки лист и разорвал его на мелкие части.

— А кто даст мне гарантию, что вместо нее не придет худшая? Эта хоть старательно выполняет свои обязанности...

...Мы попрощались.

В нескольких километрах от города в моторе что-то подозрительно зашуршало. Шофер остановил машину. Возле нас плакучая верба роняла обильные слезы. Я взглянул вверх: на ее ветвях, покрытых едва заметным в этой проклятой мгле кружевом зелени, я впервые в этом году увидел весну.

И меня с невиданной силой потянуло домой, на родину.

1946

ОСТРОВ ЧУДЕС

Около одиннадцати часов утра трудно перейти площадь, находящуюся перед мюнхенской ратушей. Недвижимая толпа заполняет тротуары и в торжественном мол-

чании ждет момента, когда на башне ратуши заиграют знаменитые куранты, когда на восьмидесятипятиметровой высоте начнется турнир рыцарей и под музыку курантов бронзовые кавалеры закружатся в баварском танце. Ровно десять минут длится этот спектакль с концертом звонок и звоночков, и все это время тысячеголовая человеческая масса ни на минуту не спускает глаз с башни, проклиная в душе голодных голубей, которые именно сейчас взмывают над площадью, закрывая серебристым облаком чудеса мюнхенской ратуши.

Наконец, спектакль окончен. Очарованная сказкой хитрого мастера, толпа расползается по закоулкам. Мюнхен возвращается к серой, оккупационной жизни, и действительность опять начинает напоминать людям о своих жестоких правах.

И в этом весьма невеселом, наполовину разрушенном Мюнхене есть место, где эти права ни к чему не обязывают, это доподлинный остров чудес, остров и в переносном и в буквальном смысле этого слова. Его со всех сторон омывают зеленые и прозрачные, как кристалл, воды горной речушки Изар. На острове только одно сооружение: величественное железобетонное здание «Немецкого музея». Добавлю: бывшего музея, потому что то, что творится сегодня в его стенах и у его стен совершенно не пристало храму культуры...

Убедиться в этом нетрудно. Достаточно пройти по набережной, которая отделяет здание от быстрых волн Изара. Она заполнена молодыми людьми в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Увидев их, вы инстинктивно снимаете с руки часы и прячете их в самый глубокий карман.

Инстинкт не обманул вас. Едва вы успели дойти до середины набережной, как вас окружает суетливая, визгливая толпа.

«Сигареты!», «Зажигалки!», «Парфюмерия!», «Бритвы!», «Сало!», «Консервы!», «Чулки!», «Сахар!», «Не хотите ли шоколада? Не хотите ли часики? Настоящие швейцарские, на семнадцати камнях...» Все это звенит у вас в ушах на всех языках европейского Запада и Юга.

Насилу откупившись коробкой спичек, вы доходите до стен музея. Тут вас встречают пять огромных букв — ЮНРРА — и опрятненький швейцар с лицом типичного немецкого бюргера.

Спрашиваю у него, кто эти люди. Швейцар поднимает на меня серые мутные глаза. В них — удивление и подозрительность.

— Вот эти-то? — спрашивает он на чистом русском языке. — Студенты нашего университета, — добавляет он с вящей гордостью, измеряя меня испытующим взглядом.

Но американский пропуск успокаивает его.

На противоположной стороне громадного, до предела замусоренного двора каменная лестница, облепленная молчаливыми девушками. Это уже территория юнрравского университета. На почерневшей от грязи стене вестибюля — транспаранты на английском, польском и немецком языках (надписей на украинском языке здесь нет, потому что украинские питомцы ЮНРРА называют себя здесь поляками...). В этих стенах, невзирая на запрещение, Меркурий (бог купцов и жуликов) тоже господствует безраздельно. Поблескивает в полумраке никель часов, шуршит бумага свертков, передаваемых украдкой. Какой-то сухощавый блондин в покои веку не стиранной рубашке спрашивает меня, не видел ли я случаям брюнета с перебитым носом. Этот брюнет лишь полчаса тому назад вытащил у него деньги за проданный только что костюм, но оставив никаких следов. Советую блондину искать следы в лекционных залах университета, но тот безнадежно машет рукой. Это означает, очевидно: «Ищи ветра в поле...»

Большая черная стрелка показывает: «К общежитию студентов». Открываю дверь. Длинный ряд двухъярусных ящиков из неоструганных досок, ящиков, которые напоминают незаконченные гробы. Из них торчит солома, а местами растрепанные человеческие волосы. Хоть на дворе и жара, но окна тут наглухо закрыты, и лучи весеннего солнца едва-едва пробиваются сквозь пыльную мглу. Воздух — хоть ножом режь. От смрада голова моментально наливается свинцом. То же самое и в другой комнате, и в третьей, и в четвертой.

Этот коридор тянется в бесконечность. Наконец, что-то достойное внимания! На дверях надпись: «Во время занятий вход студентам воспрещен». Эта надпись становится понятной, когда вы входите в комнату. Она до отказа набита молодыми людьми обоего пола. За длиннющим столом брюнетка в зеленой юнрравской куртке, не поднимая презрительно прищуренных глаз, с размаху бросает на стол коробки консервов, плитки шоколада, пачки сига-

рет. Другая, с суровым лицом Юноны, пододвигает клиентам бумагу для подписи. Третья, с выражением арканзасского ковбоя, пристально следит за движением рук студентов и студенток.

Задержавшись в коридоре, снова чувствую присутствие бога Меркурия: субъект в роговых очках предлагает такому же субъекту без очков купить кусок только что полученного сала.

— Сто двадцать марок и ни пфеннига меньше! — горячится на украинском языке субъект в очках.

— Дам сто марок и ни пфеннига больше. Кто мне может гарантировать, что я на этом... заработаю хотя бы пять марок, — не сдается на польском языке другой...

Вхожу в приемную ректора.

— Господина ректора нет уже, придет после пасхи, — отвечает секретарша по-немецки с литовским акцентом.

Около канцелярии ректора развешаны объявления учебной части. Список преподавателей естественно-математического факультета. Ищу знакомые фамилии: Беляев, Гора, Залуцкий, Новиковац, Храпливый... Припоминаю. Храпливый — правая рука львовского губернатора Вехтера. Старался господин Храпливый. Даже сам генерал-губернатор Франк не мог найти для него достойных слов похвалы. Храпливый просьбами и угрозами вымогал у крестьян хлеб для «третьей империи». Он в поте лица организовывал эсэсовцев из янычар униатского вероисповедания. Он собственноручно пломбировал вагоны с украинской рабочей силой для гитлеровской Германии... Герр Храпливый нацист над нацистами, эсэсовец над эсэсовцами, гестаповец над гестаповцами, — бесценный герр Храпливый воскрес на кафедре контролируемого и финансируемого американцами «университета» ЮНПРА!

Полный впечатлений, оставляю темные стены дома на острове чудес. В углу вестибюля что-то недвусмысленно щелкнуло.

Новенький парабеллум, к нему сто патронов. Даешь шестьсот марок союзническими...

На этот раз продавцом был субъект в черном берете андерсовца.

Через улицу направляюсь в редакцию баварского официоза «Зюддейче цейтунг». Седой редактор беспомощно разводит руками:

— У нас масса хлопот с денацификацией. Они перекрашиваются как только могут в христианско-социальные партии, где явных и замаскированных нацистов хоть метлой мети, а тут еще эти «ди-пи» («дисплейсед персонс», то есть «перемещенные лица»).

Редактор показывает полицейскую хронику за последние два дня. Только по Мюнхену: две кражи и три вооруженных нападения. В каждом из этих случаев были выявлены участники. Это «ди-пи»...

— Но ведь известно, что за незаконное хранение оружия оккупационные власти карают смертной казнью, — осмеливаюсь сказать.

Редактор явцо удивлен.

— Кого? «Ди-пи»?

Редактор начинает волноваться. У него на щеках растут багровые пятна.

— Прискорбнее всего то, что и без этих «ди-пи» наша Бавария напоминает теперь Кобленц во время французской революции. Сюда в последний год войны съехались со всего рейха, напуганные бомбардировками и наступлением союзных войск, целые косяки немецких плутократов, то есть самой черной реакции из всех реакций мира. Здесь также нашли свое последнее убежище недобитые гитлеровские войска, отборные эсэсовские дивизии. Они теперь называют себя «пиратами эдельвейса» и, словно волки, рыскают в Баварских Альпах.

— А не подумали ли вы, что пираты эдельвейса могут, чего доброго, зацвести и на скалах мюнхенского острова чудес?

— Об этом мог бы, может быть, кое-что сказать президент полиции. Я знаю пока что лишь одно: через этот остров проходит около шестидесяти процентов товаров строго запрещенного черного рынка.

Президент полиции также неохотно говорит на эту тему.

— Позавчера в Пасинге под Мюнхеном «ди-пи» в течение одной ночи разворовали целый вагон (десять тонн) юнрравского шоколада. Обыск не дал никаких результатов.

Разузнаю еще об одной истории. Несколько дней тому назад отряд смешанной американско-немецкой полиции произвел обыск в одном из лагерей «ди-пи». В полицейских посыпались выстрелы. В результате перестрелки од-

ного «ди-пи» ранили. Его перевезли в лазарет, где его положили под охраной часового. Ночью персонал лазарета слышал выстрел в коридоре. На полу лежал солдат с простреленной головой, а раненого бандита и след простыл. Остров чудес давал знать о себе...

Некоторым комбинаторам из ЮНРРА на руку деятельность этой фашистской малины, хотя бы уже потому, что она дает неограниченные возможности строить комбинации и набивать свои карманы.

Есть и такие, на кого сегодня показывают пальцем, как на тех, кто в мутной воде комбинаций с «ди-пи» хочет ловить свою рыбку. Речь идет о «Си-ай-си» — отдел американской стратегической службы. О характере этой почтенной организации говорит само ее название. Хорошо ли подумали офицеры этой хитроумной и пока еще все-сильной тут организации о том, что палка, которую они смастерили, имеет два конца, нам в данном случае не безразлично. Мы хотим только лишний раз подчеркнуть, что чудес на нашей планете не бывает. Если же джентльмены из «Си-ай-си» своими — деликатно говоря — не джентльменскими методами все-таки надеются творить «чудеса», то они просчитаются.

Жестоко просчитаются!..

1946

ГЕРИНГ

Герман Геринг на первый взгляд — не Геринг, а баба, толстая, пятидесятилетняя баба-торговка.

И эта баба, баба с подстриженными волосами, сидит перед вами; ноги ее укутаны в одеяло, а держится она так, словно и впрямь на базаре. От ее внимания не ускользает ни одно слово. Во время перерыва она развешивает уши то влево, то вправо, злыми, заплывшими салом глазами водит по всему залу и с любопытством пристально присматривается к каждому новому лицу. Когда в руках защитника появляется газета, баба вытягивает шею из складок красного платка и бегаёт глазами по сторонам, ища свою фамилию. А когда фамилия находится, улыбка

удовлетворенного честолюбия растягивает ее тонкие губы до ушей.

Так непринужденно продолжает Геринг вести себя и во время заседания суда. Он живо, чересчур живо реагирует на все, о чем говорят вокруг: водит головой то сверху вниз, то слева направо. Улыбается — если в сторону трибунала, то льстиво, если в сторону обвинителей, то с провоцирующим сарказмом.

Особенно недоброжелательно относится Геринг к свидетелям обвинения. Сначала смотрит на такого свидетеля взглядом разжиревшей гадюки, словно желая его загни-нотизировать, а когда это не помогает, торговка начинает жевать проклятья, сжимает руки в кулаки и кладет их перед собой, как две ручные гранаты.

Чрезвычайно раздражают бабу-Геринга свидетели обвинения из прежних ее подчиненных. Тут уж темперамент этой ведьмы не знает удержу. Когда палач Украины и Польши, генерал СС Бах-Целевский сказал и об Геринге несколько слов правды, тот не выдержал и зашипел по адресу генерала: «Шелудивый пес...»

...Но вот баба вынырнула из шалей и платков и взгро-моздилась на свое место за пультом для свидетелей.

Уже первое впечатление от ее слов подтверждает общепринятое мнение о ней: эта баба честолюбива до крайности, до безумия.

Так и слышишь все время: «Моя авиация», «моя промышленность», «моя политика». «Такой риск, как гнев Гитлера, мог только я взять на себя». «Только я, как пламенный патриот...»

Когда свидетель защиты Мильх, желая спасти Геринга, говорит об его отсутствии на одном из совещаний, тот с возмущением восклицает:

— Не может быть, чтобы таких-то господ фюрер при-гласил, а меня нет...

Пьяный от самовлюбленности Геринг порой сам лезет на рожон. Вот его слова на одном из заседаний: слова, тщательно застенографированные и старательно записанные на пленку, как и все сказанное на процессе:

— Я приказал работать над самолетами, которые могли бы достигать США и возвращаться на свои базы... Я приказал также работать над улучшением типа снарядов «ФАУ-I» против Англии и очень сожалею, что у меня этих «ФАУ» было так мало...

Геринг не лишен также и чувства юмора:

— По примеру США мы с фюрером порешили объединить власть премьера и власть президента...

На вопрос обвинителя, остается ли он сторонником теории «народа господ», Геринг с усмешкой отвечает:

— Нет, я ее никогда не признавал. Если кто-нибудь и в самом деле является господином, то ему никогда не следует это подчеркивать...

В своих показаниях Геринг очень охотно рассказывает о черных делах Гитлера. Когда речь идет о самых тяжких преступлениях, он, как правило, перекладывает ответственность за них на Гитлера (или Гиммлера). При этом Геринг дискредитирует своего фюрера утонченно, по-своему, словно мимоходом, печально, истины ради.

Геринг — правда, скупыми красками — рисует портрет Адольфа Гитлера: кровавого комедианта-параноика и обыкновенного мазурика с шарлатанским амплуа. Он со злопыхательским скрежетом в зубах рассказывает о том, как нахально «фюрер Великогермании» крал украденные им, Герингом, картины. Он, чуть ли не причмокивая от удовольствия, рассказывает нам истории, — срывает один за другим лавровые листики, которыми так добросердечно венчали голову Гитлера Геббельс и геббельсята.

В 1943 году, в день разгрома немцев на Кавказе, Гитлер укорял Иодля в том, что тот повел войска через Эльбрус. Иодль вспылал.

— Мой фюрер! Ведь вы сами приказали мне это сделать...

Услышав об этом, Гитлер отвернулся и вышел, не простившись со своим фельдмаршалом. «Он даже имел намерение сместить Иодля, а на его место поставить окруженного тогда в Сталинграде фон Паулюса, фон Паулюса, — добавил Геринг, смакуя, — к которому Гитлер имел особенно большое доверие...»

Говоря об украинских (и не только украинских) националистических телохранителях нацизма, Геринг с подчеркнутым презрением кривит губы:

— Я их глубоко презираю, но ведь во время войны берут то, что есть под рукой.

И Геринг действительно брал все, что у него было «под рукой». А «под рукой» у него было в то время немало всякой всячины, не только квислингов и квислинжат. Одних лишь художественных ценностей он «собрал» у себя

на сумму пятьдесят миллионов марок золотом. Набрал он со всех концов Европы, не забыл и об эскизах Альбрехта Дюрера из львовских музеев.

Герман Геринг начал свои показания с краткой, удивительно краткой автобиографии. Он не без гордости информировал своих судей о том, что его отец был в свое время губернатором немецких колоний в Восточной Африке. К сожалению, он не добавил при этом, что его высокочтимый папаша поголовно уничтожил многотысячное туземное племя гереро. Причина — пассивное сопротивление колонизаторам. Методы его убийства были, наверное, источником вдохновения для Германии в его будущих делах. Все племя, вместе с грудными детьми, было изгнано Герингом-отцом из своих жилищ в пустыню, где за несколько недель погибло от жажды и голода.

Один из свидетелей рассказывает о концлагере в Маутгаузене. Геринг слушает внимательно, но, как всегда в таких случаях, лицо его неподвижно и застыло в напряженном ожидании. У вас создается впечатление, что перед вами не Герман Геринг, изобретатель и организатор маутгаузенов, а беспристрастный эксперт, которого лишь на несколько дней пригласили в суд.

«Комендант Маутгаузенского концлагеря обратил внимание на исключительно красивые зубы двух молодых евреев, привезенных сюда из Голландии. Несчастливым вырезали желудки и по одной почке, потом впрыснули им в сердце бензин, головы отрубили, а после соответствующего препарирования этих голов комендант лагеря поставил их у себя на письменном столе».

Геринг слушает и глазом не моргнет. У него за пазухой готов уже «контраргумент»: рассказ о еврейской семье Баллин из Мюнхена. Этот рассказ немного погодя вытащит из-за пазухи защитник Штаммер, который вложит его в уста свидетеля генерала Баденшаца. О том, как Геринг спас эту семью от своих же рук, своевременно выслав ее как будто за границу.

Почему именно семью Баллин и почему только ее? Потому что семья Баллин во время мюнхенского путча спасла Герингу жизнь. За эту свою фатальную ошибку семья Баллина двадцать лет спустя удостоилась награды: она стала единственной из миллионов еврейских семей, которой Геринг любезно разрешил жить. Разрешил этой семье жить для того, чтобы она сегодня его вторично

спасла, на сей раз от виселицы. Так выглядит двойная бухгалтерия арийской морали, осуществленная рукой примерного арийца.

Свидетель, статс-секретарь Пауль Кернер, одна из живых карикатур Гросса, ближайший клевет и наушник «рейхсмаршала», типичный гомункул из реторты Адольфа Гитлера, во время допроса назвал Геринга «человеком Возрождения». Что или, точнее говоря, кого подразумевает Пауль Кернер под словом «Возрождение», не трудно догадаться. Возрождение — это для него не Петрарка, не Леонардо да Винчи и не Микеланджело; это прежде всего и исключительно кровавый тиран Людовик Сфорца и безгранично распутный Цезарь Борджиа.

— В 1922 году я получил в СА наивысший командный пост, какой только можно было получить, — хвалится на процессе Герман Геринг. О том, почему именно он, Герман Геринг, получил этот «пост», говорит нам история первых лет нацистской партии: не было тогда почти ни одного «мокрого дела», следы которого не вели бы к кабинету Геринга.

Опыт создает мастера. Когда в голове Геббельса зародилась идея поджога рейхстага, он знал, что ее лучше всего может выполнить Геринг. Сегодня «человек Возрождения» удивленно пожимает плечами, когда ему напоминают об этой истории. Он как будто забыл даже фамилию главного участника поджога СА — фюрера Эрнста, который, предчувствуя смерть от руки Геринга, оставил нам письменное свидетельство, в котором описывает не только роль Геринга в поджоге, но и технические подробности этого предприятия. Эрнст? Живот Геринга трясется от смеха. Да, хорошая идея была с этим Эрнстом! Под шумок 30 июля не трудно было перенести своего пособника в лоно Авраама. Иначе за этим проклятым пультом появился бы еще один лишний свидетель и была бы еще одна лишняя неприятность...

Ему читают показания генерала Гальдера.

«Как-то в небольшом кругу завязался разговор о рейхстаге. Геринг сказал тогда: «Единственный человек, который знает как следует рейхстаг, это я. Потому что я его поджег».

В ответ Геринг легкомысленно машет рукой. Глупости, мол, обыкновенные сплетни. Да неужто рейхстаг стоил того, чтобы его поджигать? Другое дело, если бы речь

шла, например, об оперном театре. И тут же этот бес-
сменный глава нацистского рейхстага добавляет:

— Опера всегда была для меня чем-то более важным,
чем рейхстаг...

Есть ситуации, когда даже на скамье подсудимых Ге-
ринг возвращается к роли первого шефа гестапо, не-
смотря на то, что в этом случае весь аппарат Геринга со-
стоит лишь из одного человека: его адвоката. Да, как вы-
ясняется, для шантажа и этого аппарата достаточно. Не
лучше ли всего продемонстрировал это случай со свиде-
телем Шахта, известным уже сегодня Гизевиусом, чело-
веком 2 июня... и американской разведки и автором не-
приятной для Геринга книги о «третьем рейхе». Накану-
не выступления свидетеля к нему пришел адвокат Штам-
мер и, не церемонясь, сказал:

— Мой клиент предупреждает вас, чтобы вы были
осторожны в своих показаниях, иначе... гм!..

Но на беду Геринга случилось так, что Гизевиус не
испугался этого «гм» и рассказал столько новых подроб-
ностей из биографии рейхсмаршала, что даже доктор
Штаммер схватился за голову...

Однако еще «более яркий» материал дают фрагменты
стенографического отчета совещания Геринга с рейхско-
миссарами оккупированных областей и представителями
военного командования о продовольственном положении.
Совещание происходило в четверг 6 сентября 1942 года
в «зале Германа Геринга» в министерстве авиации.

Геринг: «...Я вижу, что люди в любой оккупированной
области жрут до отвала... Боже мой, ведь вы посланы ту-
да не для того, чтобы работать для благополучия пору-
ченных вам народов, а для того, чтобы выкачать оттуда
все возможное, для того, чтобы мог жить немецкий народ.
Этого я жду от вас. Нужно, наконец, прекратить эту веч-
ную заботу об иностранцах...»

«Неподалеку от границ Рурской области находится бо-
гатая Голландия. Она могла бы послать сейчас в эту из-
нуренную область значительно больше овощей, нежели
это делалось раньше. Что об этом думают господа гол-
ландцы, мне совершенно безразлично. Вообще в оккупи-
рованных областях меня интересуют лишь те люди, кото-
рые работают на вооружение и обеспечение продовольст-
вием. Они должны получать столько, чтобы как раз могли
выполнять свою работу. Являются ли господа голландцы

германцами или нет, мне совершенно безразлично, потому что если они действительно германцы, то тем более они дураки, а что надо делать с глупыми немцами, уже показали в прошлом выдающиеся личности...»

Теперь Геринг демонстрирует нам свои чувства к другим странам.

«...Я забыл об одной стране, потому что оттуда ничего не возьмешь, кроме рыбы. Это Норвегия. Что касается Франции, то я считаю, что земля там обрабатывается недостаточно. Франция может обрабатывать землю совершенно иначе, если крестьян там немного иначе принуждать к работе. Кроме того, в этой Франции население обжирается так, что просто стыд и срам...»

«Я ничего не скажу, наоборот, я обиделся бы на вас, если бы мы не имели в Париже чудесного ресторанчика, где бы могли как следует поесть. Но мне мало удовольствия доставляет, что французы лезут туда. Для нас «Максим» должен содержать самую лучшую кухню. Для немецких офицеров и немцев, и ни в коем случае не для французов, должны существовать три-четыре первоклассных ресторана. Французам такая пища не нужна...»

«Однако речь идет не только о продуктах питания. Я часто заявлял, что смотрю на Францию, как на завоеванную область, хотя пока что мы ее только оккупировали. Когда-то все это выглядело значительно проще. Тогда все это называли разбоем. И это соответствовало формуле: забирать то, что завоевали. Теперь формы стали более гуманными. Несмотря на это, я имею намерение грабить, и грабить эффективно».

«Дальше: вы должны быть как легавые собаки там, где есть еще что-нибудь такое, что можно взять. Это нужно молниеносно вытащить со складов и доставить сюда».

Мы увидим, что этот «государственный муж» не имел теплых чувств даже к такому сокровищу французов, как Пьер Лаваль. Обжора Геринг и в этом случае остается верен себе: он явно переживает, опасаясь, чтобы Лаваль, чего доброго, не съел в ресторане «Максим» всех шницелей. Вот его слова:

«Теперь вы мне скажете: внешняя политика Лаваля. Господин Лаваль успокаивает господина Абеца, и господин Лаваль, выходя от меня, может пойти в закрытый ресторан «Максим»... Какие французы нахальные, этого вы и представить себе не можете. Когда эти друзья чувству-

ют, что дело касается немца, они начинают лихоимствовать, поднимают цены втрое, а если хочет что-нибудь купить рейхсмаршал (то есть Геринг.— Я. Г.), то и в пять раз...»

Легко себе представить, как широко раскрылась пасть Геринга, когда он перешел к дальнейшей теме своего доклада — о советских оккупированных областях:

«А теперь о России. О том, что почва там плодородная, не может быть никаких сомнений. Я должен высказать большую признательность за то, что в южных районах — я пока что видел лишь южные районы — удалось, несмотря на огромные трудности, провести с помощью армии сев... Эта страна со сметаной, яблоками и белым хлебом сможет прокормить нас. Пастбища Дона сделают остальное. Но, дорогой генерал, никогда больше не рассказывайте фюреру, что вы маршируете по степи, когда вы лезете в сметану...»

Чем дольше говорит Геринг о богатствах советской земли, тем больше растет его аппетит. Тут выясняется, что он великий любитель икры.

«Я надеюсь, что скоро у нас будут контильни, или, в худшем случае, мы их откроем и сможем пропустить через них в большом количестве неслыханное рыбное богатство Азовского и Каспийского морей. Генерал Вагнер, икру мы поделим пополам: половина армии, а половина фатерлянду, конечно, как только мы туда придем».

Конечно, не пришли. И никто за это не может иметь претензий к Герингу...

Еще короткая цитата, которая показывает дискуссионные приемы «человека Возрождения». На этом же совете попросил слова один из его подчиненных, комиссар «Остланда», Лозе. Он жалуется на рост партизанского движения и требует у Геринга военных подкреплений.

Геринг. Вы же получаете батальоны?

Лозе. Несколько батальонов для территории величинной с Германию.

Геринг. Я подарю вам Буцефала. И тогда вы будете напевать хорошенькую песню: «Мы помчимся в Остланд...»

Комиссар жалуется также на отсутствие рабочей силы, которую из-под носа забирает у него «рейхсминистр» Заукель.

Лозе. Я не могу спасти урожай и содержать в по-

рядке хозяйство. Мне нужны люди для работы. В Эстонии так сложились обстоятельства, что много тысяч дворов не имеют уже мужской рабочей силы.

Геринг. Дорогой Лозе, мы знакомы уже давно, вы—большой лгун...

Под конец совещания Геринг ставит точку над «и».

Геринг. ...Господа, я должен заявить следующее. У меня чрезвычайно много работы, и я несу большую ответственность. У меня нет времени читать письма и записки, в которых вы сообщаете, что не можете выполнить того, чего я от вас требую. У меня хватает времени только на то, чтобы на основании кратких сообщений Бекке изредка узнавать, выполняются ли мои требования. Если они не будут выполняться, в таком случае мы должны будем встретиться с вами в другом месте...

И — встретились. Только не так, как хотелось Герингу,— и не там.

1946

НА ДНЕВНОЙ СВЕТ

Первая фаза Нюрнбергского процесса окончилась на последнем документе, зачитанном представителем обвинения. Страшна тяжесть всех этих документов. Под ними подсудимые согнулись в три погибели, и коль скоро сегодня на их постаревших лицах и промелькнет иногда циничная улыбка, то это уже только проявление того, что у немцев называется «юмором висельника».

Нет причин для непринужденного юмора и у адвокатов подсудимых. Хотя им, наконец, и предоставлено слово. Что бы они ни делали, до каких бы трюков ни доходили, какие бы образцы красноречия ни показывали, уничтожающая для подсудимых нацистов правда не перестанет от того быть правдой, и она заговорит в конце концов словами сурового приговора.

А пока что она говорит на языке все новых и новых фактов.

Всем памятна история с пожаром рейхстага, которая произошла тринадцать лет тому назад. Эта первая гитлеровская провокация должна была открыть «тысячелет-

ную эру» фашистского господства над миром. С той памятной для народов Европы ночи начался страшнейший период в их жизни. Кровавое зарево над Берлином было только провозвестником того пожара, который со временем охватил несколько континентов, а вопль первых жертв нацистского террора оповестил мир о приходе кратковременной, к счастью человечества, «эпохи» майданеков и освенцимов.

Тайна поджога рейхстага не была тайной. Подлинные поджигатели были известны с первой минуты, не было только всей суммы изобличающего материала. Не так давно его нашли в одном из архивов гестапо.

Речь идет о письме группенфюрера СА Карла Эрнста, адресованном на имя его друга Гайнеса. Оба нациста были приверженцами Рема, и этим самым объясняется появление этого письма. Эрнст знал, что Геринг и Геббельс готовятся к расправе над своими вчерашними сообщниками. Он выяснил, что силы будут не равны. Эрнст не сомневался в том, что он станет первой жертвой господствующей клики, которая хочет воспользоваться любым предлогом, чтобы ликвидировать опасных свидетелей.

И вот Эрнст поспешно пишет письмо Гайнесу и отправляет его с просьбой вывезти документы за границу. Эрнст рассчитывает, что в случае ареста он сможет этим письмом шантажировать своих палачей и таким образом спасет себе жизнь.

Однако день расправы наступил значительно раньше, чем ждал его группенфюрер СА. Документ попадает в руки гестапо. Эрнст и Гайнес гибнут, и только через двенадцать лет американская полиция находит письмо в одном из гестаповских сейфов.

Этот документ заслуживает того, чтобы познакомиться с ним поближе. Вот он:

«Я, нижеподписавшийся, Карл Эрнст, СА-группенфюрер Берлин — Бранденбург, прусский государственный советник, родившийся 1 сентября 1904 года в Берлине — Вильмерсдорф, настоящим описываю пожар рейхстага, к которому я был причастен. Я делаю это по совету моих друзей, потому что есть основания считать, что Геринг и Геббельс преступно покончат со мной.

В случае моего ареста необходимо дать понять Герингу и Геббельсу о том, что этот документ хранится за

границей. Я заявляю, что 27 февраля 1933 года я вместе с названными унтерфюрерами поджег немецкий рейхстаг. Мы сделали это по тому убеждению, что таким образом послужим фюреру и движению. Мы сделали это, чтобы дать фюреру возможность сокрушить марксизм. Я не раскаиваюсь в этом. По разработанному нами плану, Гайнес, Гельдорф и я должны были произвести поджог 25 февраля, за восемь дней до выборов. Геринг заявил, что он предоставит нам чрезвычайно сильный горючий материал, который займет к тому же немного места.

Во время очередного совещания, которое состоялось на квартире Геббельса и на котором не было Гельдорфа, потому что он в то время выступал на предвыборном митинге, Геринг предложил, чтобы мы воспользовались подземным коридором, который вел из его дома к рейхстагу — это была бы самая удобная дорога с минимальным риском. Мне было поручено найти подходящих людей. Геббельс советовал произвести поджог не 25 февраля, а 27, потому что 26 февраля было воскресенье, когда выходили только утренние издания газет, а это не дало бы нам возможности полностью использовать пропагандистский эффект пожара. Было решено начать поджог около девяти часов вечера, чтобы можно было еще использовать и радио. Потом Геринг и Геббельс согласовывали различные способы направления подозрения на коммунистов.

Мы с Гельдорфом трижды обошли подземный коридор, чтобы обстоятельно сориентироваться в нем. Кроме того, Геринг вручил нам план служебных помещений и пояснил нам, когда и по каким коридорам ходит поверяющий караулы. Как-то во время таких посещений подземного хода нас чуть не накрыли. Караульный, который услышал, вероятно, наши шаги, изменил свой обычный маршрут. Мы спрятались в тупике.

За два дня перед поджогом мы спрятали в этом тупике горючий материал, который дал нам Геринг. Это была небольшая бутылка с самовозгорающимся фосфором и несколькими литрами керосина. Геринг должен был быть в назначенное для поджога время не дома, а в министерстве внутренних дел».

Далее провокатор Эрнст разоблачает роль оказывавшего помощь провокатора ван дер Люббе:

«За несколько дней перед упомянутым событием Гельдорф рассказал нам, что в Берлине появился парень, ко-

торого, вероятно, удастся привлечь к участию в поджоге. Мы условились о том, что ван дер Люббе влезет в окно ресторана, имеющегося при рейхстаге, потому что этим путем туда легче всего попасть. Если его при этом поймут и даже если на несколько минут запоздаем, то нам не будет грозить никакая опасность. Ван дер Люббе должен до последней минуты верить в то, что он пришел один».

Далее Эрнст подробно описывает свой «подвиг». Нацистский провокатор причмокивает, рассказывая о деталях своего преступления. И надо признать, что это была работа профессионального поджигателя. Наука «толстого Германа» не прошла даром...

«Я начал работу с зала кайзера Вильгельма. Мы создали большое количество очагов пожара между залом кайзера Вильгельма и залом пленарных заседаний тем, что намазали стулья и столы фосфорным составом. В то же время мы вылили керосин на гардины и ковры. Когда мы снова очутились в зале пленарных заседаний, не было еще девяти часов.

Точно в 9 час. 05 мин. все было готово. Мы пошли назад. В 9 час. 12 мин. мы были в машинном помещении. В 9 час. 15 мин. мы перелезли через стену».

Карл Эрнст окончил свою работу. Ван дер Люббе сделал остальное, и уже через час Гитлер имел возможность объявить «крестовый поход» против коммунистов. А несколько дней спустя верховоды финансового капитала посадили нацистскую свору в министерские кресла и ее руками начали приготовления к поджогу мира.

Как видим, огромны были заслуги Карла Эрнста и ван дер Люббе перед «третьим рейхом». И именно в связи с этими заслугами оба провокатора вынуждены были распрощаться с жизнью. Язык ван дер Люббе одеревенел от удара секиры палача, язык Эрнста уничтожила 30 июня 1934 года кучка подручных прислужников Геринга. Признательность Адольфа Гитлера тоже ходила крутыми и кровавыми тропами.

Коль скоро предоставляем слово документам, пусть скажет свое слово бывший директор «немецко-советского общества воздушного сообщения» Георг Зоммер.

Двадцать седьмого июля 1934 года, то есть ровно через год после поджога рейхстага, Зоммера вызвали по те-

лефону в главное управление гестапо. Там советник Шульц дал ему секретное поручение: подготовить самолет для трех болгарских коммунистов, обвиненных в поджоге рейхстага, которые после скандального провала обвинения были оправданы судом. Шульц тут же уведомил Зоммера о маршруте самолета: Москва, с пересадкой в Кенигсберге.

На другой день узники были привезены на Темпельгофский аэродром. «Во время заправки самолета,— рассказывает сегодня Георг Зоммер,— подошел ко мне неизвестный мне прежде полицейский агент, показал свой документ и заявил мне тоном приказа, что этих трех обвиняемых нельзя было осудить из-за недостатка доказательств, и все же они должны быть на всякий случай ликвидированы, и именно следующим образом: самолет разобьется на советской территории. Коричневый пакет, который агент имел при себе и в котором как будто были личные вещи трех арестованных, должен был находиться при пассажирах и послужить причиной катастрофы... Агент старался успокоить меня и заявил, что я должен рассматривать это поручение, как приказ «высшего начальства».

Однако агенту не удалось успокоить перепуганного этим оригинальным поручением Зоммера. Побаиваясь судьбы ван дер Люббе, он выбрал меньший риск:

«Самолет поднялся в воздух около 8 часов утра. Во время смены самолета в Кенигсберге удалось предупреденному мной директору Фетте выбросить пакет с адской машиной».

Легко себе представить настроение Геринга, когда он услышал по московскому радио голос Димитрова. И в этих обстоятельствах Геринг был беспомощен: наказание трусливого Зоммера только бы наделало много лишнего шума. В конце концов неизвестно было, где следовало искать виновных — в Берлине или в Кенигсберге.

Сегодня Геринг, как и другие его сообщники, обезврежен. Рука его больше не будет убивать и не будет поджигать. Трибуналу осталось только поставить точки над «и».

Иоахим фон Риббентроп. В роли подсудимого он чувствует себя скверно, за несколько месяцев постарел на десять лет. Гораздо лучше он чувствовал себя в роли министра, хотя об этом периоде своей жизни Риббентроп говорит теперь совсем неохотно.

На процессе выплыли пикантные подробности этого периода.

Когда Риббентроп впервые сел в министерское кресло на Вильгельмштрассе, он был для нацистского деятеля человеком очень «жалким»: винное предприятие и скромный домик — вот все, чем мог в то время похвалиться Иоахим фон.

На протяжении двух (буквально двух) лет он сумел догнать остальных своих коллег по кабинету. За это время у него появилось шесть имений. Первое из них насчитывало «лишь» тысячу семьсот пятнадцать гектаров пахотной земли и леса (Риббентроп — страстный охотник). Второе — не меньше — возле Аахена, два других — в Словакии.

Очень «романтична» история приобретения Риббентропом последнего из шести его имений, живописного замка в Тироле. Рейхсминистр влюбился в этот замок до такой степени, что не давал покоя хозяину усадьбы графу фон Ритену. Но тот не проявлял ни малейшего желания расставаться с родовым имением. Неосторожный фон Ритен, он не знал, что этим подписывает себе смертный приговор.

Вскоре терпению Риббентропа пришел конец. При первом удобном случае он рассказал Гитлеру об упрямом австрийском аристократе, который так откровенно демонстрирует свое презрение к министру «третьей империи». Да, это было возмутительно. Гитлер почувствовал себя оскорбленным не меньше, чем Риббентроп. Мотивы, которыми руководствовался в этом деле Риббентроп, несколько не волновали фюрера. Земные блага существовали прежде всего для его клеветников. Он знал цену этим благам: они самых отъявленных жуликов делают неподкупными, на их золотой цепи даже тигры становятся дворняжками.

Гитлер снимает трубку и вызывает Геринга.

— Будет сделано! Будет сделано, мой фюрер... — тихо, спокойно отвечает Геринг.

— Он тоже успел разжиреть на моих хлебах...

...Геринг умел в таких случаях сдерживать свое слово. На следующий день к графу явились гестаповцы и показали ему приказ об аресте. Он начинался словами: «По приказу фюрера...» Теми же самыми словами ответил также родственникам графа Геринг, когда они пытались спасти узника.

Иоахим фон Риббентроп стал полновластным хозяином конфискованного замка. Возражений юридического характера не было и не могло быть: за несколько месяцев своего пребывания в концентрационном лагере фон Ритеп превратился в тень. И однажды эту тень рассеяла милостивая пуля эсэсовца.

Сегодня об этих деталях из житейя-бытия Риббентропа-министра Риббентроп-подсудимый не только говорит неохотно. Он их просто... «не помнит»... Не помнит он ни случая с фон Ритепом, ни о такой же, точно такой же истории с работником его министерства, Лютером, который имел неосторожность поссориться со своим шефом.

— Меня не было при этом, и я не помню... — Вот стереотипный ответ Риббентропа-подсудимого, когда его спрашивают о не совсем приятных для него вещах. Он называет даже причину этой исключительной в истории медицины слабости памяти — бром. В последние годы карьеры Риббентропа первые его были так напряжены, так напряжены, что он вынужден был принимать бром. В таких больших, неимоверно больших дозах...

На этом не заканчиваются жалобы фон Риббентропа. Оказывается, на службе у Гитлера он потерял не только память, но и собственную индивидуальность. Об этом заявляет на суде предусмотрительный свидетель Риббентропа, его личный секретарь, Маргарита Бланк: «Господин фон Риббентроп подчинял свои мысли мыслям фюрера. Мысли Гитлера были его мыслями...»

Короче говоря, не министр, а автомат. Забыл только Риббентроп, да и забыли его свидетели, что, если автомат делает какую-нибудь пакость, его тоже... ломают.

Риббентроп и в своей камере и в зале заседаний с большим увлечением читает рассказы Гофмана. Может быть, поэтому он так свободно чувствует себя в роли игрушки-автомата. Он так глубоко вошел в эту роль, что,

когда вспоминает о Гитлере, его бас становится еще более бархатным, а в глазах появляются слезы, выдающие его растроганность. Он и сам способен поверить в сверхъестественную силу фюрера, если бы это могло хоть немного уменьшить тяжесть его ответственности за все содеянное. Но эти тонны, тонны обвинительного материала! Они ломают, уничтожают, сметают так старательно продуманное, взвешенное и выученное на память построение защиты.

Пока Риббентроп отвечает на вопросы своего адвоката, все, кажется, идет у них как полагается. Совсем неожиданный у тщедушного Риббентропа бас гудит равномерно и плавно, переливаясь лирическими полутонами. Плынут, словно заученная декламация, фразы, гладенькие, подстриженные, начищенные до блеска; даже не зная как следует правил пунктуации, вы чувствуете, где точка, где запятая и где тире. У вас порою впечатление, что это не суд, а конференц-зал на Вильгельмштрассе, и что герр рейхсминистр проводит как раз пресс-конференцию и эластичная речь породистого дипломата заверяет слушателей в исключительном миролюбии нацистского правительства.

Картина меняется — и очень меняется, — когда место защитника занимает обвинитель. Тогда рейхсминистр на наших глазах превращается в хитроумного школьника, у которого учитель во время экзаменов забрал из-под носа шпаргалку. Сначала школьник смущается, цедит слова скупно, аптечными дозами, ссылается на болезнь, а потом с горя стремглав бросается в болото словоблудия.

— В дипломатии говорится много, но не каждое слово дипломата является истиной, — сказал на процессе Риббентроп.

Обвинитель, к которому были адресованы эти слова, укоризненно покачал головой:

— Разве в дипломатических переговорах нельзя сказать хотя бы долю правды?

Иоахим фон Риббентроп сидит насупившись. Его мозг лихорадочно работает, ища в закоулках памяти случая, когда бы он, Риббентроп-дипломат, сказал правду. Тщетно — такого случая не было. Риббентроп нервным движением поправляет галстук, возводит глаза кверху и рисует ими в воздухе большой эллипсовый круг.

— Возможно, что иногда возникала такая ситуация, когда я был вынужден говорить...

Тут необычное для Риббентропа слово «правда» застревает у него в горле. Он мысленно перелистывает свой путаный словарь дипломата и в конце находит:

— Резким языком.

Представитель обвинения продолжает наступление:

— Как вы это понимаете?

Подсудимый явно шокирован таким бестактным, по его мнению, вопросом. Словно примирившись с этим, он жестом мученика скрещивает руки на груди и со всепрощающей, отцовской усмешкой отвечает:

— Когда мы хотели создать ситуацию силы, нам приходилось говорить резким языком...

Обвинитель одобрительно кивает головой. Риббентроп осознает свой промах, но — поздно. Инстинктивно отстраняет от себя микрофон и жмурит глаза, хотя в зале горит столько же ламп, сколько горело их минуту тому назад. Теперь он будет более осторожным.

Проходят часы, дни. Риббентроп выкручивается из всех сил, напрасно пытаюсь утопить смысл своих ответов в воде многословия.

На вопрос представителя советского обвинения генерал-лейтенанта Руденко, почему Риббентроп произносит речи там, где для ответа достаточно одного слова: «да» или «нет», тот, не заикнувшись, отвечает:

— То, что я говорю так много, объясняется состоянием моего здоровья...

Но вопрос дает результаты. Понятно, лишь на короткое время — через полчаса, через час — с Риббентропом опять происходит спасительный «припадок» многословия. Но пока что он ограничивает себя до минимума, до минимума такого же путаного и извортливого как и все предыдущие ответы Риббентропа.

— Значит, вы не считаете захват Чехословацкой республики агрессией? — спрашивает генерал-лейтенант Руденко.

— Нет, это была необходимость, вызванная географическим положением Германии.

— А нападение на Польшу?

— Нападение на Польшу было вызвано позицией других стран...

— А нападение на СССР?

— В буквальном смысле слова, это была не агрессия. Агрессия, это... очень сложное понятие...

Разделавшись так с определением агрессии, Иоахим фон Риббентроп искоса поглядывает на стену, где позолоченные стрелки часов по-прежнему показывают двенадцать часов. Еще целый час остается до спасительного перерыва. Риббентроп вытирает пот с носа, хотя из-за решеток бесчисленных вентиляторов веет почти могильным холодом.

Иоахиму фон Риббентропу становится душно и — тесно. Тесно, как в гробу. Губы Риббентропа жадно ловят воздух, у него теперь вид человека, который вдруг заглянул в глаза безжалостной смерти. Палач народов в эту минуту не думает о тех людях, которых, по его категорическому требованию, Хорти предавал кремационным печам Освенцима. А этих людей было шестьсот тысяч...

Не о них думает в эту черную годину Иоахим фон Риббентроп. Из его опухших от сдержанного плача глаз вот-вот польются слезы, и «рейхсминистр» заплачет о собственной судьбе. К другому плачу он не способен. Чересчур мала для этого у него душа и — чересчур подла.

1946

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОДНОЙ АФЕРЫ

Нет более жалкого зрелища, чем конец карьеры нацистских вершителей судеб Германии. В роде человеческого было немало узурпаторов, более или менее жестоких, более или менее подлых, но ни один из них не дал миру картины такого позорного распада, как это сделали творцы «третьего рейха» в час, когда история указала им на дверь.

Каждый новый день приносит нам новые документы, новых свидетелей. В хаосе противоречивых известий, слухов и обычных сплетен-небылиц вырисовывается постепенно картина последних дней гитлеровских Содома и Гоморры.

Вот какой представляется эта картина.

Двадцать четвертое апреля 1945 года. Гитлер не выходит даже на пять минут из надежного бомбоубежища

рейхсканцелярии. Полубезумный от отчаяния и животного страха, он напоминает зверя, неожиданно оказавшегося в клетке. С ним Ева Браун, Мартин Борман, шурип Евы эсэсовский офицер Фегеляйн и Геббельс с женой, единственные люди, которых Гитлеру удалось заставить остаться в Берлине. Зачем? Этот вопрос он мог прочесть и в заплаканных глазах Евы и на дрожащих губах Геббельса. Он до сих пор еще декламировал им о верности, о чести, он и теперь еще повторял им плакатные лозунги вроде того, что не повторится больше 1918 год, но они чувствовали, что его самого загнал в этот подвал только страх и сознание того, что нигде и ни у кого не найдет он спасения.

Были минуты, когда Гитлера согревала надежда. Он, говорят, называл тогда имена Гиммлера и Геринга. Он ждал какой-то фантастической помощи, какой-то фантастической армии, которая сотворит чудо и прорвет железное кольцо советских войск, с часу на час сужающееся вокруг центра Берлина.

Рапорты командующих, изредка получаемые Гитлером по радио, говорили уже не об отдельных поражениях, а о полном разгроме, но он все еще не мог выйти из роли: писал никому не нужные приказы и часами лежал животом на карте, передвигая с места на место булавки с флажками.

На следующий день Гитлер дождался, наконец, известия от Геринга. Оно было недвусмысленным: с утопающего пиратского корабля удирала еще одна крыса, старая, жирнейшая из жирных.

Гитлер неистовствовал. Размахивая приказами об аресте Геринга, бегал он от стены к стене, бросая базарные проклятия. Гитлер вызвал к радиотелеграфу генерала авиации фон Грайма, и через несколько часов получил сообщение, что фон Грайм вылетел в Берлин в сопровождении сорока истребителей. Однако первы Гитлера от этого не успокаиваются. Стены бомбоубежища дрожат от детонации, советские снаряды рвутся уже во дворе рейхсканцелярии.

Гитлер дает присутствующим в руки ампулы с цианистым калием. Фюреру не хочется умирать в одиночку, ему страшно одному отойти туда, куда он с таким легким сердцем отправлял миллионы человеческих существ. Нет,

мастер убийств не перестанет быть убийцей до последней минуты своей жизни!

Двадцать шестого апреля он принимает генерала фон Грайма и его пилота Анну Райч. Уже первый рапорт генерала звучал угрожающе: почти все крылатые конвоиры фон Грайма были сбиты по дороге в Берлин советскими истребителями. Сам фон Грайм почти чудом избежал смерти, его рука была залита кровью.

«Геринг — изменник, я издал приказ об его аресте. Главнокомандующим немецкой авиацией я назначаю вас, генерал. А теперь вы возвращайтесь и бросьте мне на помощь все наличные силы немецкой авиации».

После этого Гитлер тянет полуживого генерала к карте и разъясняет ему ситуацию. Она, по его мнению, не окончательно безнадежна, ведь на помощь Берлину спешит армия генерала Венкса.

Генерал молча склоняет голову, он терпеливо слушает бред фюрера, хоть и знает, что все это выдумка, что никакой Венкс и никакая сила не смогут уже спасти нацистскую Германию и ее фюрера.

На следующий день Гитлеру становится известно, что шурин Евы, Фегеляйн, достал где-то штатский костюм. Доказательство измены — налицо: Фегеляйн хочет жить. Фегеляйн не хочет умирать вместе со своим фюрером. Гитлер тут же оглашает приговор. Через пять минут, невзирая на мольбы Евы, Фегеляйна расстреливают во дворе канцелярии.

Теперь Гитлер подходит к Анне Райч: «Вы принадлежите к тем, которые умрут со мной». Он вручает ампулы с ядом Анне и... генералу фон Грайму, после чего цинично добавляет: «Выбирайте себе сами дорогу на тот свет».

Двадцать девятого апреля пришло известие от Гимлера. Самый близкий сотрудник Гитлера сообщал о том, что он решил взять на себя обязанности фюрера и обратился к союзникам с просьбой о перемирии. В лице Гимлера с корабля убегала последняя крыса.

Убежище канцелярии папоминало теперь дом для умалишенных. Посиневший от бессильного гнева Гитлер что-то кричал, кому-то грозил кулаками. Очевидица этой иступленной сцены Анна Райч рассказывает: «Мужчины и женщины кричали от возмущения, отчаяния и страха. Гитлер был полубезумным от бешенства. Черты его поба-

гровевшего лица нельзя было узнать. В убежище царили только безумие, отчаяние и ужас».

Кто-то вышел из подвала и тотчас вернулся: треск советских пулеметов докатился уже до двора рейхсканцелярии. Гитлер, полуживой от страха, созывает присутствующих на... военный совет. Он длится недолго, генерал фон Грайм был единственным, кроме Бормана, лицом, которому можно было еще отдавать приказы. «Наша последняя надежда,— стонал постаревший внезапно фюрер,— это Венкс. Летите и поддержите авиацию Венкса. А Гиммлера разыщите под землей и под арест, под суд!»

Генерал вздыхает с облегчением, у Анны Райч заблестели от радости глаза: через час-два они вылетят из этого ада, у них еще есть шансы на спасение.

Ева Браун тоже хотела бы оставить этот страшный подвал...

Мюнхенская мещанка, одна из тех молодых актрис, которые собирают аплодисменты не за игру, а за красоту, она мечтает о большой карьере. Роль сводни берет на себя фотограф Гитлера — Гофман. Киноактриса Лени Рифеншталь получает отставку, ее место занимает Ева. Проходят годы. Почти никому не известная прежде Ева Браун становится самой богатой женщиной Германии. Но кровавая звезда ее протектора начинает меркнуть, приближается конец. Рассудительная Ева довольна тем, что уже долгое время не видела его, она надеется, что о ней забыли. Напрасно! Когда предместья Берлина услышали музыку «катюш», старый палач посылает за Евой. Смертельно напуганную женщину привозят в пылающий город и прячут в подвал вместе с этой человеческой развалиной, которая с упорством кретина заставляет ее проглотить ампулу со смертоносной жидкостью. Ева не хочет умирать, она бьется в припадках истерии. Однако фюрер не выпускает ее ни на минуту из поля зрения. Внезапно мозг кровавого комедианта осеняет идея: он обвиняется с Евой. Уцелевшие эсэсовцы вытаскивают из какого-то подвала магистратского чиновника, и тот дрожащей рукой пишет брачный акт, Геббельс подписывает его как свидетель.

Теперь есть еще время сесть за государственные дела. Гитлер пишет два завещания, которые, как ему кажется, станут достоянием истории. Одно из них он называет «политическим», другое — «частным». В первом он торжест-

вечно именует себя миролюбом и назначает кабинет, который «должен продолжать войну всеми средствами...» В частном завещании он заявляет о желании Евы Браун умереть вместе с ним.

Все эти бумаги Борман передает своему адъютанту, а восемь месяцев спустя они попадают в руки судей.

На этом обрывается история преступления, имя которому было «третий рейх». Какова дальнейшая судьба главного героя этой грязной истории, еще и поныне окончательно не выяснено, неизвестно также, что произошло с Борманом. Пусть этим эпилогом величайшей в истории человечества кровавой аферы занимаются и в дальнейшем следственные органы. Задача человечества — сделать выводы. И эти выводы будут уничтожающими для строя, породившего такую гниль.

А это самое главное, и именно в этом состоит историческое значение Нюрнбергского процесса.

1946

В ДЕБРЯХ

Книжка М. Сейерса и А. Кана «Тайная война против Америки» была написана в середине 1942 года, когда корпуса Гитлера шли на Сталинград, а японцы готовились к тигровому прыжку в Австралии. С того времени прошло пять лет. «Третьей империи» уже нет, как нет и «империи восходящего солнца». Однако упыри фашизма все еще спуют по свету, поддерживаемые жрецами золотого тельца, а фашистские методы борьбы, методы шпионажа, диверсии и террора усердно осваиваются сегодня протекторами правительства Зерваттиуса. Книжка Сейерса и Кана — это не только документ, это прежде всего предостережение.

Авторы «Тайной войны против Америки» с темпераментом рисуют подрывные махинации агентов держав оси в Западном полушарии. Никто из главных организаторов террора и провокаций не ускользает от их внимания. Они показывают нам целую галерею руководителей «пятой колонны», от архидиверсанта фон Папена до такого мастера «психологической» войны, как авантюрист Фирек. Они не обходят молчанием и американских апостолов предательства: за общим столом с немецкими

шпионом Фиреком мы видим также его наймитов — сенатора Ландина, полковника Линберга и редактора «Чикаго трибюн» Маккормика.

ДЕБРИ

Среди этой цестрой братии наемных убийц, международных аферистов, ветеранов и молодых адептов шпионского ремесла мы находим людей без отечества, точнее говоря, — немецко-украинских националистов. Авторы книжки нельзя упрекнуть в том, что они недооценивают роли этих долголетних служак международной реакции, в особенности немецкого империализма. Об этом свидетельствует хотя бы такая цитата из «Тайной войны против Америки»:

«Рассказ о том, как Гитлер прибрал к рукам украинских террористов, превратил некоторых из них в украинско-американскую «пятую колонну», раскрывает такие дебри международного предательства и преступлений, каких не знает вся омерзительная история подпольного мира политических преступников».

Американские власти слишком поздно раскусили этот горох. Как часто бывает, на помощь им пришел случай.

В 1938 году нью-йоркская полиция была поставлена перед загадкой: шайка неизвестных преступников выкрала группу зажиточных людей и под пытками заставила их выплатить выкуп. Одна из уцелевших жертв шайки, Норман Миллер, который отделался выкупом в пятнадцать тысяч долларов, заявил агентам полиции, что в камерах пыток он слышал церковные звоны и стук бильiardных шаров. Показания Миллера дали полиции возможность установить, что местопребыванием шайки было помещение «Украинского национального центра», а преступники — деятели центра. Двое из них — Дмитро Гула и Йосип Сакода — за убийство были казнены на электрическом стуле; другие осуждены к пожизненному заключению.

Во время процесса выяснилось, что Гула и Сакода были членами террористической организации украинских националистов ОДВУ («Организация друзей возрождения Украины»), действовавшей под руководством Берлина.

В начале 1941 года военный суд осудил одного из капитанов армии США за передачу тайной информации

агенту иностранной державы. Этим агентом оказался известный террорист Емельян Сенник-Грибивский.

Сенник прибыл в США еще в 1931 году по заданию... отдела ШБ немецкой военной разведки, возглавлявшейся полковником Николаи. По поручению этого корифея немецкого шпионажа Сенник организует ОДВУ. Кроме известной уже камеры пыток на 6-й улице № 217/19, Сенник основывает на 95-й улице целый арсенал и его владельцами назначает своих агентов Вильяма и Михаила Пизняков.

Рядом с ОДВУ в Америке возникает ее названная сестра — организация гетманцев, созданная и руководимая военным отделом национал-социалистской партии во главе с повешенным в прошлом году в Нюрнберге Альфредом Розенбергом. И ОДВУ и «Гетман» действуют по одному и тому же рецепту в Америке, а через свои филиалы также в Европе и в Азии. Их руководители поддерживают постоянный контакт с агентами держав оси, где бы они ни были, где бы ни действовали: и в Северной Америке, и в Южной, и в Нью-Йорке, и в Рио-де-Жанейро, и в Париже, и в Харбине. Для международных аферистов нет границ: их карманы набиты фальшивыми паспортами, их родиной является каждый пункт земного шара, где посеяны зубы фашистского дракона, где есть возможность послужить берлинским вершителям их судьбы.

ЕВГЕН КОНОВАЛЕЦ И ЕГО ДЕТИЩЕ

Этот «блондин с водянистыми серыми глазами» уже в 1930 году был известен разведкам всех держав мира, как один из самых активных немецких и японских шпионов. С Гитлером Коновалец познакомился еще в 1932 году, и с тех пор Адольф Шикльгрубер имел в особе этого галицийского авантюриста одного из наиболее преданных клевретов. С благословения фюрера и его приверженцев в немецкой разведке Коновалец создает огромную международную организацию шпионов и диверсантов и дает ей помпезное название «Организация украинских националистов» (ОУН).

Коновалец начинает действовать. Его агенты появляются везде, где только живут украинцы: в СССР, Польше, Чехословакии, Канаде, США, Южной Америке. Это — высококвалифицированные шпионы и диверсанты, выпу-

скинки школы, специально организованной для членов ОУН немецким военным министерством в Данциге. Вскоре их ряды пополняются еще более квалифицированными выпускниками организованной Гитлером в Берлине, на Мекленбургштрассе, 75, центральной академии для членов ОУН, названной «Школой шпионажа, диверсии и террора». Преподавателями в этих школах были офицеры немецкой разведки, программа обучения охватывала самые новейшие методы похищения военных тайн, изготовления адских машин, организации диверсионных актов на предприятиях и убийств из-за угла.

В 1938 году акции Коновальца на международном шпионском рынке стояли высоко, были значительно выше, нежели это было желательно для полковника Николаи. Однако судьба чересчур зазнавшегося агента была предreshена. На съезде ОУН в Роттердаме Коновалец получил небольшой пакет. Самоуверенный вожак террористов пренебрег на сей раз элементарными правилами предосторожности. Он развернул пакетик. Бомба грохнула и разорвала Коновальца на куски.

Таким образом Николаи одновременно убил двух зайцев: избавился от невыгодного агента и создал для ОУН «мученика», погибшего якобы от рук «агентов ГПУ». Кто жил в то время на Западной Украине, тот вспоминает повитые трауром трезубцы на груди парней из ОУН. Эти люди были лишены не только чести, совести, но и самого примитивного чувства юмора.

«ОРГАНИЗАТОР ТЕРРОРА»

Более точным и эластичным орудием в руках Николаи и гестапо был упоминавшийся уже выше Емельян Сеник-Грибивский, известный как самый жестокий убийца и самый ловкий диверсант. В начале 30-х годов Сеник выныривает в США. Берлин не жалеет денег, и за океаном растут, как грибы после дождя, всевозможные «украинские красные кресты», «страховые общества», «спортивные клубы», «химические компании» и... «кинокомпании». Во главе всех этих компаний стоят подручные Сеника, члены и сторонники ОУН. Для них Сеник составляет специальное руководство, где говорится о разных методах шпионажа: о «дипломатическом шпионаже», «шпионаже через прессу», о «шпионаже в настоящем смысле слова»,

и о подкупе тех особ из лагеря противника, «которые располагают ценной информацией».

Сеник чувствует себя в США будто в Берлине. Он создает в стране сеть арсеналов, в Питтсбурге, Чикаго, Детройте и других местах даже организовывает отряды снайперов, которые проходят курс военного обучения в специальных лагерях ОДВУ. Наконец, Сеник основывает в Монтгомери «Украинскую авиационную школу», которая готовила не столько летчиков, сколько диверсантов. После окончания этого авиационного курса члены ОДВУ имели возможность под видом специалистов работать на авиазаводах и там, по заданиям Берлина, совершать диверсии. К примеру, одним из меценатов этой школы был казненный в тюрьме Синг-Синг убийца Дмитро Гула.

В январе 1935 года Сеник уведомил своих берлинских руководителей, что им организовано в США около ста филиалов ОДВУ и, кроме того, в каждом промышленном центре действует националистическая агентура, готовая по первому приказу Берлина начать диверсии.

О размахе действий немецкого шпиона Сеника свидетельствует хотя бы тот факт, что ему удалось организовать целую сеть «фото»- и «кино»-фирм. Читатели украинских газет, издающихся в США, припоминают, како шум подняли националисты вокруг «кинокомпании Авраменка», возглавлявшейся членом питтсбургской организации ОДВУ, танцором Василием Авраменко и его партнером Калиною Лисюк. Этот рекламный шум был тактическим маневром, имевшим целью замаскировать настоящий характер «кинокомпании», которая была не чем иным как фотолабораторией для съемок американских военных объектов. Киноманы из компании Авраменко успели сделать снимки заводов в Питтсбурге, Скрентоне, Аллентуэне и Бетлехеме, промышленных районов Детройта, моста который соединяет Детройт с Виндзором в Канаде, рабочих селений Нью-Джерси, авиазаводов в Калифорнии и границы между США и Мексикой. Все снимки через руки всестороннего Сеника своевременно были направлены в Мекку украинских националистов — Берлин.

Накануне возвращения в Германию Сеник зашел в дом, откуда должен был взять с собой в Берлин секретную почту. Это был дом на Гренд-стрит, 83, в городе Джерси. Там находился главный штаб «Украинской национальной ассоциации» и ее официоз газета «Свобода».

Главным украшением этой газеты был ее редактор Лука Мишуга. Еще недавно скромный работник «Свободы», Мишуга делает внезапно в 1933 году карьеру и садится в редакторское кресло. Тут емугодились гестапо и... крашенки.

Перед съездом «ассоциации», на котором должен был быть избран новый редактор ее органа, Мишуга поехал в Вашингтон и вручил швейцару Белого дома Айкову Гуверу корзинку с украинскими крашенками. Этого было достаточно, чтобы Мишуга распространил слух, будто его принял «сам Гувер» (президентом США был тогда Герберт Гувер). Участники съезда, прослышав о «честь», какая выпала на долю Мишуги, избрали его редактором «Свободы». С того дня «Свобода» становится органом пропаганды держав оси, а Мишуга — чиновником Геббельса и одним из главных агентов Николаи. Через редакцию его газеты идут из Берлина, Рима и Токио директивы для шпионов; ее помещение становится штаб-квартирой для фашистских агентов связи.

Накануне второй мировой войны Мишуга несколько раз посещает Европу. 28 октября 1938 года он шлет своим агентам в США письмо, в котором уведомляет их, что он «только что отправил две больших телеграммы Риббентропу и Чиано».

В этом же письме дальше читаем:

«Через два часа я выезжаю в Париж, где пробуду один день, и оттуда выеду в Вену, то есть в тот пункт, или, вернее, ближе к тому пункту, где пребывает «Мощь»².

В Вене встретили Мишугу официальные представители этой «Мощи», а Геббельс предложил ему даже выступить по радио, что Мишуга услужливо и сделал, не жалея при этом горячих комплиментов по адресу гитлеровской «Мощи».

В 1939 году, когда Европа уже находилась в огне войны, Мишуга получает из Берлина инструкцию: «Будьте более осторожны!» Теперь связь с «Мощью» он поддерживает уже не непосредственно, а через нацистского сотрудника львовского «Дела» в Риме, Евгения Опацкого.

¹ Пасхальные яйца.

² Под «Мощью» подразумевалась фашистская Германия.

10 октября 1939 года Онацкий шлет Мишуге письмо, в котором дает ему новые директивы и добавляет: «Эти директивы направлены вам непосредственно отделом пропаганды германского министерства».

Оккупация Польши гитлеровцами обострила аппетит Мишуги и компании. Для окончательного закабаления польского народа и подготовки нападения на Советский Союз гитлеровцам были необходимы воспитанные Коновальцем, Сеником и Мишугой кадры шпионов, палачей, террористов. Националистический сброд стремглав бросился в Европу. Покидает также США «генерал» Курманович, впоследствии командир дивизии «СС-Галиция». Римский агент гестапо Онацкий вскоре оповещает Мишугу: «Генерал Курманович теперь начальник Гродненской округи».

Далее Онацкий рисует перед Мишугой и его друзьями радужные перспективы: «Все украинские националисты могут теперь без каких-либо затруднений получить административные места в Западной Галиции, ибо немцы не доверяют полякам, да и сами поляки не желают идти на такие должности».

Не пожелал и Мишуга сесть на такое место, хотя и по другим менее принципиальным соображениям, нежели поляки. Интересы гитлеровской Германии требовали, чтобы Мишуга оставался в Америке.

По мере того как возрастали оборонные силы США, росли также и требования Берлина к Мишуге. Одной только берлинской пронацистской пропаганды уже было недостаточно. От Мишуги требуют более конкретных действий. Редактор «Свободы» проявляет себя дисциплинированным наемником. И вот 3 февраля 1941 года, за несколько месяцев перед нападением японцев на Пирл-Харбор, Мишуга помещает на страницах своей газеты детальную инструкцию о том, как надо делать бомбы и взрывчатые вещества для диверсионных актов. Вот короткая выдержка из этой инструкции, процитированной авторами «Тайной войны против Америки»:

«Обычный хлопок, такой, из которого, к примеру, делают наши сорочки, может быть превращен во «взрывчатый хлопок», если добавить к нему вышеупомянутую «азотную смесь». Под ее воздействием химический состав хлопка изменяется, и он становится взрывчатым. Одна из разновидностей «взрывчатого хлопка» — пироксилин».

Казалось бы фатальный для держав оси конец войны должен был заставить присмиреть сброд из школы Коновальца — Сеника — Мишуги. Но едва стихли пушечные залпы, как мишуги снова повывлезали из нор и руками бандер продолжают дело, начатое Коновальцем и покеранным в свое время справедливой пулей — Сеником-Грибивским. Правда, берлинский хозяин этой международно-шпионско-диверсионной братии вышел из строя, однако его место заняли другие хозяева, — те самые, кто потоками крови заливают сегодня Грецию, те самые, кто методы Гиммлера применяет в наши дни на живописных островах Индонезии. Убийцы-профессионалы понадобились организаторам массовых убийств, и они становятся пригодными для них везде, где интересы капиталистических клик требуют потопления в крови освободительных чаяний народов.

Но теперь уже не тридцатые годы и не начало сороковых. Разгром держав оси — этих непревзойденных мастеров тотального террора, тотальной диверсии — довольно-таки радикально изменил политическое лицо земного шара, и меньше, значительно меньше осталось на нем стран, которые могли бы стать жертвами как великих, так и малых международных аферистов.

Вместе с тем возросла, неизмеримо возросла сила демократических стран, и эта их сила — моральная и физическая — дает им возможность решительно и окончательно ликвидировать все жалкие попытки наемников «пятой колонны» возвратить вчерашний день.

1947

ТЕНЬ ЧУЖИХ БОГОВ

История знала государства, которые погибали вместе со своими властелинами. Такого случая не знала история религиозных культов. Прецедент создала только униатская церковь. Через несколько месяцев после смерти митрополита Андрия Шептицкого Брестская уния канула в Лету, а ее творение — плод четырехсотлетних отчаянных усилий врагов Украины — распалось в прах, не оставив ничего, кроме мрачных воспоминаний и запаха тлена.

Начало карьеры графа Шептицкого относится к восьмидесятым годам прошлого столетия. В первых шагах молодого магната не было ничего исключительного: граф Андрий добывает шпоры австрийского кавалериста. Аристократическое происхождение, богатство и импозантная внешность пленяют сердца не только гарнизонных дам и их великосветских соперниц. В этом стройном офицере есть что-то такое, что сразу привлекает к нему ближайшее окружение императора Франца Иосифа I, в том числе и папского нунция. Невероятное самолюбие распирает грудь молодого офицера. Эта птичка из породы ястребов Вишневецких чувствует, что ему под силу дела, о которых будет говорить весь мир. Магнатский космополитизм помогает графу соображать трезво. Он не хочет повторять ошибок своих предков, которые упорно переоценивали значение физической силы. Чего не могло сделать насилие, того добьется слово, окрыленное верой, фанатической верой, единственный источник которой бьет в долине Тибра. Там, под сенью Колизея, начнется путь графа к воображаемому величию...

Но прежде чем сделать решающий шаг, граф проводит тщательную разведку с результатом, который превосходит самые смелые ожидания. Власть имущие круги, как и Ватикан, в лице венского нунция, оказываются горячими поклонниками идеи Шептицкого. О честолюбивых планах графа узнает и папа римский. Узнает и после долгого разговора с глазу на глаз благословляет его.

Кости были брошены. Шептицкий прощается с мундиром и едет в Рим, где его нетерпеливо ждет «студиум рутенум» — специально созданный для униатских украинцев теологический институт. В аристократических салонах происходит нечто вроде короткого замыкания; друзья и подруги молодого графа не знают, что и думать. Когда к тому же распространился слух о перемене этим польским зубром национальности, произошел светский скандал, который в известных кругах будет продолжаться вплоть до последних дней Шептицкого.

НА ЗЕМЛЕ ПРАДЕДОВ

В 1891 году граф в скромной рясе священнослужителя-монаха возвращается на землю своих прадедов. Свет пока что молчит, но вскоре он заговорит о нем.

Шептицкий приезжает в Галицию, облеченный миссией особого значения. За короткое время он завершает начатую еще кардиналом Сембратовичем коренную реформу униатского монашеского ордена василиян, превращая это прогнившее охвостье прошлого в лагерь воинствующего католицизма, построенный по всем правилам иезуитской техники и стратегии...

Восемь лет спустя голову «отца Андрия» украшает уже епископская митра, а еще через год епископ Андрий под звон святоюрских колоколов устраивается на митрополичьем престоле. С формальной стороны вопрос, таким образом, был покончен; от нового митрополита теперь ждали дел, которые должны были превратить его в абсолютного властелина душ и дум подчиненной ему паствы.

Уже первое впечатление было ошеломляющим. Великолепие графской короны, засверкавшей на горе св. Юрия, озарило плебейские головы тогдашних представителей украинской Вандеи, возбуждая в них надежду, бодрость и, самое главное, веру в собственное значение и назначение. Гордая осанка и одновременно покоряющая учтивость светского человека, умилительная простота в обращении, истинно монашеское спокойствие, выдержанное в рамках достоинства владыки, и при всем этом неплохой украинский акцент, — эти вещи не могли не привлекать галицийско-украинских националистов, страдавших чувством неполноценности.

Весть о возвращении магната к национальности предков разжигает воображение простаков, нимб самопожертвования сияет над головой митрополита. Этот нимб засверкает еще ярче, когда орган польских шовинистов «Слово польске» взорвется злословьем, возводя графа чуть ли не в ренегаты...

Много очарования придает церковному сану тот факт, что Шептицкий является одним из богатейших помещиков Галиции. Среди тех, кто поклонялся ему, не было никого, кто недооценивал бы этого факта; умело пользовался им и сам митрополит. Делегации, посещающие митрополита, рисуют перед ним сочные картины галицийской нищеты, индивидуальные челобитники жалуются на свою собственную судьбу. Для каждого из них у Шептицкого найдется доброе слово, подкрепленное соответствующей цитатой из евангелия, и пастырское благословение. Шкатулку граф открывает часто, но рас-

четливо. Охотно оказывает материальную помощь талантам, еще охотнее — учреждениям. Вскоре он становится главным акционером ипотечного банка и негласным совладельцем многих предприятий, в первую очередь тех, которые превращают деньги в политику; в отдельных случаях он дает фонды на покупку церковных колоколов, а финансируемые им газеты и журналы усердно воспевают хвалу своему благодетелю. Точно удельного князя из рода эстляндцев окружает его придворная плеяда литераторов и художников, благоговейным шепотом произносящих имя своего мецената.

Как и приличествует властителю божьей милости, граф Шептицкий избегает прямого вмешательства во внутренне-политическую борьбу, выполняя роль арбитра. Правда, в решающие минуты граф теряет самообладание, и тогда устами митрополита говорит плантатор, не на шутку встревоженный растущей волной народного гнева. Убийство студентом Сечинским цесарского наместника во Львове (1908) в такой мере потрясло совесть Шептицкого, что он, ничуть не колеблясь, приравнял смерть графа Потоцкого к мученической смерти Христа. В то же самое время он не нашел в своем словаре ни слова осуждения, когда жандармы Потоцкого зверски убили ни в чем не повинного селянина Каганца и его товарищей по борьбе за право на труд и хлеб. Двадцать восемь лет спустя после львовского кровавого четверга Шептицкий также не найдет слов для осуждения фашистов, убийц рабочих, их жен и детей; больше того: в широко распространенном воззвании он обрушивает всю злость на жертвы массового расстрела...

АПОСТОЛЫ НЕНАВИСТИ ТОРОПЯТСЯ

Но вся тяжесть политической работы митрополита в основном ложится на спины прелатов и реформированных василиянов. Особенно распоясываются последние. Их всюду полно, они проповедуют чуть ли не на каждом углу. С церковных амвонов, с алтарей, со школьных кафедр, с наспех сколоченных трибун они бросают в души паствы слова-семена, отравленные идеей иступленной ненависти к православным, к русским. Монастырская типография в Крехове выпускает десятки тысяч пестрых брошюр, журнальчиков, газет, календарей, причем коммерческая калькуляция

не играет тут большой роли, — для богоугодного дела шка-
тулка митрополита открывается ежеминутно...

Апостолы зоологического национализма торопятся. Балканские конвульсии предвещают катаклизм, мобилизация умов происходит усиленными темпами. Офицеры генеральных штабов Германии и Австрии дни и ночи просиживают над картами западных провинций Российской империи. Душа митрополита полна надежд, его глаза блуждают по зеленому пятну «Евразии». Мысли графа перепрыгивают через узенький Збруч, ползут по Уральскому хребту, расправляют крылья над безграничными просторами Сибири, отдыхают на берегу Охотского моря. На минуту его внимание приковывает Киев, но только на минуту. Киев глубоко чужд ему, так же, как и Москва, как и Тобольск. Он думает о нем, как об этапе, неминуемом этапе на пути к его, Шептицкого, величию. Жителей этих просторов он знает главным образом по рассказам и литературе. Он придерживается мнения, что при умелой тактике эти многомиллионные массы верующих станут в его руках чудесным орудием, прежде всего орудием расчленения России, без чего Шептицкий не представляет себе победы унии на Востоке и осуществления своих сокровенных грез о восточном папстве.

Этот человек не любит оставаться в пределах мечтаний. Пока слово станет делом, митрополит сделает много такого, что хоть и не к лицу главе церкви, но зато приближает желанный день объявления «восточного патриархата». Переодетый коммивояжером, с выданным австрийскими властями поддельным паспортом в кармане, митрополит не раз выезжает в Россию и там тайком закладывает фундаменты своего будущего царства. В Москве он назначает своим уполномоченным иезуита Верцинского, которого четыре года спустя царская контрразведка разоблачит, как немецкого шпиона. В Петербурге Шептицкий является желанным гостем католичествующих князей Оболенских и с их помощью строит в пригороде первую униатскую моделью. Опекун над ней и над немногочисленной, но зато прекрасно обеспеченной паствой поручает известному Лейбнеру. Во время одной из таких экскурсий митрополит попадает. В Витебске его узнают и задерживают. Царский двор не мог не знать о тесных, почти дружеских связях графа с австрийским наследником престола Францем-Фердинандом и герцогом Максом Саксонским — связях,

обусловленных главным образом одними и теми же намерениями и общими целями. Это обстоятельство выручило Шептицкого: дело не предают огласке, агенты охраны любезно провожают графа к границе.

БОГИ ЖАЖДУТ КРОВИ

Пришел, наконец, долгожданный день, освященный кровью Фердинанда Габсбурга. Дворец митрополита напоминает теперь военную штаб-квартиру. Из Вены и Ватикана поступают приказы, с подведомственной территории — рапорты. Эти рапорты не всегда бывают приятными, некоторые из них ставят митрополита в очень неудобное положение. Имперско-королевские власти устраивают массовые облавы на русофилов. Из-за нехватки свободных мест в тюрьмах в распоряжение тюремщиков предоставляются школы. Осатанелая толпа бьет камнями конвоируемых, в Перемышле пьяные солдафоны зверски убивают на улице около пятидесяти арестованных, жертвами резни становятся даже девушки-подростки. Военные трибуналы работают без отдыха; как правило, приговоры гласят: «Расстрел», «Виселица».

Граф принимает делегации, делегации, без исключения ультралояльные, преданные до ногтей Габсбургам и их государству. Перед ним предстают одетые в новые мундирчики первые «сечевые стрельцы», включенные по милости дряхлого монарха в отдельную часть. Князь униатской церкви свершает над ними знамение креста, прощается с ними словами любви и поощрения. Желает им скорой победы во имя бога, Габсбургов и пеньки-Украины...

Но пока что события не благоприятствовали замыслам Шептицкого: русские войска подходят к заставам Львова. Митрополит решает остаться при своих овечках. Ничто особенно ему не угрожает: дом Романовых привык обращаться в таких случаях пристойно.

В первые дни после прихода русских митрополит молчит, ожидая бури. Однако вопреки опасениям буря не разыгралась. Шептицкий поспешно использует неосмотрительность оккупационных властей. В ближайший же праздничный день он с амвона призывает верных молиться за победу австро-германского оружия. Терпение властей лопнуло, графа Шептицкого арестовывают. Таким образом, к нимбу присоединяется тернистый венок, в конце концов

довольно выгодного фасона. Курск, Суздаль, Ярославль — вот этапы путешествия митрополита в условиях, которые ничем не напоминают обычные условия жизни арестантов, — этапы, которые затем будут преподнесены простачкам как новый вариант страстного пути господнего...

Жажда деятельности не покидает Шептицкого и в ссылке. Он налаживает связи со своим старым знакомым, архиепископом Антонием. В адресованных ему письмах граф предвещает, предостерегает и предлагает. Особенно заботит его судьба ордена василиян и... помещичьих имений в Галиции (в подавляющей части — польских). В одном из писем к Антонию он настойчиво требует «...сохранения в Галиции ордена василиян и поддержки прерогатив помещечьей прослойки как верной опоры государственности и порядка...»

Но подлинную активность проявляет Шептицкий только после Февральской революции. Почетный узник становится почетным гостем петроградских салонов. Подавленная событиями, аристократия лихорадочно ищет новой религии, убежденная в том, что православная не выдержала испытания. Граф умеет этим воспользоваться. Этот подданный враждебного государства неоднократно навещает премьер-министра Временного правительства князя Львова, благодарит его за возвращенную свободу и разговаривает, как равный с равным. Больше того: он требует! Требует легализации униатской церкви в России, легализации официальной и безоговорочной. В лице князя граф находит внимательного слушателя. Князь готов достать ему небо, да руки князя чересчур уж коротки. Шептицкий сознает его положение. Отказавшись от формальностей, он самовольно назначает униатских экзархов Петрограда и Киева, он консультирует их, знакомит с влиятельными кругами, наконец с умилением благословляет и уезжает в Киев. Там его, как дорогого гостя, принимает Центральная рада, успешная уже связаться с немцами.

Фундаменты восточного вице-папства заложены, теперь можно было подумать и о возвращении домой. Побуждаемый Карлом Габсбургом, Вильгельмом Гогенцоллерном и папой, испанский король Альфонс успешно хлопочет через своего посла в Петрограде, и вскоре окончательно освобожденный митрополит возвращается на святоюрскую гору. Триумфальные врата украшаются причудливо силетенной тернистой короной...

Однако и на этот раз оказалось, что путь через триумфальные врата не всегда ведет к триумфу. Победная Октябрьская революция создала новые, непредвиденные трудности в осуществлении планов Шептицкого; крах центральных государств лишил эти планы реальных основ. Не была, да и не могла быть для него компенсацией ново-возникшая Польша. Кровавая борьба за Львов и жестокий правительственный террор, наступившие после нее, создали атмосферу, в которой какая бы то ни было попытка опереться на Варшаву неминуемо вызвала бы полную утрату популярности. А между тем Шептицкий не переоценивал возможностей послеверсальской Польши. Этот воспитанник «коллегиум рутенум» внимательно следил за развитием событий. Он довольно рано пришел к выводу, что смерть главного протектора была иллюзорной, что раньше или позже политика Лондона, Парижа и Вашингтона даст плоды, и Берлин вернется к роли усмирителя и завоевателя славянского Востока. Граф лелеет надежду, что конъюнктура повторится — конъюнктура тем более благоприятная, что на этот раз война будет носить характер крестового похода, а это позволит избежать раздробления антисоветских сил.

Пока это произойдет, граф Шептицкий посвятит максимум усилий подготовительной работе. Прежде всего произведет смотр наличным силам и на Западной Украине и в Америке — в больших скоплениях украинской эмиграции. Особенное удовольствие доставляет ему просмотр нового пополнения среди подчиненного клира; в будущем он сделает все возможное для того, чтобы такого рода пополнение стало ядром униатского духовенства. Это — здоровенные, крепкие парни, носящие рясу с грацией поручика драгунского полка. Политическое «верую» этих новоиспеченных священников не оставляет никаких сомнений. В прошлом они с достаточной убедительностью продемонстрировали его в рядах «сечевых стрельцов», УГА и петлюровской армии, в будущем они продемонстрируют его еще убедительнее в фашистском подполье УВО и ОУН. Посеянное василиянами семя принесло богатый урожай. Теперь задача графа заключалась в том, чтобы не дать ему покрыться плесенью.

Данных для опасения не было. Уже «Католическая ак-

ция» давала некоторую возможность расходовать накопленную в солдафонах энергию. Немало усилий требовала борьба с рабоче-крестьянской оппозицией в кооперативном движении и в «Просвіті» — борьба, богатая методами и эпизодами совершенно светского характера, не исключая кровопролития. Для координации сил и усилий униатского клира митрополит основывает свою собственную партию — «Украинский католический союз» с ее органом-еженедельником «Мета» («Цель»). Это уж никак не партия в общепринятом понимании этого слова, но нечто вроде «надпартии», объединяющей членов разных политических группировок — от ультраоляльного по отношению к Варшаве УНДО до официально «нелояльной» ОУН. По мысли Шептицкого, его партия должна была направлять политическую жизнь украинской Вандеи таким образом, чтобы ни одна второстепенная цель не прикрывала главной: беспощадной борьбы с революционным Востоком и того, чтобы первое и последнее слово в стратегии этой борьбы осталось неизменным за его первосвященством и непосредственными его вдохновителями.

По сути, в «стратегии» Андрия Шептицкого не было ничего нового, кроме кровожадности, в которой этот служитель церкви превосходит даже великого инквизитора Фому де Торквемада.

Развитие событий в Европе благоприятствовало, казалось, намерениям старого митрополита. В январе 1933 года империалистическая, захватническая Германия возвращается к строю, возвращается к формам, которые предвосхищают самые радужные надежды графа. В тяжелом топоте коричневых батальонов ему чудятся шаги его второй молодости. Неизлечимая болезнь (элефантиазис) приковывает его к креслу, однако граф действует теперь с удвоенной энергией. Его дворец становится резиденцией Андрия Мельника — правой руки полковника Коновальца и агента немецкой разведки, который фигурирует в картотеке германского полковника Николаи под красноречивой кличкой «Консул 1». Должность управляющего имениями графа облегчает «консулу» работу на местах, а митрополиту — связь с Берлином. В рамках «Католической акции» происходит во Львове слет националистической молодежи, созванный митрополитом под лозунгом «Молодежь Христу». Шайка подчиненных Коновальца и Мельника прошла в тот день перед Шептицким, лаская его взор своим воинствен-

ным видом. Этот смотр сил украинского фашизма напоминал Берлину, что в грядущем конфликте на Востоке территория между Збручем и Саном будет, так сказать, для него идеальным плацдармом для похода германских дивизий на Киев.

В связи с заключением польско-немецкого пакта, националистические террористы прекращают нападения на отдельных представителей польской администрации: под влиянием митрополита «нелояльная» ОУН заключает пакт взаимной помощи с ультралояльным УНДО. Правда, выстрелы из-за угла все еще звучат, но теперь льется исключительно кровь украинских революционных деятелей, кровь рабочих, крестьян и прогрессивных интеллигентов.

Политические симпатии и антипатии графа приобретают окончательный вид во время гражданской войны в Испании. Вдохновляемый событиями в Испании, он пишет и публикует адресованное украинской молодежи «пастырское послание», в котором богом заклинает ее действовать по примеру франкистских головорезов... О «гитлерюгенде» он пока что молчит: эти свои симпатии граф открыто демонстрирует только в 1941 году после захвата гитлеровцами Львова.

Однако на пути к такому радостному для него событию его ждет еще тяжелое испытание, которое никак нельзя сравнить с переживаниями 1914—1917 годов, хоть на этот раз «тернистая корона» и не украсит его седин. Вместо ожидаемых графом нацистских войск во Львов вступают части Красной Армии.

В ОЖИДАНИИ

И все-таки Шептицкий не теряет бодрости. Для него не подлежит никакому сомнению, что война Германии против СССР есть лишь вопрос времени, и он свято верит в победу Гитлера.

Этот период непреклонной веры становится источником достойной удивления самоуверенности. Митрополит и его уполномоченный по особо важным делам, ректор львовской духовной академии Иосиф Слепый, ведут себя с каждым разом все более вызывающе. Они пишут составленные в тоне дипломатических нот протесты: против передачи монастырских земель крестьянам, против легализации комсомола на территории Западной Украины, против от-

крытия во Львове Дворца пионеров. Под незамысловатыми инициалами «И. С.» появляется усердно распространяемая нелегальная брошюра «Главные правила современного душпастырства», нечто вроде краткого курса саботажа. Последняя фраза брошюры звучит как боевой лозунг: «Дай, боже, чтобы это исключительное положение не долго продолжалось...»

Митрополит идет еще дальше. В пастырском послании, опубликованном весной 1940 года, он не только возводит в мученики пойманных с поличным священников-диверсантов, но и инструктирует еще не пойманных, каким образом они должны продолжать антисоветскую деятельность в возможной ссылке. Пользуясь случаем, он выражает глубокую веру в скорое достижение своих целей. На этот раз граф уже не скрывает их грандиозности:

«Многим из нас бог даст эту милость — проповедовать в церквях право- и левобережной Великой Украины вплоть до Кубани и Кавказа, Москвы и Тобольска».

ПОД ЗНАКОМ СВАСТИКИ

Двадцать второго июня 1941 года эта вера превращается в уверенность. Неделю спустя глава униатской церкви дрожащей от радостного волнения рукой благословляет грабящих Львов солдат Адольфа Гитлера. Он подписывает воззвание, в котором от всего сердца приветствует «победоносную немецкую армию» и в торжественной обстановке декларирует свою поддержку опереточному «правительству» Стецка Бандеры. В послании к духовенству он рекомендует отслужить повсюду молебны за победу немецкого оружия. Заодно граф призывает паству помогать гестаповцам.

«Нужно также обращать внимание на людей, которые честно служили большевикам...»

С этого пути митрополит не сойдет до конца, несмотря на разочарования, которые ему пришлось пережить (разгон немцами правительства Стецка, неосуществленные надежды на создание гитлеровцами украинского протектората, присоединение Галиции к генерал-губернаторству, запрет украинским священникам выезжать за Збруч и т. д.). Когда Гитлер ответит на верноподданническое письмо графа небрежным молчанием, тот спокойно проглотит эту обиду. Ненависть к коммунизму, к Советскому Союзу заглушает.

в Шептицком прочие чувства. То, что гитлеровцы воюют против Страны Советов, остается для него фактом решающего значения: в зависимости от него он ставит все свои поступки, всю свою энергию.

Когда неминуемый разгром гитлеровской Германии стал уже очевидным, митрополит усердно поддерживает коллаборационистский «Украинский центральный комитет», а ветеран немецкой разведки и верховод так называемого «Комитета помощи» Владимир Кубийович будет частым и желанным гостем графа.

В самые тяжелые минуты Кубийович ищет помощи на святоюрской горе и всегда находит ее. Когда проводимая «Комитетом помощи» мобилизация рабочей силы для немецкой военной промышленности наталкивается на отчаянное сопротивление народных масс, митрополит все-сторонне поддерживает усилия комитета. Когда такие же помехи возникнут перед Кубийовичем при хлебозаготовках для немецкой армии, Шептицкий тут же составит соответствующее воззвание к крестьянам, а во время уборки позволит священникам устраивать богослужения после захода солнца, чтобы днем дать возможность хлеборобам поработать на благо и во славу «третьей империи»...

Еще большее усердие проявит Шептицкий в апреле 1943 года, когда Кубийович, по поручению самого фюрера, приступит к созданию дивизии «СС-Галиция». Лишенный возможности по болезни лично присутствовать на всевозможных смотрах, парадах, вербовочных сборищах, митрополит пошлет туда достойное представительство: возглавит его ректор Слепый, а три именитых священнослужителя наденут украшенные молниями мундиры эсэсовских капелланов.

Однако, несмотря на все усилия и насилия, прилив добровольцев в дивизию «СС-Галиция» не был таким массовым, как этого ожидал патрон дивизии, губернатор Вехтер. Оказались необходимыми срочные меры. Униатский клир предлагает свои услуги. Церковные амвоны напоминают теперь вербовочное бюро. Где не помогают уговоры и обещания, там на головы непослушных валятся угрозы, которые предвещают вечные муки на том свете и незавидную судьбу в земной юдоли.

Это происходит в период массового уничтожения гитлеровцами евреев, а бандеровцами — польского населения. Понятное дело — это преступление, но совесть митрополи-

та спокойна. В конце концов не он же лично убивает; да и жертвы убийства не принадлежат к подчиненной ему церкви... В данном случае нет для него никаких аналогий с 1940 годом, так что нет никаких оснований для протестов. На все, мол, есть свое время и место...

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ

И вот приходит неминуемое: Советская Армия изгоняет гитлеровцев из Львова. После короткого периода понятного замешательства жизнь на святоюрской горе обретает обычный вид. Отсутствие ожидаемых репрессий успокаивает и ободряет.

Святоюрская гора становится снова местом паломничества энтузиастов Бандеры и Мельника. Граф снова принимает челобитчиков, он, как и раньше, благословляет, утешает, ободряет, поощряет и помогает. Разумеется, не всем. Когда придут к нему члены Государственной комиссии по расследованию немецких зверств с предложением подписать протокол, митрополит категорически откажется это сделать, ссылаясь на свою некомпетентность в подобных делах... и... «на отсутствие достоверных сведений»!

До предела натянутая струна может каждую минуту лопнуть, тем более что учащаются случаи открытого сотрудничества униатских священнослужителей с бандеровским охвостом. Шептицкий чувствует напряженность ситуации. На созванном наспех архидицециальном сборе он зачитывает речь, в которой «осуждает» бандеровцев. Одновременно составляет выдержанное в этом же духе пастырское послание, причем копию его немедленно направляет властям. Ректор Слепый с такой же поспешностью прячет оригинал послания в долгий ящик, преграждая, таким образом, словам митрополита путь к пастве...

Это был последний акт главы униатской церкви. За несколько месяцев до встречи союзных армий на Эльбе граф Андрий Шептицкий закончит свое земное путешествие.

После «торжественных» похорон ключи от греко-католической церкви согласно последней воле умершего принимает Иосиф Слепый (епископы уехали с гитлеровцами). Он делает отчаянные усилия, чтобы справиться с заданием, во всем — до мельчайших деталей — наследуя своему предшественнику. Внешние признаки почета, в которых

ему не отказывают просители из националистического подполья, порождают в нем иллюзии. Опьяневший от собственного честолюбия, Слепый бредет с каждым разом все дальше, погружается с каждым разом все глубже; святоюрский анклав становится снова местом темных контактов и контрактов, а его закутки — идеальным убежищем для «договорных сторон». О проповедях, осуждающих бандеровских убийц, Слепый уже и не думает...

Наступает неминуемый финал: Слепый привлекается к ответственности, а святоюрские строения подвергаются глубокой дезинфекции, которая завершается введением домово́й книги.

Через некоторое время во Львове возникает организованный неразложившийся частью униатского духовенства «инициативный комитет», возглавляемый доктором теологии Костельником, который спустя три года погибнет от пуль агента Ватикана. Целью комитета является освобождение от брестских пут и предоставление украинскому народу Галиции возможности вернуться к религии предков.

Созванный в начале 1946 года собор униатского духовенства единогласно принимает решение о полном разрыве с Римом и к этому же призывает верующих. Униатская церковь умирает, умирает через год после смерти своего вернейшего заступника...

Это была смерть исключительно безболезненная; не было замечено ни одного случая «мученичества» или хотя бы даже протеста. Выяснилось, что пациент умер задолго до того, как была констатирована его смерть.

Так бесславно погибла рожденная изменой церковь.

1948

ДОВОЛЬНО!

ЗА ЗЕМЛЮ ПРАДЕДОВ, ЗА СВОБОДУ

История Закарпатской ветви нашего народа — это история непрерывной, ожесточенной и героической борьбы за самые элементарные и в то же время самые священные права человека, за его свободу, за его честь.

Врагов было много, и были они сильные. Порой казалось, что не под силу этому небольшому горскому племени

тягаться с вооруженными до зубов вражескими полчищами, но патриотизм и непреклонная вера в справедливость своего дела в конце концов побеждали, а лютой враг ломал себе зубы о предгорья Карпат. И вот через столетия мучений, через адские страдания, через беспросветную нищету народ Закарпатья достиг своей цели: в кругу свободных народов он нашел и желанную волю, и счастье творческого труда, и богатство, и славу, и силу. Сооруженная над Карпатами арка государственного единства с Советской Украиной и всем Советским Союзом положила конец восьмисотлетнему закарпатскому лихолетью. Горе тому, кто осмелится поднять руку на это единство!

А охотников на это дело немало... Как соль в глазу врагам могущество и слава нашей великой родины.

Каждый уроженец Закарпатья знает, кто искони зарился на его землю и волю и с кем приходилось нашим предкам вести постоянную смертельную борьбу: это немецкий феодал и римский откормленный монах. Это они разоряли нашу страну, это они отдали народ Закарпатья в кабалу мадьярским помещикам и жандармам, это они огнем и мечом, ложью и коварством старались лишить нас родного языка, отделить нас китайской стеной от наших единокровных братьев по ту сторону Карпатских гор, это они вместе с украинскими панами и подпанками бросили наших крестьян в беспросветную нищету.

Советская Армия разгромила империю Гитлера и вызволила Закарпатскую Украину из-под фашистского ярма. Смертельные враги нашего народа никак не хотят примириться с этим фактом и жаждут опять надеть на нас феодально-папское ярмо. Одной из главных агентур мировой реакции остается, как была и в прошлом, греко-католическая, то есть униатская церковь. Служители этой церкви, в большинстве своем — волки в овечьей шкуре, веками обманывали и сеяли раздоры среди наших людей.

Им чужды интересы нашего народа, нашего государства. Они остаются тем же, чем были всегда: агентурой иностранной враждебной нам силы, а их политика — это политика Ватикана и всех связанных с ним реакционных государств. Благо нашего народа, будущее наших детей требуют от нас беспощадного разоблачения ватиканской агентуры, этого змеиного гнезда, которое в продолжение всего своего существования несло нам только разорение и смерть.

Настало время, чтоб слепые прозрели, а зрячие сказали

свое решительное слово. Надо рассказать обманутым всю правду об униатской агентуре врага, лишь таким образом они поймут все, и это поможет им освободиться от влияния Ватикана.

Борьба закарпатских украинцев за национальное освобождение часто принимала формы религиозной борьбы, потому что искони верой закарпатцев была православная вера, а иноземные завоеватели навязывали им католическую веру и владычество римского папства. Православная церковь была противником римских узурпаторов, и они жесточайше ненавидели ее, так как за ней шли народные массы.

«Святые отцы», эти бесстыдные лицемеры, корыстолюбцы и вымогатели, на руках которых никогда не просыхала кровь безвинных людей, с незапамятных времен уговаривали католических королей истреблять православные народы и разрушать их государства, обещая им за это захваченные ими земли и имущество. Уже в 1352 году, то есть почти шестьсот лет тому назад, папа Климентий VI написал венгерскому королю Людовику письмо, в котором подбивает его пойти войной на «схизматиков» (так называют папы православных) и обещает ему за это «все те области, города и села, которые он с помощью десницы божией отнимет у православных и неверных».

Разумеется, что первой жертвой этой политики Рима должен был стать небольшой карпатский народ, сжатый с двух сторон мадьярскими и польскими феодалами. В 1471 году папа Сикст IV шлет своего кардинала к венгерскому королю Матвею Корвину, и папский агент уговаривает короля «искоренить и уничтожить в Венгрии всех украинских еретиков, каждого в отдельности и всех в совокупности, откуда бы они ни происходили».

К счастью, ни папе, ни венгерскому королю не удалось «искоренить и уничтожить» наших предков. Наоборот, были годы, когда католическим тиранам приходилось в панике удирать от справедливого народного гнева. Так было в начале XIV века, так было и двести лет спустя, во время восстания венгерских и карпатских крестьян, возглавленного Юрием Дожею. Только после долгой борьбы шляхте удалось потопить в крови эти восстания. Юрия Дожу иезуитские садисты живьем зажарили в раскаленном железном кресле, а остальных вожаков восстания накормили перед смертью мясом замученного...

В начале XVI века среди возмущенных папской тиранией народов Европы начинается движение, известное в истории под названием «реформации». Все новые и новые страны порывали связи с Римом, кувыркoм летели вымышленные папами догмы, катастрофически сокращалось количество овец «святого отца», а вместе с тем таял источник его огромных доходов. Казалось, пробил последний час папской власти.

Но к великому горю человечества спасла папство от тысячекратно заслуженной смерти немецкая династия Габсбургов; последней нужен был союзник, способный помочь ей в создании мировой империи. И вот Карл V Габсбург и его брат Фердинанд I договариваются с папой и в союзе с ним начинают поход против реформации. За войском Габсбургов идет святая инквизиция с орудиями пыток и бочками смолы для сожжения живьем «еретиков». Ночь дикого произвола охватила несчастную Европу; в то время когда Карл заливал кровью ее западную часть, Фердинанд творил то же самое с центральной. Как один, так и другой осуществляли при этом свои завоевательские планы, а папе римскому их успехи гарантировали доходы, которые в конце XVI века составляли больше половины всех церковных доходов в Европе.

Во время этого кровавого похода объединенных сил самой черной реакции в Риме возникла мысль расправиться заодно не только с реформацией, но и с православными. Окатоличение России, Белоруссии и Украины дало бы ненасытному Ватикану не только новый, богатейший источник доходов, но возможно помогло бы ему и Габсбургам завладеть и всей нашей планетой.

Для того чтоб достигнуть этой цели с помощью вооруженной силы, и у Габсбургов и у папы оказались слишком короткие руки... На помощь им пришло оружие ватиканских фигляров: коварство. Агент папы иезуит Антоний Поссевин, тот самый, что умудрился склонить к католицизму шведского короля, направляется в Москву. Однако красноречие папского дипломата не дает результатов, царь московский своевременно разгадывает коварство и категорически отклоняет все предложения Поссевина относительно унии с Римом.

Но Ватикан не теряет надежды. Не вышло с Москвой,

выйдет с Варшавой, владевшей в это время огромными территориями, заселенными украинскими и белорусскими верующими православной церкви. Вернувшись из Москвы, Поссевин выступает перед виленскими иезуитами с речью, в которой раскрывает дальнейшие планы Ватикана: «Нечего и думать теперь об унии на Востоке Европы, или Московской Руси. Там и царь и народ одной веры. Более надежна уния в Западной Руси, подвластной польскому королю, который сам принадлежит к римско-католической церкви. Потому-то для проведения унии можно будет воспользоваться его властью, следует повлиять на русских князей и попов, чтоб уговорить и их принять унию».

В осуществлении этих планов была заинтересована и Варшава. Польская шляхта надеялась, что уния не только убьет в православном населении Польши его веру в воссоединение с единокровными братьями по ту сторону границы, но, окатоличив это население, одновременно ополочит его и подготовит из него янычар, которые своей кровью помогут шляхетской Речи Посполитой продвинуть свои границы еще дальше на восток до Волги и Каспийского моря...

Ватикан спешно договаривается с польским королем Сигизмундом III — фанатичным католиком и верным пособником Габсбургов. Теперь им нужны были изменники из среды высшего православного духовенства. Деньгами и посулами иезуитам удается подкупить епископов Кирилла Терлецкого и Ипатия Потия, а со временем и самого митрополита Михаила Рагозу. Эта тройка предателей созвала в 1596 году в Бресте собор, где в присутствии иезуитов и королевских чиновников была принята уния. Большинство православного духовенства было против унии, решительно выступил против унии и народ, но под охраной польских войск изменники продолжали свое грязное дело, не брезгуя ложью, обманом и террором. Для православного населения Польши началась самая черная година его жизни. Во имя унии развращенные королевские прислужники оскверняли православные церкви, глумились над православными священниками, рубили головы верующим. Униатский епископ Иосафат Кунцевич, которого впоследствии папа Пий объявил «святым», превзошел в своих злодеяниях самых лютых палачей белорусского и украинского народов, за что и постигла его справедливая кара от рук народа.

Но ни пытки, ни секира палача не сломили духа народа, не погасили его ненависти к шляхте, иезуитам и их униатским наемникам. Со временем народ восстал и под знаменами Богдана Хмельницкого расправился с панами и с их унией. Из хитроумных планов врагов Руси почти ничего не вышло, ватиканская гора родила мышь. Униатская церковь — церковь измены и предательства — под охраной шляхетского оружия нашла приют только на землях Галиции, Холмщины и частично в Белоруссии, дальше протянуть свою кровавую руку супостату было не под силу...

На Закарпатье униатская измена свила себе гнездышко намного позже, чем на севере от Карпат. Значительная часть господствующих здесь венгерских феодалов порвала связи с Римом и присоединилась к реформации. В 1526 году эрцгерцог Фердинанд Габсбург короновался в король Венгрии, но завладеть всей венгерской страной ему так и не удалось. Венгрия распалась на две части: Габсбурги владели ее северо-западной частью, а у юго-восточной (Семиград и другие) был свой король, поддерживаемый турецкими султанами.

Как и надо было ожидать, Габсбурги начали свое господство с беспощадного преследования иноверцев, главным образом протестантов и православных. В 1561 году на мадьярские земли прибывают иезуиты с готовым планом физического истребления всех «еретиков». Зверства их вызвали возмущение: Венгрия запылала огнем восстания против немецко-папского нашествия. В 1606 году протестантские повстанцы, среди которых было немало сынов нашего Закарпатья, заставили Габсбургов пойти на уступки. Семиград укрепил свою независимость, а наличие его вооруженных сил, которые всегда могли обрушиться на головы слишком уж ретивых распространителей католицизма, принудили иезуитов прибегать чаще к коварству, чем к ножу.

Кардинал Петр Пазман, который в это время возглавлял венгерскую контрреформацию, обратил внимание на богатого помещика, владельца Гуменьянской доминии, графа Юрия Другета. Между иезуитом и графом начались беседы с глазу на глаз. Аргументы Пазмана были, видимо, очень убедительны, и в результате посещений кардинала граф Другет принял католичество. Каковы были эти аргументы, показали дальнейшие события. Новообращенный

католик, проинструктированный как следует кардиналом, отравляет своего родственника, владельца Ужгородской доминии, графа Валентина Другета и его малолетнего сына Стефана. Результаты этого убийства удовлетворили и убийцу и его вдохновителя: Ужгородская доминия перешла в руки наследника Юрия, а кардинал избавился в лице покойного от одного из видных представителей реформации.

Общее преступление определило и общую политику. Теперь Другет покорно будет выполнять поручения Пазмана. Он достает из своей мощны деньги, основывает в Гуменном иезуитскую коллегия и привозит из Перемышля униатского епископа Крупецкого, который должен привить униатскую заразу на Закарпатской земле.

Но не так случилось, как желалось. И Крупецкий и подкупленная им кучка православных священников не только не добились никакого успеха, а была вынуждена бежать от народного гнева. Прислужники Другета еле вырвали Крупецкого из рук разъяренной толпы.

Граф Иоанн Другет был достойным сыном своего отца. Он также преданно служит Риму, он также ревностно делает все, что велят ему иезуиты. По их требованию он в 1640 году переводит иезуитскую коллегия из Гуменного в Ужгород, где эта фабрика изменников и ренегатов впоследствии принесет много горя нашему народу.

Первая попытка учредить унию в Закарпатье позорно провалилась. Габсбурги с иезуитами вскоре фабрикуют новое дело.

На этот раз они забрасывают удочку на мукачевского епископа Василия Тарасовича, выходца из Галиции. Звон дукатов и надежда на большие почести сделали свое: Тарасович собирается покинуть свою усадьбу и вместе с несколькими сообщниками добиться официального утверждения унии. Однако в последнюю минуту семиградские власти арестовывают Тарасовича, и неудачный основатель закарпатской унии отправляется за решетку.

Выручают его Габсбурги. По просьбе Фердинанда III Тарасовича освобождают из тюрьмы, и он стремглав бросается под крылышко своего немецкого господина и покровителя. Двести злотых ежегодной пенсии обеспечивают отступнику спокойную жизнь. Впрочем, ненадолго. Под старость Тарасович отрекается от унии...

Но иезуиты не сдавались. Они знали, в каком ужасном

положении находилось православное духовенство, они знали, что православный священник был таким же крепостным, как и всякий крестьянин, он также должен был пахать панскую землю, возить на нее навоз, и его спину хлестала та же плеть, что порола других крепостных. У кандидата в православные священники не было даже школы, где бы он мог приобрести какие-нибудь знания, потому что сильные мира сего умышленно не допускали его к образованию.

Совсем иначе жило римско-католическое духовенство. Существовали латинские епархии, которые владели тридцатью, а порой и пятьюдесятью тысячами гектаров земли. Католический священник был прекрасно обеспеченным и окруженным почестями государственным чиновником, пользовался всеми привилегиями, и чем преданней он служил Риму и императору, чем усердней помогал им держать народ в ярме, тем выше поднимались они по ступенькам иерархической лестницы.

Расчет иезуитов был очень прост. Деньгами и посулами надо было оторвать православное духовенство от народа, и таким образом впрячь его в папско-цесарский воз. И иезуиты начинают действовать. Вместе с двумя галицийскими васильянами¹ Петровичем и Косовичем они уговаривают священников Ужгородской доминии, обещая им за измену золотые горы. Но, невзирая на обещания и угрозы, дело продвигается вперед очень медленно. Где не помогают уговоры, там вмешивается сама владетельница доминии, вдова Иоанна Другета, хорватка по национальности. Наконец с большими трудностями им удалось собрать шестьдесят трех желающих вступить на путь ренегатства, причем большинство из них были крепостными Анны Другет.

Как видим, результаты попыток иезуитских ловцов душ были очень скромны: среди восьмисот православных священников они нашли только шестьдесят трех иуд. Эта цифра была слишком скромной, чтоб вокруг нее поднимать большой шум. Поэтому рождение измены свершилось в конспиративной тиши ужгородского замка, за его толстыми стенами, в единственном месте, где можно было огласить унию, не рискуя попасть в руки разгневанного народа.

Произошло это 24 апреля 1646 года.

¹ Монахами ордена святого Василия.

Перед организаторами Закарпатской унии встала необходимость создания униатской епархии. Вымуштрованные своими соблазнительями, ренегаты «избирают» первым униатским епископом галицийского васильянина Парфения Ростопчинского. Но вся беда была в том, что новоизбранному епископу, так же как и тем, которые его «избрали», было неудобно, опасно и невыгодно действовать на глазах народа. Нужен был трюк, необходим был волк в овечьей шкуре, который ввел бы народные массы в заблуждение. И вот Парфений Ростопчинский, после комедии его «избрания», притворяется ревностным сторонником православия. Мало того: в 1652 году он едет к православному епископу в Альба Юлия (Трансильвания), где происходит рукоположение его в епископы. Пробыв этак три года в православных владыках и приобретя некоторую популярность среди верующих, лукавый васильянский монах вдруг «кается», объявляет себя униатом и получает теперь епископское место, но уже из рук папы римского...

И вот этак на Закарпатье, у колыбели унии неотступно стояли породившие ее: коварство и мошенничество.

В результате всех этих иезуитских махинаций в Закарпатской церкви произошел раскол. У восточной части этой страны, Трансильвании, был православный епископ, а у западной, принадлежавшей Габсбургам, — униатский. Резиденция одного была в Мукачеве, а другого в Ужгороде.

Справившись с Ужгородом, Рим принялся за Мукачево. Трансильванское княжество давно было помехой завоевательным планам Австрии, не говоря уже о том, что Семиградщина была крепостью протестантства в Восточной Европе. До того времени, пока на семиградском престоле сидели протестанты, венгерский католицизм, а вместе с ним и немецкая власть Габсбургов, держались здесь на тоненькой ниточке, которую постоянно обрывали поддерживаемые Семиградщиною восстания. Мечом ничего нельзя было сделать, хотя бы потому, что за спиной семиградского князя стояла тогда еще могущественная Турция. Поэтому Ватикан и тут пустился на хитрость. В результате долгих усилий иезуитским предателям удается женить трансильванского князя Юрия II на католичке Софье Баторий. После весьма внезапной смерти Юрия II Софья приглашает

иезуитов и с их помощью обращает в католичество сына своего, наследника престола. Ввиду его несовершеннолетия вся власть над Семиградщиной и ее провинциями переходит в руки Софьи Баторий. Для православных Мукачевской епархии настала тяжкая година.

По требованию иезуитов княгиня выгнала православно-го епископа Зейкана, а на его место назначила предателя Ростопчинского. Таким образом троянский конь унии попал и в стены Мукачева.

Правда, радость иезуитов и их униатских прихвостней просуществовала недолго. Когда закарпатцы услышали о восстании словаков против немецко-католических угнетателей, они тоже поднялись на борьбу. Мукачевский монастырь опять перешел в руки православных. Вместе с католическими феодалами бежали под опекунские крылья Габсбургов и униатские ренегаты.

В 1685 году турки под командованием Кара Мустафы осаждают Вену. Казалось, настал конец господству папы и Габсбургов. Смертельно напуганный Ватикан мобилизует всю свою агентуру, он призывает все католические страны спешить на помощь Габсбургам. Иезуитам удается уговорить также напуганного могуществом Турции польского короля Яна III Собесского, и тот с большой армией идет на выручку Габсбургам. Турки терпят полное поражение. Немецкие войска врываются в Венгрию и чинят кровавую расправу с некатоликами. В городе Епериесе император Леопольд истребляет почти всех жителей и казнит всю протестантскую верхушку. Стремление мадьярского народа к освобождению из-под немецко-римского ярма было потоплено в крови.

На очереди было Закарпатье. Три года продолжалась героическая оборона осажденного врагами Мукачева, три года цесарские войска ломали свои зубы об его стены. Но ни взятие города, ни жестокая расправа с его жителями не сломили народного духа. Через пятнадцать лет народ опять поднимается на борьбу за свободу, на этот раз под знаменами последнего семиградского князя Франца Ракоция II, который в 1703 году поднимает в окрестностях Мукачева восстание против иноземных угнетателей. На сей раз восстание охватывает всю Венгрию. Ракоция ведет в бой крестьян, ремесленников, мелкую шляхту; иноземных угнетателей поддерживают только магнаты и католическое духовенство.

Целых пять лет австрийский император отовсюду собирает силы, однако подавить восстание не может. Тогда Габсбург, по примеру иезуитов, прибегает к коварству. Граф фон Гайстер предательски нападает на войска Ракоция под Тренчином и, невзирая на яростное сопротивление повстанцев, разбивает их наголову.

Надежды закарпатцев на освобождение от немецко-католического гнета и на сей раз не сбылись. После ликвидации Семиградского княжества Закарпатье очутилось в окружении одних врагов.

С запада, юга и востока душил его смертный враг — немецкий феодал и его пособники — мадьярские феодалы; с севера нажимала на него магнатская ультракатолическая Польша. К тому же с каждым разом все больше и больше давал себя чувствовать и внутренний враг — униаты. В то время когда народ истекал кровью в неравной борьбе с папско-немецкими нашествиями, из подкинутых иезуитами кукушкиных яиц измены и продажности успело уже вылупиться множество униатских попов, которые, где только могли и как только могли, вершили свое иудино дело.

В 1692 году император Леопольд оглашает свой «диплом», которым он освобождает униатских (только униатских) священников от панщины и дает им якобы равные права с латинским духовенством. Растроганные подачками с цесарского стола униатские лакеи лезут из кожи вон, чтоб доказать свою верность габсбургскому палачу народов. Во время восстания Ракоция, когда вся Закарпатская Украина двинулась на священную войну с исконным врагом, униатские священники пресмыкались перед Габсбургами, выполняя их поручения как шпионы и диверсанты. Теперь, когда иезуиты решили уничтожить остатки православия на Закарпатье, их с успехом выручила униатская агентура. По просьбе униатского епископа Ивана Гродемарского австрийские войска загоняют в Мармарошский Сигет шестьдесят православных священников и насильно заставляют их принять унию.

Православные Мармарощины избирают нового епископа, архимандрита Досифея. В борьбе с ним униатское духовенство не брезгует никакими средствами, но народ поддерживает и защищает своего духовного владыку. Тогда униаты пишут донос в Вену, и императорские власти бросают Досифея в темницу Хустского замка, где несчастный после пяти лет физических и моральных мучений умирает,

а с его смертью исчезает и Закарпатская православная епархия.

Уния стала официальной религией Закарпатья.

«ПЛЮЮ НА НЕЕ»

Но фактической религией этой страны и впредь оставалась православная. Несчастный, затравленный, беспросветно бедный и беспощадно эксплуатируемый народ ненавидел унию и униатов, как ненавидел и их хозяев католико-немецких и католико-мадьярских феодалов и их цесаря. Каждый порядочный человек с презрением отворачивался от навязанной врагами религии и от ренегатов, которые служили этой религии.

Эта народная ненависть доходила до ума и сердца даже некоторых униатских священнослужителей и принуждала их искупать свою вину перед народом. Наиболее известный из них был Михаил Андрелла. Он воспитывался на чужбине, в Вене и Братиславе, и, видимо, этим можно объяснить тот факт, что Андрелла попал в униаты. Но по возвращении на родину у Михаила открылись глаза. Он воочию убедился в том, какое горе несет народу уния, он понял, чьим интересам она служит. Как честный человек, Андрелла не мог оставаться в рядах смертельных врагов народа и вместе с двумя своими братьями возвращается к православию и начинает борьбу против унии.

За этот смелый шаг Андрелла жестоко поплатился. Всех трех братьев заковали в цепи и бросили в тюрьму. На допросе латинские и униатские попы сулили Михаилу золотые горы за отступничество, грозили смертью, глумились над его человеческим достоинством. Напрасно. Мужественный Андрелла не испугался угроз и не поддался соблазну обещаний. Неизвестно, какая судьба ожидала бы его, если бы не народ, который с первого же дня ареста отважных братьев демонстрировал свою солидарность с ними. Это взволновало католических узурпаторов, и испуганные прелаты вынуждены были освободить братьев из-под стражи.

Очутившись на свободе, Михаил Андрелла решает посвятить всю свою жизнь служению народу. Справедливо считая, что одним из самых опасных врагов является папский Рим, Андрелла отдает все свои знания и весь свой талант борьбе с ватиканским дьяволом и его порождением — унией.

За свою долгую страдальческую жизнь Андрелла написал немало произведений, в которых беспощадно бичует врагов, бичует словом метким, мудрым и острым, как шпага. Многие из этих книг сохранились и поныне, и благодаря им перед нами встает сегодня яркая и убедительная картина религиозной борьбы в Закарпатье конца XVII и начала XVIII века. Михаил Андрелла писал так, как чувствовал и думал народ, и именно в этом самая большая ценность книг этого непримиримого врага унии. Словами, полными гнева, презрения и глубокой ненависти, говорит писатель-борец о Риме, о его униатской затее: «Сам Ваш отец лжі напек (папа) той, который у старом Риму покойне до часу сидит, яко медвезвір».

С едким сарказмом характеризует Андрелла униатское и латинское духовенство. Об униатском лжеепископе иезуитов Иосифе де-Камелисе он пишет: «Одеждами различными одетый Йожефус, тот бісовский ваш біскуп, властелин, владика мукачевский униатом вам, давние нечистым человеком; ще в нечистоту ту упал, егда ся тело его вродило на краткий сей мир». Горячо протестует Андрелла против униатских слуг Ватикана: «Чему ж волокут, тянут нашу церковь, і ради би вои мне погибнути, скоро, бардзо, просят, молят, мя обратитися. На що? На унию их. Пге! Плюю на неї, не хочет ниже одежда моя, а ни кость, а ни прах одежды моеї не потрібна мені бога їх».

Приблизительно в это же время большой популярностью пользовалось в Закарпатье стихотворение неизвестного автора. Это стихотворение показывает, как относился народ к униатскому духовенству.

Тісен путь к раю, врата узкіе;
людям показуешь посты твердые,
а сам ешь-пиешь стравы дорогие,
глубоко спишь-пробудися, заблудив
ось-навернися, о попе, покайся.

Конечно, поп не покаялся... наоборот, чем дальше, тем более верными немецкими слугами становились униатские священнослужители, хотя власть имущие давали им на каждом шагу чувствовать их «неполноценность».

Судьба священника-отступника зависела от первого попавшегося латинского «плебана», заместителем которого он считался и приказания которого должен был беспрекословно выполнять. Униатский епископ был ставленником латинского епископа, по его рекомендации он назначался,

его инструкции и распоряжения он выполнял. Коротче говоря, все эти ростопчинские икамелисы были только администраторами епископов-мадьяр и немцев. Понятно, что этот факт во многом обуславливал отношения униатского духовенства к народу...

В 1760 году в Закарпатье вспыхнуло еще одно всенародное восстание против ненавистной унии. Возглавляемые православным иеромонахом Софронием, повстанцы изгоняют униатских попов. В продолжение короткого времени из семисот сорока девяти приходов, насильно переведенных в унию, четыреста шестнадцать вернулись в лоно православной веры. Но и на этот раз силы оказались слишком неравными, крестьянские топоры и вилы должны были отступить под огнем цесарских пушек и мушкетов. Восстание было подавлено, уния, поддерживаемая цесарскими штыками, победила.

ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТОЙ

Неизбежные последствия победы унии вскрылись только позже. Вслед за церковнославянским языком был украинский, который считался единым как книжным, так и общенародным языком Закарпаття, а теперь стал исключительно языком крестьян. О развитии родного литературного языка и культуры в таких условиях не приходилось и думать. Это был первый шаг к мадьяризации и онемечиванию.

После исчезновения с поверхности общественной жизни православного священника, связанного с народом общностью судьбы и многих интересов, его место занял «душепастырь», судьбы и интересы которого были связаны с судьбой и интересами смертельных врагов народа...

Теперь между духовенством и мирянами не было и не могло быть общих национальных стремлений, на их месте образовалась пропасть, которая, чем дальше, тем все более углублялась. Бывшего священника-крепостного заменил теперь священник-помещик, эксплуататор, на страже интересов которого стояла враждебная крестьянским массам власть. Эта власть обязывала крестьян отдавать униатскому священнику часть урожая («коблина»¹ и «роковина»²).

¹ Старинная хлебная мера, около гарнца.

² Годичный сбор, собираемый с прихожан священниками.

и несколько дней в году бесплатно работать на его поле. Напрасно было бы подчеркивать, что униатское духовенство поспешило воспользоваться данным ему немецкими феодалами правом грабить крестьянина, каковым оно и пользовалось свыше двухсот лет, то есть почти до наших дней.

Не менее преступную роль сыграли униатские панотцы и в национальной жизни Закарпатья. В этом вопросе они так же действовали на руку нашим врагам, издавна обеспокоенным таким естественным тяготением закарпатского народа к своим северным братьям.

Невзирая на границы, культурные и политические связи Закарпатья с Севером существовали с давних пор. Сюда приходили рукописи из Киевской и Галицкой Руси, а после татарского нашествия культурным центром для закарпатцев стала Москва. Когда вспыхнуло восстание украинского народа, возглавляемое Богданом Хмельницким, народ Закарпатья с сердечным трепетом ждал сигнала к вооруженному выступлению.

Эти симпатии закарпатцев к своим северным братьям не были тайной для Габсбургов, о них было известно и папе. Императрица Мария-Терезия запрещает ввоз в Закарпатье книг из России. Одновременно она изыскивает способы превратить униатских священников в преданнейших жандармов, которые убили бы в народе его сокровенные стремления к воссоединению с единокровными братьями и превратили бы этот народ в темную инертную массу незаконнорожденных Иванов без рода и племени.

С этой целью австрийская императрица основывает в Вене школу униатских янычар так называемую «Барбаремум» (семинария святой Варвары). Учрежденной в Ужгороде униатской епархии она дарит несколько поместий, в том числе ужгородский замок, а также коллегию и монастырь иезуитов. Это была золотая цепь, которая должна была окончательно приручить униатских сторожевых псов династии Габсбургов.

Мария-Терезия не ошиблась. Растроганное ее щедростью, сытое земными благами униатское духовенство потеряло остатки стыда и совести. Вскоре оно забывает даже родной язык, а спустя несколько десятков лет тщетно было бы и со свечкой в руках искать униатского священника, который не считал бы своим родным языком мадьярский. Мало того: эти мадьяризованные и онемеченные лакеи в рясах становятся, по примеру Шенборна, в руках венгер-

ских и немецких феодалов орудием мадьяризации Закарпаття...

Правда, в XIX веке мы видим группу униатских священнослужителей, которые в большей или меньшей мере отклоняются от традиционного пути ренегатов. Это прежде всего Духнович, Павловский, Ставровский-Попралов, Дулишович, Сильвай-Метеор. Униатские мастадонты охотно ссылаются на них: вот, дескать, не все униаты были продажными. Конечно, Духнович таковым не был, но не был потому, что в глубине души своей он ненавидел унию... Об этом свидетельствует хотя бы такая фраза из его «литургического катехизиса»: «Пусть латинствующие венские каноники веруют, как хотят, я же, Духнович, так верую и исповедую, что ни за что не отступлюсь от преданий святых отцов и учения святой восточной церкви...»

Впрочем, дальше этого миролюбивого протеста Духнович не пошел, не пошли и другие закарпатские «будители». При всей доброй воле этих людей, у них не было ни силы, ни желания порвать со средой, в которой они выросли и воспитались.

А по существу они призывали народ только к тому, к чему в Галиции призывал его Наумович. «Молись, учись, будь трезвым». Их служебное положение, сборщиков «коблин» и «роковин», определяло их мировоззрение. В их произведениях не найдете призыва к борьбе, они знают, что народ-борец пошел бы войной против класса эксплуататоров, с которым они связаны тысячами нитей. Они любят по-своему этот народ, но любят его снисходительной любовью либеральных аристократов, которые хотели бы любой ценой помирить огонь с водою. Даже свои произведения они пишут на двух языках: когда обращаются к «простолюдинам», пользуются народным языком, в других случаях пишут непонятной для народа странной мешаниной русских, церковно-славянских, польских и даже мадьярских слов, хаотическим жаргоном, который они называют «литературным языком», языком избранных.

Часто они гневными словами укоряют будапештское правительство и противопоставляют ему венское, а преданность венгерскому королю стараются заменить преданностью австрийскому императору, им не важно, что функции венгерского короля и императора Австрии выполняет одно и то же лицо...

Однако и эта горсточка «честивых» была исключитель-

ным явлением среди униатского духовенства, всецело продавшегося австро-венгерским графам и баронам. Типичным представителем этого духовенства был епископ Стефан Папкович, который в разговоре с Сильваем-Метеором высказал такое «верую» своего клира:

«Если мы живем теперь под властью мадьяр, то мы должны быть мадьярами, а если будут господствовать немцы, то станем немцами».

Наконец меткую характеристику этого духовенства дал в свое время Духнович: «Ведут наши священники бедный народ к пропасти в своих же интересах».

Тем временем положение народа ухудшалось с каждым годом. Уже в начале XVIII века мадьярские власти констатируют, что основной пищей закарпатских крестьян является смесь гречневой муки, древесных почек, отрубей, буквицы и желудей. А через некоторое время стало еще хуже. Такой покровитель унии, как граф Шенборн, владел 138 728 гектарами лучшей земли, двумястами сел численностью в семьдесят тысяч жителей, в то время когда в распоряжении крестьян было всего-навсего двадцать процентов земли, причем земли плохой, каменистой и в большинстве случаев почти бесплодной. Если еще учесть неслыханный социальный, национальный и религиозный гнет, то станет понятным небывалое по своим размерам явление массовой эмиграции карпатских крестьян в Америку.

Это происходило тогда, когда откормленные и самодовольные униатские «душепастори» на мадьярском языке провозглашали многолетия шенборнам и оведали дымом кадил портреты «августейшего пана» Франца Иосифа I.

СВЕТ С ВОСТОКА

Народ искал выхода из этого пекла. Окруженный врагами, он всеми своими помыслами устремлялся за Карпаты к могучему «русскому брату». Там на широких просторах России и Украины он искал поддержки и освобождения от печеловеческих страданий. Но условия того времени не благоприятствовали его надеждам и стремлениям: над народами Российской империи свистела плеть Романовых. Хотя царские власти и интересовались Закарпатьем, но это была заинтересованность империалистов, готовых поживиться еще одним куском. У богатейшего помещика графа Бобринского не могло быть никаких общих интересов с

батраками графа Шенборна, наоборот, и граф Бобринский и граф Шенборн были заинтересованы в том, чтоб их батраки чего доброго не подняли головы.

Но надежда на освобождение с Востока не умирала в народной душе. Закарпатская беднота свято верила, что настанет время и народы империи Романовых сбросят с себя ярмо, установят народную власть и под руководством великого русского брата понесут свет свободы всем обездоленным. Однако ждать, сложивши руки, пока все это свершится, было невозможно, это грозило гибелью. И народ начинает организованную борьбу против совершенно обнаглевших угнетателей.

Эта борьба проявилась в единственной возможной в то время в закарпатских условиях форме организованного возвращения крестьян в лоно православной церкви. Таким образом народ демонстрировал не только протест против навязанной ему врагами религии, но и против самого режима врагов, режима, составной частью аппарата которого была униатская церковь. И не только это. Возвращение к православию было одновременно демонстрацией религиозного и национального единства с братьями над Днепром и проявлением несокрушимого стремления украинского народа Закарпаття к государственному объединению с родной семьей трех славянских народов.

Это было народное движение. Идея борьбы зародилась в народных низах и первыми отважнейшими в этой борьбе были представители крестьянской бедноты. Началось это почти одновременно и за океаном в больших сосредоточениях закарпатской крестьянской эмиграции, и на Закарпатье, где центром его было село Иза, в котором в течение короткого времени к православию возвратилось девяносто процентов жителей. Известие об этом испугало мадьярских властей и вызвало панику в униатских кругах. С амвонов посылались угрозы, но безрезультатно. Количество православных в селах возрастало, движение быстро охватило всю территорию Закарпатской Украины. Крестьяне бойкотировали униатское духовенство, а за отсутствием православных священников сами крестьяне крестили детей и хоронили покойников. Организовывались группы псаломщиков, которые ходили в Почаевскую и Киево-Печерскую лавры, а некоторые молодые крестьяне уезжали в Россию и там поступали в духовные семинарии.

Для униатской консистории создалось угрожающее по-

ложение. С помощью венгерской жандармерии, мадяроны¹ в рясах переходят в контрнаступление. В селе Иза появляется жандармский агент, униатский поп-миссионер Андрей Авари и производит расследование: шныряет по хатам, выпрашивает, вынюхивает, роется по чужим шкафам и сундукам и, наконец, находит изданную в Америке антиуниатскую брошюру «Где надо искать правду». Он строчит донос в консисторию, после чего в Изу прибывает отряд жандармов, который проводит массовые аресты. Закованных крестьян бросают в сигетскую тюрьму.

Спустя некоторое время на первом мармарошском процессе подсудимым предъявляют обвинение в попытках оторвать Закарпатскую Украину от Венгрии и присоединить ее к России. Аргументы защиты отскакивают от судебных голов, как горох от стенки. Обвиняемым объявляют приговор: крестьян Изы приговаривают к году и более тюрьмы...

Однако репрессии не помогли, было уже слишком поздно: забитый и, казалось, уже окончательно затравленный народ Закарпатья пробуждался.

ВТОРОЙ МАРМАРОШСКИЙ

Мармарошский приговор не дал Будапешту желанного эффекта. Наоборот, он вызвал такое возмущение масс, что теперь уже не помогали даже самые жесточайшие репрессии. Все Закарпатье в один голос заговорило: «Не хотим больше проклятой унии. Не хотим больше мадьярских и мадьяронских пиявок».

А пиявки упорно творили свое дело. Кабаны и олени графа Шенборна безнаказанно топтали крестьянские нивы, а графские лесничие и лесники безнаказанно расстреливали крестьян, которые осмеливались войти в графский лес. Провокатор черноризник публично призывал усилить террор, и жандармы остриями штыков подгоняли крестьян в униатские церкви. Греко-католические слуги Ватикана на мадьярском языке читали крестьянам евангелие и мадьярским «Дічертессек Езус Кристус» заставляли своих прихожан приветствовать друг друга...

¹ Лица не мадьярского происхождения, отказавшиеся от своей народности и языка, а иногда и веры, выдающие себя за кровных мадьяр.

Но пиявкам и этого было мало. По договоренности с Будапештом они готовят грандиозную провокацию.

Как и надо было ожидать, роль главного агента провокатора была поручена человеку проверенному. Таковым стал сын униатского попа Арнольд Дулишкович. Он получил задание: во что бы то ни стало установить связь православного населения Закарпатья с Россией и таким образом создать предлог для массового процесса. Провокатор выезжает в Россию и через некоторое время возвращается с готовыми «доказательствами»: ему, дескать, то-то и то-то сказал граф Бобринский. Одновременно жандармы производят среди населения поголовные обыски и находят новые «доказательства в государственной измене» — напечатанные в России книги чисто религиозного содержания...

Крестьян арестовывают десятками и сотнями, их бьют, пытаются и еле живых гонят в уже известную мармарошскую тюрьму. Спустя два года на скамью подсудимых сажают девяносто четырех человек (исключительно крестьян) — героев второго мармарошского процесса. В обвинительном акте подсудимым предъявлено обвинение в государственной измене, бунте против правительства и агитации против мадьярской нации и греко-католической (то есть униатской) церкви.

Главным обвиняемым был православный священник Александр Кабалюк, который, узнав о массовых арестах своих прихожан, возвращается из эмиграции и добровольно садится на скамью подсудимых. Такой же крестьянин, как и его товарищи по тюрьме, он хотел разделить с ними и радость и горе...

Тяжелым и кровавым был этот крест. На суде выяснилось, что нет тех глумлений, каким не подвергались бы арестованные за время двухлетнего «следствия». В результате пыток подсудимые Бабинец, Боркалюк и Вакарев сошли с ума...

Суд был подлинной комедией. Ни судья, ни прокурор не знали украинского языка, а подсудимые не понимали венгерски. Переводчик бессовестно извращал дознания и ответы подсудимых, излагая их так, как это было угодно прокурору. Главным защитником был мадьярон Баторий, юрисконсульт униатской консистории, то есть человек совершенно продавший себя закоренелым врагам подсудимых крестьян. Было вызвано двести заблаговременно проинструктированных властями свидетелей. Вот как происхо-

дило это «инструктирование». «Х. приказал жандармам избивать до тех пор, пока замученные не падали на колени и не обещали быть верными... Жандармы держали в осаде целые села и терзали людей, чтобы они показывали на суде так, как это нужно властям».

А вот и фрагменты из допроса подсудимых. На вопрос, чего они хотят, они отвечали: «Мы хотим более дешевых и более христианских священников. Наши мадьяры знают нас только тогда, когда приходят вырвать у нас изо рта последний кусок хлеба. Ни любви у них нет, ни поучения, ни утешения...»

Судья спрашивает подсудимого Сабова:

— Вы знаете, в чем вас обвиняют?

— Не пойму, в чем моя вина, когда я ничего не сделал, а только принял православную веру. Я и так уже отсидел за это два года, находясь под следствием, хотя меня и не засудили.

— Почему вы оставили свою веру?

— Как же не оставить церковь, где так обращаются с нами? Вот на рождестве ворвались в наши хаты жандармы и погнали всех в униатскую церковь. Я лежал больной в постели, меня стащили с кровати и поволокли в церковь,

— Кто у вас в Изе главный человек?

— У нас главный человек жандарм.

Этой слаженной совместной работы униатского клира с жандармами не мог скрыть даже чиновник из хутского старостатства свидетель Бела Ришко:

— Против тех, о которых мы знали, что они хотят перейти в православие, мы начинали следствие за санитарные нарушения и тому подобные вещи. И мы наказывали их...

Словацкий буржуазный политик Милан Годжа (в будущем премьер-министр Чехословацкой республики), которого уж никак нельзя заподозрить в недоброжелательном отношении к католицизму, дал во время мармарошского процесса убийственную характеристику униатской церкви (газета «Слованськи тижденник» от 3 октября 1913 года): «Там, в Закарпатье, греко-католическая церковь без самоуправления, всецело подчиненная правительству, уничтожила с помощью своих епископов в закарпатском духовенстве все его лучшие свойства. Униатские священники почти все мадьяризованы и действуют рука об руку с чиновничеством... Долгие годы люди терпели

«коблину» и «роковину» и наконец, доведенные до отчаяния, начали возвращаться в православную церковь».

А через три месяца Милан Годжа пишет:

«Украинцы — голодающий народ. Они голодают потому, что им нечего есть и духовно голодают, ибо отстали, как ни один народ в Европе. Мадьярский священник и ростовщик высасывают из них соки с самого появления их на свет, а государственные учреждения помогают в этом... Земля у них самая бесплодная... Из ста человек умеют читать, может быть, пять или десять. Интеллигенцию отняла у них мадьяризация.

Наконец, за несколько месяцев перед мировой войной мрачная мармарошская комедия окончилась. Объявлен приговор. Тридцать два человека, то есть треть подсудимых, были признаны виновными в государственной измене и осуждены на несколько лет тюрьмы каждый.

Прелаты и каноники из ужгородской консистории на радостях потирали руки и, видимо, для увековечения этого события заказали писать иконы божьей матери с мадьярской королевской короной на голове. Но поздно... Развернувшиеся события не предвещали этой короне долгого существования...»

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

В начале августа 1914 года началась мировая война. Закарпатские союзники львовского митрополита Андрея Шептицкого пришли к выводу, что в огне этой войны им удастся зажарить свои каштаны. Уверенные в победе австро-германского оружия, они уже готовили своих миссионеров для Киева и Москвы. Одновременно они решили воспользоваться законами военного времени для окончательной расправы с народом и православной церковью. По спискам, составленным в тишине консисторских хором, венгерская жандармерия избивает, арестовывает и ссылает в концентрационные лагеря сотни крестьян. Униатский архиепископ Чернох сзывает конференцию подчиненного ему духовенства, и это собрание нечестивых решает отменить в Закарпатье кириллицу, а вместо нее ввести латинский шрифт с мадьярской фонетикой. То же самое сделал и мукачевский мадьярон епископ Антоний Папп. Ничтожным изменникам казалось, что таким образом они смогут в короткое время превратить закарпатских украинцев в

мадьяр и тем самым вырыть непроходимую пропасть между Ужгородом и Киевом и Москвой... Однако молитвы греко-католических священников к коронованной ими божьей матери пропали даром, столь любимая этими лакейскими сердцами империя Габсбургов шла ко дну.

В первые дни ноября 1918 года империя Габсбургов приказала долго жить. Все факты были против униатских ренегатов, но ренегаты сказали: «Тем хуже для фактов». 19 ноября они создают так называемый «Совет украинцев мадьярщины», который оглашает такой «манифест»:

«Украинский народ придерживается своей старой родины (Мадьярщины) и ее территориальной неприкосновенности, одновременно протестует против всех попыток, которые направлены на отрыв украинцев Мадьярщины от их мадьярской праотчизны, или угрожают мадьярскому государству».

Но мечты ужгородских панотцов о «неприкосновенности» их мадьярской «праотчизны», так и остались «мечтами отрубленных голов». Порабощенные Будапештом и Венной народы сбрасывали свои цепи.

Перед униатскими предателями встает вопрос: как быть дальше? Мадьярская опора их власти и влияний исчезла, а с Севера приближалась волна Октябрьской революции, которую, затаив дыхание, с надеждой в сердце ждали трудящиеся Закарпатья. Немало закарпатских украинцев плечо к плечу с мадьярскими трудящимися защищали советскую власть во время мадьярской революции в 1918 году. Все же реакции удалось тогда подавить восставший народ. Не отказываясь от мечты о восстановлении венгерского господства, греко-католические мадьяроны решили приспособиться к новой ситуации. Они прилагали все усилия к тому, чтобы Закарпатье оккупировала буржуазная Чехословакия, единственная в то время сила, которая могла спасти предателей от сурового и справедливого народного суда.

Слишком уж скомпрометировавшие себя ренегаты ступали на первом плане появляются фигуры мало дотоле известные, среди них несколько штатских лиц, которые должны были создавать впечатление, что за греко-католической церковью «стоят массы». Они даже раскалываются на несколько партий, дабы служить дымовой завесой, за ней униатским ренегатам удобнее будет подготавливать восстановление мадьярского господства. «Масонская» Чехословакия их не удовлетворяет, они знают, с каким пред-

убеждением относится Ватикан к потомкам Ивана Гуса и Ивана Жижки.

К тому же мадьяроны не верят в продолжительность существования этой республики. Они, как и их галицийские собраты, слепо верят в возрождение немецкой империи и на этой вере строят всю свою политику заговора против Чехословацкой республики. Правда, теперь они не все молятся на Будапешт; некоторые из них пришли к выводу, что рука немецких фашистов будет крепче держать народ за горло. И те и другие считали Чехословакию «сезонным государством», явлением временного порядка. Но ввиду того, что это явление было чисто буржуазным и что власть на Закарпатье была в руках представителей самой реакционной чешской партии, униатские мошенники признали необходимым использовать этот факт для успокоения своих appetitов.

И использовали. Закоренелый униат Жаткович получает место губернатора Закарпатья. Второй ревнитель унии Баскид до назначения на пост губернатора получает от пражского правительства две тысячи угров плодородной земли. Такой же подарок получает другое «светило» закарпатского униатства — гитлеровский наемник Августин Волошин, священник, педагог и демагог в одном лице. Каноники и прелаты зажили теперь не хуже, чем во времена господства мадьяр.

По-иному, совсем по-иному отнеслись чехословацкие власти к закарпатской бедноте. В итоге раздела земель графа Шенборна крестьяне получили всего тридцать тысяч угров земли, остальные двести тысяч угров получила швейцарская капиталистическая фирма за баснословно низкую цену — тридцать пять миллионов чешских крон при настоящей цене триста миллионов крон. И так пособники Шенборна стали пособниками «Латорицы».

Конечно, у зубров закарпатской реакции не было особых причин сетовать на своих новых хозяев. Даже «коблина» и «роковина» пережили своих мадьярских опекунов, и только борьба трудящихся масс, возглавляемых Коммунистической партией Закарпатской Украины, заставила правительство со временем уничтожить это позорное наследие крепостного прошлого.

Когда перед униатскими «светилами» Ужгорода и Мукачева встала угроза очутиться генералами без войск, на помощь им пришли реакционные элементы Чехословакии.

На другой день после того как мадьярские жандармы исчезли из Закарпатья, крестьяне принялись выгонять униатских панотцов и массаами принимать православную веру. Они верили, что оглашенная в чехословацкой конституции «свобода совести» даст им возможность избавиться от униатских предателей-паразитов. Вскоре им пришлось горько разочароваться. Аргументы униатских главарей были для чешских реакционных элементов более убедительны, чем проявление воли закарпатской крестьянской бедноты. Пражское правительство направило против крестьян полицию и войска, которые жестоко расправлялись с «бунтовщиками», а выгнанных униатских попов под охраной штыков снова вселяли в их бывшие усадьбы. То же сделали они и с церквями, которые были отняты крестьянами у мадяронов. Власти вернули их униатам, и, бывало, мадярон служил литургию в пустой церкви в то время, когда народ слушал православное богослужение под открытым небом... Так было, например, в семи униатских церквях Ясиня, так было и в селе Иза, где жили только православные.

Но, невзирая на преследования и террор, уже в тридцатом году треть жителей Закарпатья порвала всякую связь с церковью измены и ренегатства — с униатской церковью.

Проходят годы, захватническая империалистическая Германия снова поднимается на ноги, на этот раз под командой людоеда Гитлера. Ватикан спешно вступает в соглашение с Гитлером, теперь папа и фюрер под черным знаменем фашизма двинутся вместе на завоевание вселенной. Снова, как и в XVI веке, мобилизуется орден иезуитов. Его задание — в теснейшем сотрудничестве с гестапо и итальянской политической полицией «овра» прокладывать фашизму путь к победе. Гитлеровско-ватиканский ставленник генерал Франко с помощью немецко-итальянских войск потопляет в крови испанскую демократию. Во всех щелях Европы оживают осиные гнезда, темные силы папско-фашистской реакции, где только могут, организуют «пятые колонны».

Они не забывают и Закарпатскую Украину. Здесь главным организатором «пятой колонны» и главной агентурой фашистских сил становится униатская церковь, руководители которой уже давно набили себе руку на всяческих интригах, провокациях и коварстве. Подчиненные ей партии — это шпионские гнезда; главари этих партий работают не за страх, а за совесть для разведок и контрразведок

гитлеровской Германии, хортистской Венгрии и панской Польши.

Главной политической опорой униатских епископов во времена чехов был так называемый «Автономный земледельческий союз». Под этой скромной вывеской действовала шайка мадяронов-ревизионистов, которые должны были подготовить почву для восстановления мадярского господства в Закарпатье. Возглавляли шайку старые униатские служки и доверенные лица капитула Куртяк и Бродий. Последний из «автономной» компании. Этот дьяк и учитель униатской церковной школы еще смолоду был платным агентом Будапешта и заядлым мадяроном. После 1918 года он издает в Кошицах мадярскую ревизионистскую газету, а немного спустя мы видим его уже в должности генерального секретаря «Автономного земледельческого союза» (АЗС).

Партия Бродия с первых дней своего существования субсидировалась венгерским правительством. Деньги для нее шли по тайному каналу: из Будапешта они путешествовали в Ватикан, а оттуда их пересылали (по пятьдесят тысяч чешских крон ежемесячно) в Ужгород епископу Стойко, а тот уже вручал их Бродию. Все эти темные комбинации иудиными деньгами свершались под прикрытием так называемого «Фонда обороны веры»...

...В 1903 году Волошин в редактируемом им «Месяцеслове» называет «украинизм и радикализм» «страшной заразой, которая отчуждает украинца от церкви». Спустя тридцать лет, когда по инициативе униатской церкви Будапешт вводил в украинских школах латино-мадярскую азбуку, вместо запрещенной кириллицы, Волошин поспешно издает ряд учебников в мадярской транскрипции...

Зимой 1919/20 года мы видим этого ловкого комбинатора на посту «президента» эфемерной «директории», которую возглавляет ставленник чешских реакционеров Жаткович. Чужим носом, где что лежит, Августин Волошин прислуживает чешской реакции и становится одним из руководителей «Центральної Руської Народної Ради» (ЦРНР) и в награду за свои «труды» получает от правительства громадный земельный надел.

Со временем, когда западные ветры принесли дух восстановленной немецкой казармы, Волошин связывается с галицийскими националистами типа Шептицкого и Коновальца. Через некоторое время, после назначения Адольфа

Гитлера канцлером Германии, Августин Волошин назначается резидентом гестапо в Закарпатье.

Вспомним еще об одном порождении Закарпатского униатства, «фюрере» «русских националистов», Степане Фенцике. Этот превзошел в «трудолюбии» и Бродия и Волошина. В то время, как Бродий служил в мадьярской разведке, а Волошин в немецкой, Фенцик умудрился одновременно исполнять функции тайного агента Венгрии и Польши... Хозяев Фенцика нисколько не беспокоит факт, что за их подчиненным имеются грешки чисто уголовного характера, и Фенцик становится почти ежедневным гостем польского консула в Ужгороде папа Халупчинского.

Немного спустя этот кандидат в закарпатские Муссолини нарядит своих молодчиков в черные рубашки, а когда мадьярщина снова захватит Закарпатье, он отдаст их в распоряжение венгерской контрразведки, которая воспользуется этим сбродом для расправы над патриотами. Все эти три «фюрера» и их партии, невзирая на различие оперения, работали под единой командой и действовали по единому плану, выработанному фашистским Берлином и Ватиканом и одобренному их тогдашними сателлитами — Венгрией Хорти и Польшей Бека. Этот план предвещал человеческую кровь и цепи, и этого было достаточно, чтоб униатская церковь с воодушевлением принялась за его осуществление.

КРОВЬ И ЦЕПИ

Растленная Гитлером Европа билась в конвульсиях, мрак фашизма охватывал все новые и новые страны. Бесноватый фюрер, с благословения Ватикана и англо-саксонской плутократии, проглотил Австрию и готовился к прыжку на Чехословакию. Возглавляемые униатской церковью темные силы Закарпатской Украины также подняли голову.

Надо полагать, что возможности этих сил были значительно слабее, нежели двадцать лет назад. За это время в Закарпатской Украине выросла новая сила — сила организованного и осознавшего свои цели пролетариата города и деревни. Авангард этих сил — Коммунистическая партия Закарпатской Украины сумела сгруппировать вокруг себя трудящиеся массы, объединить их на решительную борьбу с эксплуататорами и их прихвостнями. В без-

возвратное прошлое канули времена, когда затравленные бедняки Закарпатья беспомощно озирались вокруг, ища силу, которая бы положила конец их мукам. Теперь за их спиной стояла великая и могучая страна социализма — Союз Советских Социалистических Республик, они знали, что настанет время и отечество трудящихся подаст им руку помощи. Сознание этого ободряло их в самые черные годы фашистской неволи и придавало им силы в тяжелой и неравной борьбе с фашизмом.

Реакция вынуждена была учесть этот факт, и она мобилизовала против народа все, что только можно было мобилизовать. Использовала и то, что Бродий был слугой Будапешта, танцевал под берлинскую дудку и, выполняя приказы Хорти, выполнял тем самым приказы Гитлера. И бродиевцев и волошинцев объединяла общая ненависть и общий страх, а их вдохновителями и идеологами было сборище старых, сознательных врагов народа, синедрион мракобесов из верхушки униатской церкви, этой школы продажности и предательства. Закарпатская «пятая колонна» единой бандой шла против народа.

То, что униатская церковь Закарпатья и Галиции встала на путь открытого, ничем не замаскированного фашизма, не было каким-то исключительным явлением. Первым фашистом в мире был папа римский, а Ватикан первым гнездом фашизма. Пий XI и его кардинал Ратти были учителями, меценатами и вдохновителями Бенито Муссолини, их протеже был Адольф Гитлер; это же Ватикан подготовил и благословил бунт кровавого генерала Франко. «Святоапостольский» Рим помог Гитлеру овладеть Австрией, это он был крестным отцом Мюнхена. Это он, наконец, всячески подбивал Гитлера пойти огнем и мечом на отечество трудящихся — Советский Союз. Именно он, Ватикан, действовал как заядлый и неумолимый враг человечества, именно он делит сегодня в полной мере ответственность за неслыханные злодеяния фашизма.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что политика униатской «пятой колонны» в Закарпатье была такой согласованной. Главный дирижер сидел в Берхтегадене, а униатские «музыканты» играли по нотам, написанным в Ватикане. Цель их была одна: заковать народ в цепи, а потом бросить его к ногам современных последователей династии Габсбургов. Идеологического различия между отдельными шайками не было, а если и существо-

вало различие в политических ориентациях, так это было лишь иезуитским маневром для отвода глаз массам.

Бродий и Волошин еще летом 1938 года знали, какую участь готовит Закарпатью Берлин, однако, руководствуясь инструкциями своих хозяев, они сохранили дипломатическое молчание, и каждый из них от имени своего «совета» будто бы требовал автономии. Когда Берлину понадобилось максимальное давление на пражское правительство изнутри, бродиевцы и волошинцы объединяются в один так называемый «Национальный совет» и направляют в Прагу требования ультимативного характера.

Послемюнхенское чешское правительство, справедливо названное чехами «правительством национального предательства», отдает Закарпатье на съедение бродиям и волошинцам. Но «карпатско-украинский премьер-министр» этим не довольствуется. Новая инструкция, на сей раз из Будапешта, — и Бродий требует уже «плебисцита», который, мол, покажет, что население Закарпатской Украины хочет вернуться под ярмо мадьярских феодалов...

В результатах плебисцита Бродий не сомневается, он и его союзники с помощью мадьярских и мадьяронских вооруженных отрядов прилагают все усилия к тому, чтобы Хорти был доволен результатами «голосования».

По первому сигналу униатское духовенство приступает к делу: оно фабрикует в массовом порядке «списки крестьян», желающих надеть на свою шею мадьярский хомут. В Ужгородской консистории готовятся уже встречать хлебом-солью венгерских «победителей».

Чехи арестовывают вконец обнаглевшего Бродия, но это ситуации не меняет. Благодаря поспешному соглашательству Чемберлена и Даладье Берлин уже предрешил судьбу Чехословакии — до того, как полностью ее ликвидировать, оторвет от нее Словакию, а Закарпатье сделает орудием шантажа и приманкой для своих венгерских вассалов.

Второго сентября 1938 года Риббентроп и Чиано устраивают в Вене «арбитражную» комедию. Западную часть Закарпатской Украины они дарят Венгрии, а восточную Берлин оставляет на время в своем распоряжении, желая таким образом принудить Будапешт дать свое окончательное согласие на присоединение к военной оси Берлин — Рим. А пока это произойдет, роль администратора восточного Закарпатья будет выполнять «правительство» Авгу-

стина Волошина и выполнять по указаниям и инструкциям немецкого консула в Хусте Гофмана.

И в то время когда униатское духовенство Ужгорода и Мукачева торжественно приветствовало солдат и жандармов Хорти, «светило» той же униатской церкви Августин Волошин хозяйничал в Хусте с шайкой «сечевиков», одетых в форму немецких эсэсовцев и вооруженных немецкими винтовками и пулеметами. Хозяйничал по методам, целиком заимствованным у Гитлера и Гиммлера. С помощью своего союзника Ю. Ревая он прежде всего организует сеть концентрационных лагерей, куда «сечевики» бросают тысячи крестьян и рабочих, в первую очередь членов и сторонников коммунистической партии. С выкриками: «Сечь вам радость несет, нация превыше всего» — сечевики эсэсовцы врываются в села, чиня там кровавые расправы. Возглавляет этот сброд выпускник Львовской униатской духовной семинарии Иван Рогач.

К небольшому Хусту тучей двинулись «иностранцы корреспонденты», большинство из них — немцы. В реакционной прессе США, Англии и Франции появляются «телеграммы собственных корреспондентов», которые сообщают о возникновении в Закарпатье «грозного антисоветского Пьемонта». Вслед за «консулом» Гофманом прибывает и корреспондент «Фелькишер беобахтер» Бегал. По случаю их приезда Волошин устраивает шумный банкет: в лице Гофмана и Бегала «Карпатская Украина» получила гитлеровских наместников, а «правительство» — вершителей своей судьбы.

Почти одновременно с этими гитлеровцами из Берлина прибывает в Хуст агент Мельника Галаган с двадцатью опытными диверсантами. Штаты были укомплектованы, и можно было приступать к организации фашистского «государства».

Прежде всего Волошин распускает все партии, а вместо них создает чисто фашистскую партию, по образцу НСДАП, так называемое «Украинское национальное объединение» (УНО). Возглавляет эту партию также заклятый униат, брат Юрия Ревая — Федор.

Теперь уже «правительство» может объявить и выборы. Зная о враждебном отношении масс к этому фашистскому маскараду, Волошин издает распоряжение, по которому списки кандидатов нужно подать в течение сорока восьми часов. За такое короткое время никто из против-

ников волошинской шайки не успевает составить списки, а если кто и успевает, то верзилы Рогача и Галагана тут же эти списки аннулируют. В результате остаются только кандидаты УНО.

Наступило время «выборов в сейм», но избиратели вовсе не спешат к урнам. Волошин мобилизует «Сечь» и чешских жандармов Бера. Крестьян гонят штыками в помещения избирательных комиссий, но частенько и это не помогает: крестьяне на целый день запираются в церквях или оказывают физическое сопротивление униатско-фашистским террористам. В Гендеровке и Яблонево дело доходит до серьезного столкновения, льется кровь. И Волошину пришлось прибегнуть к последним мерам — массовому подбрасыванию готовых бюллетеней. «Сейм» был избран.

Однако он так и не успел поработать. Хорти отдает Венгрию в полную кабалу Берлина, и Гитлер награждает своего Паладина восточной частью Закарпатской Украины. Немецкие войска оккупируют Чехию, а мадьярские направляются в Хуст.

Августин Волошин и иже с ним делят между собой «государственные» деньги и во весь дух спешат в Словакию, а оттуда в Берлин. Бефель ист бефель¹.

В Берлине Волошин обращается к Риббентропу с просьбой принять его, однако у гитлеровского министра нет для Волошина времени. Незадачливый диктатор вынужден удовлетвориться разговором с меньшими шишками: Скоропадским и Мельником. Лавры его коллеги по профессии, тоже католического попа, Тисо не дают Волошину покоя. Тисо, по милости Гитлера, стал «президентом» Словакии, а по милости папы римского получил титул «монсиньора» за реки пролитой им крови ни в чем не повинных людей. Волошину остается только одно — верить, что и его час пробьет. А пока что надо служить и терпеть, ибо: кто на службе не бывает, тот горя не знает...

Красная Армия освобождает Западную Украину. Несколько дней спустя Волошин, вместе со своим «правительством», пишет Риббентропу докладную записку, в которой просит присоединить Закарпатскую Украину к Словакии и оккупировать ее немецкими войсками, так как, мол, только таким образом удастся сделать невозмож-

¹ Приказ есть приказ.

ным массовое пятидесятипроцентное бегство мобилизованных мадьярами украинцев на советскую территорию...

Риббентроп не ответил. Проходит некоторое время, и счастье снова улыбается Волошину, а вместе с ним и всей униатской церкви. Гитлеровская Германия разбойнически нападает на Советский Союз. К Волошину, который жил тогда в Праге, приезжает из Кракова известный гитлеровский агент и доверенное лицо главы униатской церкви в Галиции митрополита графа Андрея Шептицкого, Кубиевич. После продолжительного разговора с глазу на глаз «отец» Августин Волошин немедленно приглашает к себе связного гестапо «профессора» в Пардубицах Гренюка, и тот устраивает ему встречу со своим шефом, гестаповцем Эрнстом, тем самым Эрнстом, которого Волошин и его правительство давным-давно уже умоляют стать наместником Закарпатской Украины.

В результате совещания решено было написать совместное письмо Гитлеру. Эрнст, который находится в близких взаимоотношениях с фюрером, вручит письмо лично. Гестаповец с азартом берется за дело, которое предсказывает ему головокружительную карьеру.

Пишет письмо Гренюк, «правительство» Волошина единодушно одобряет его. Содержание письма свидетельствует не о какой-либо амбиции отправителей; они предлагают назначить Волошина «президентом» Украины и «фюрером» украинского народа и, низко кланяясь, просят провозгласить монархом Украины одного из кронпринцев «великой немецкой империи».

Далее цитирую дословно:

«Кронпринц вступает на престол князя Владимира и князя Ярослава Мудрого, он принимает украинское имя и *греко-католическую веру*» (подчеркивание мое.— Я. Г.). Седьмой пункт этого меморандума не менее любопытен: «Старые украинские церкви уничтожить и на место схизматизма объявить *государственной церковью греко-католическую*» (подчеркивание мое.— Я. Г.), которая на основе союзнических традиций соединяет нас со святой римской церковью».

Зная действительные намерения Гитлера относительно Украины, предусмотрительные униатские кайны заранее обрекают украинский народ на колониальное рабство и заверяют немецкого людоеда в десятом параграфе своего письма, что созданное Берлином (цитирую):

«...Украинское государство не будет развивать свою тяжелую промышленность. Это было бы ненужной пролетаризацией страны и поставило бы в опасность европейского рабочего» (читай: немецкого капиталиста.— Я. Г.).

Ответа на это письмо также не было получено, несмотря на то, что за спиной Волошина стояла такая фигура, как митрополит Шептицкий. Гитлер был лучше их информирован о положении дел на Украине, так как первые же недели войны научили его тому, что климат Советской Украины губителен для всякого рода марионеточных правительств и их протекторов.

Это письмо было завершением карьеры Августина Волошина. Последующие события сбросили «премьер-министра» в пропасть небытия.

Но возвратимся к Закарпатской Украине. Еще не развеялся кадильный дым, каким униатские священники обкуривали мадьярских солдафонов, как над бедняцкими хатами поднялся иной дым, дым пожарищ и крови, а звон по-праздничному раскачиваемых церковных колоколов не мог заглушить крика истязаемых. Почти шесть лет продолжалась оккупация Закарпатья мадьярами, но за это сравнительно короткое время будапештские протекторы и меценаты униатской церкви успели здесь замучить больше восьмидесяти пяти тысяч человек мирного населения, в том числе и детей. Свыше пятидесяти тысяч человек успели посадить в концлагеря, а грабежами и разрушениями принесли нашей стране убыток на сумму в три миллиарда рублей. Эти цифры нельзя забыть, и мы их никогда не забудем ни прислужникам Хорти, ни украинским холуям фашистского людоеда Гитлера.

В страшные годы (1939—1944) эти лакеи превзошли в преступлениях своих предшественников. Они с рабским подобострастием одобряли и хвалили все, что делали оккупанты, они благословляли каждое их преступление. Не было такого черного, кровавого дела, в котором они не были бы предусмотрительными помощниками и союзниками мадьярских оккупантов.

На другой день после вторжения орды Хорти мы видим наиболее известных униатских каноников на постах «политических комиссаров» при мадьярских комендатурах и «советников» при гражданских мадьярских чиновниках. Мадьяризатор украинских школ, каноник Марину, ветеран венгерской разведки, теперь помогает венгерскому коман-

дованию успокоить украинцев Закарпатья. Каноник и папский прислужник Ильницкий неизменно подвизается в роли консультанта губернаторов Закарпатья — регентских комиссаров, а вместе с ним в так называемой «консультативной комиссии» заседают ужгородские священники Иванчо, Грабар, Кабацкий и Дануленец.

По распоряжению епископа, церковные хоры вынуждены по воскресным дням и праздникам петь в церквах мадьярский гимн, а когда Гитлер и Хорти пошли войной против Советского Союза, эти грязные, продажные души устраивают торжественные молебны за победу нацистов над нашей советской родиной.

Их раболепие перед властью имущим Будапештом не имело никаких границ. В 1943 году Будапешт намекает на то, что он хотел бы назначить для Мукачева епископа мадьяра. Для каноников мукачевской капитулы даже незначительный намек Будапешта имеет силу евангелия, потому-то и теперь они, согнувшись в три погибели, просят: «Да приидет володети нами». Мадьяр Дудаш стал епископом украинской мукачевщины.

А вот еще букетик экземпляров из галереи униатских иуд.

Александр Демянович — униатский поп в Рахове. В 1922 году севлюшский помещик Айтлер предлагает ему службу в венгерской разведке. Стать шпионом мадьярского диктатора Хорти? Для служителя унии это «великая честь». И Демянович с радостью соглашается с этим предложением. Он даже получает кличку, букву «Д» и под этой буквой регулярно отсылает венграм шпионские сообщения. В награду за свою верную службу Демянович получает от Айтлера символический подарок: корзинку винограда. Более реальная награда ждет его только в будущем...

Во второй половине 1938 года Демянович получает от Айтлера очень серьезное задание, которое сулит ему немалую карьеру. Он организовывает в Рахове античешское, промадьярское «временное правительство», а через некоторое время, после новой инструкции Будапешта, «мадяро-украинский народный совет», который сам и возглавляет. Одновременно из мадьярских и мадяронских диверсантов и террористов он создает вооруженную фашистскую организацию военного типа — Свобод чоботош.

После прихода венгерских оккупантов Демянович, как в основном и остальные униатские священнослужители,

служит благодарственный молебен и уже совершенно открыто принимает от своих фашистских головорезов присягу: «Я, член террористической организации Свободного Чоботош, даю эту клятву, что честно и добросовестно исполню свой долг...»

А за содеянное поступила и награда. Демяновича признают членом венгерской верхней палаты.

Приближается день разгрома гитлеровских сателлитов, в том числе и хортистской Венгрии. Часть напуганных ходом событий депутатов будапештского парламента требует заблаговременного выхода Венгрии из войны. Однако Демянович является заклятым салашистом, он призывает и дальше воевать во славу Гитлера и Ватикана. Как и подобает последовательному служителю унии, он основывает в Рахове салашистскую партию «мадьярске життя».

Такая преданность униатского духовенства фашизму не могла пройти незамеченной в Будапеште. Один из корреспондентов газеты «Уй мадьяршаг» забрел к Демяновичу, и вот что он услышал от раховского ревнителя унии:

«С 1904 года я живу в Рахове. Я был счастлив, когда мне удалось известить господина полковника Унгера в том, что венгры могут спокойно прийти сюда, ибо их здесь ждет не оружие, а уже приготовленная триумфальная арка... Прошу вас, господин редактор, не пишите слово «русин», а пишите — «рутен», ибо мы не русины, а рутены. Русин тот, кто в мыслях своих переходит границу, мы же, рутены, желаем навсегда остаться в этой нашей тысячелетней отчизне, и никакая мысль не в силах нас отвлечь... Большинству рутенов автономия не нужна. Ведь автономия означает отделение от государства, а мы, рутены, признаем, что нам следовало бы стремиться к наибольшему единству с венгерским государством... Например, я после рождества постараюсь здесь организовать «МЕП» (фашистская партия.— Я. Г.). Мы полностью желаем слиться с мадьярством».

Как известно, желания Демяновича не сбылись, и этому кавалеру венгерского креста «Народной обороны» пришлось быть свидетелем краха всех своих надежд...

Другая униатская каналья — ужгородский священник Емерих Ортутай, настоятель Тегельнянской церкви, член ультрареакционной неовенгерской и пронемецкой партии «Христианских социалистов». Назначенный депутатом

венгерского парламента, этот лакей в рясе, в 1943 году, во время страшного террора, когда Хорти пытался пулями и виселицами ликвидировать партизанское движение, когда десятки тысяч мужчин, женщин и детей Закарпатской Украины погибали в газовых камерах Освенцима, говорил с парламентской трибуны:

«То, что мы видим со стороны правительства в его отношении к нашим национальным меньшинствам, это такое большое проявление великодушия, так сказать, порыв венгерского духа, романтики, что в подкарпатском понимании мы привыкли говорить: «акции украинцев котируются выше, нежели акции мадяров...» — мы не желаем ничего большего».

Третья фигура из униатского преступного мира, чином поменьше, но равная в подлости, — церковный староста из Иршавского округа, кулак Григор Бенце. Он долгое время был главой бродиевского «ЛЗС», и за это Будапешт платил ему регулярно каждый месяц двести девяносто пять пенго. Когда хортистская нечисть ворвалась в Закарпатье, Бенце становится платным советником военного коменданта и доносит, доносит, доносит... Результат «деятельности» Бенце был таким, что за время оккупации мадярами было замучено в Иршавском округе тысяча пятьсот тридцать пять патриотов. Правда, за эти преступления Бенце не дожидаясь, как словацкий монсиньор Тисо, кардинальской мантии, но и его заслуги перед фашизмом Ватикан сумел оценить, подарив ему папский орден «За веру»...

Еще один из многочисленной шайки униатских каинов — священник соборной церкви в Ужгороде, Василь Пушкаш, 31 июня 1942 года, когда мадярские палачи вывели во двор военной казармы по улице Дабрянского шесть приговоренных к смерти партизан (Планчака, Ленька, Винерова, Шембергера, Еснера и Шимковича), Пушкаш даже перед лицом смерти этих героев не постыдился выступить в роли помощника палача и произнес речь, в которой всецело восхвалял «справедливый приговор».

ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

1944 год. Советская Армия победным маршем, как буря, движется на Запад и Юг. Ее дивизии на спине врага переваливают через Карпатский хребет, и вот в улицы Ужгорода, Мукачева, Севлюша, Хуста и Рахова влетает

неслыханный, невиданный еще вихрь свободы. Венгерско-немецкая «цивильная» шваль бежит в панике, однако лишь немногим удастся догнать разбитые гитлеровские войска. Не удалось этого сделать и большинству униатских тузов. Окопавшись в своих храмах и монастырях, они перепугались и приуныли в ожидании того, что будет дальше. Однако не пришлось долго ждать. Гарантированную советской Конституцией свободу вероисповедания они поняли по-своему, а достойное удивления великодушные советских властей отождествляли со слабостью.

И вот краткий перечень преступлений служителей церкви, порожденный предательством, и вот краткая история мерзости, имя которой — уния.

Наш народ — великий советский народ — ничего не забывает и ничего не прощает. Его волей, когда-то растерзанная врагами, украинская земля стала единым, неделимым государством, она «равная среди равных и вольная среди вольных» вошла в могучую братскую семью народов Союза Советских Социалистических Республик.

Тяжелым и тернистым был путь к нашему счастью, политый кровью наших лучших людей, усеянный их костями. И именно поэтому мы должны беречь, как зеницу ока, наше счастье, счастье вольного творческого труда. Это наш священный долг перед нашими братьями и перед теми, которые придут после нас, чтобы продолжать наше великое дело, дело Ленина. Враг снова посягает на нашу страну, бессильная злоба обреченного толкает его на новые и новые провокации. Сгоряча он впрягает в свою колесницу наиболее темные силы и прежде всего те, которые имеют за собой многолетний опыт борьбы против народа. В этой упряжке врага очутилась униатская церковь, та самая церковь, которая с первого дня своего существования приносила жителям Закарпатской Украины лишь одно — тяжелую, непоправимую и незабываемую кривду.

Советский народ — великодушный народ, но горе тому, кто злоупотребляет его великодушием. Руководители униатской церкви упрямо продолжают антинародные традиции своих проклятых предшественников. Что ж... Пусть они знают, что все имеет свои границы — и великодушные народа. Сегодня мы говорим: довольно! Гроздь гнева созрели!

«Мы видим распятым на кресте все, чем мы владеем».

Таковыми словами встретил примас-кардинал Венгрии Миндсенти аграрную реформу и закон о национализации тяжелой промышленности в Венгрии. В декабре 1945 года, когда уже окончательно назрел вопрос о провозглашении Венгрии республикой, кардинал обращается к правительству с письмом, написанным в тоне ультиматума.

«Мне стало известно, что национальное собрание в ближайшем будущем имеет намерение поставить на повестку дня конституционные реформы и закон об объявлении республики. Если это соответствует действительности, тогда я, пользуясь государственным правом венгерских кардиналов, которое существовало на протяжении девяти-сот лет, выражаю свой протест».

Таким властным тоном разговаривали когда-то только абсолютные монархи со своими министрами. В 1945 году католический кардинал Йожеф Миндсенти намеревался разговаривать именно так с народным правительством. Что это — зазнайство? Мания величия?

Ни то, ни другое. Кардинал Миндсенти, примас Венгрии, архиепископ Эстергомский и прочая и прочая говорил здесь не только от своего собственного имени, от имени «обиженного» реформой владельца восьмисот двадцати пяти тысяч хольдов земли. Его устами говорила вчерашняя Венгрия, Венгрия знатных и необузданных феодалов, привыкших на костях и крови венгерского и других народов строить свою сомнительную славу и свое несомненное богатство.

В начале 1945 года Советская Армия освобождает Венгрию, и власть в этой стране переходит в руки народа. Реакция неистовствует, она пускается на авантюристические махинации, надеясь, что с помощью англо-саксонских протекционистов ей удастся восстановить феодально-буржуазный строй. Однако все ее соглашения заканчиваются, как правило, на скамье подсудимых. Подняться выше этой скамьи реакционным деятелям никак не удавалось: пробужденный к жизни венгерский народ сметал их со своего пути.

Тогда на первом плане появляется Миндсенти. Чего не сделали гражданские диверсанты, то, как полагали

недобитые реакционеры, делает диверсант в епископской митре, которого поддерживает Ватикан, католическая церковь и вековые традиционные суеверия, которые словом помогут кардиналу овладеть настроениями и мыслями масс, а потом толкнуть эти массы против народного строя, против победившей народной демократии. Это была спекуляция большого масштаба.

И Миндсенти действует с каждым разом все смелее и нахальнее. Он сыплет, будто из рукава, пастырскими листами, а его подвластные и сторонники зачитывают эти антигосударственные прокламации с амвонов, печатают их в католических газетах, распространяют в виде листовок, Ватикан передает их по радио. Малоизвестный ранее кардинал становится героем дня на страницах американской и английской прессы. Подбадриваемый похвалами Уолл-стрита и Ватикана, Миндсенти лезет с ногами на стол. Всякое мероприятие правительства наталкивается на живое препятствие в лице распоясавшегося кардинала.

Когда протесты не дают результатов, кардинал пускается на угрозы. Угрожает правительству, угрожает народу. Убедившись, что народ в своей массе идет за правительством, поддерживает его, питает к нему доверие и любовь, Миндсенти, с библией в руках, грозно провозглашает: «По святому писанию, проклят тот, кто верит в людей».

Однако «легальной» деятельностью Миндсенти не ограничивается: он плетет паутину тайных интриг, соглашений и заговоров. Возлагая все надежды на третью войну, он пытается приблизить ее и с этой целью устанавливает связи с поджигателями, находящимися за границей. Верный традициям своих предшественников, он мечтает о восстановлении в Венгрии монархии во главе с габсбургской династией. И не только мечтает: тайно кардинал делает серьезные шаги для ее реставрации.

Уже через несколько дней после освобождения Будапешта Миндсенти просит графа Паллавичини поехать во Францию, где в то время находился Отто Габсбург, и заверить этого неудачного кандидата в монархи в безграничной преданности Миндсенти династии Габсбургов. Граф выполнил поручение кардинала. Отто поблагодарил и заявил о своем горячем желании как можно скорее встретиться с верным кардиналом.

Между ними завязывается переписка, причем роль по-

средника берет на себя бельгийский кардинал ван Рой. Отто Габсбург шлет в Эстергом слова утешения и ободрения, а кардинал в ответ отсылает ему информации сугубо шпионского характера, которые из рук Отто направляются в закоулки американской разведки.

Но в письмах всего не скажешь, потому назревает необходимость встретиться с глазу на глаз. В августе 1947 года Миндсенти заявляет о своем желании поехать в Канаду, где должно было произойти торжественное празднество в честь девы Марии. Кардинал выезжает за океан, однако его архикатолическое сердце полонила не столько дева Мария, сколько вдова экс-императора Австрии и экс-короля Венгрии — Зета. Он сходится с тогдашним духовником Карла Габсбурга, нью-йоркским священником Палом Жамбоки, и тот устраивает ему встречу с честолюбивой Зетой. Беседа закончилась обоюдным благословением.

Затем наступила пора встретиться и с ее сыном Отто.

Двадцатого июля Миндсенти инкогнито прилетает в Чикаго. На аэродроме его ожидает машина чикагского епископа. На другой день гостеприимный епископ везет кардинала далеко за город в один из живописных монастырей, за стенами которого его ждет Отто Габсбург.

После горячих приветствий разговор приобретает деловой характер. Ссылаясь на информации из «богоугодных источников», Отто заверяет кардинала, что обострение отношений между великими державами вскоре приведет к войне и что после войны ответственные круги США с радостью будут приветствовать восстановление габсбургской монархии. Между Отто и Миндсенти нет расхождения во взглядах: война, только война решает их планы.

Миндсенти докладывает Габсбургу о своих «достижениях». С целью объединения монархических сил Венгрии он решил превратить «Католический народный союз» в массовую монархическую организацию. Кроме того, он успел уже организовать законспирированные легимитистские группы, которые действуют внутри различных партий. Архиепископ эстергомский заверяет Габсбурга, что «легимитисты в Венгрии будут объединять и организовывать, пока не достигнут своей цели...»

Кардинал растроганно прощается, Габсбург желает ему успеха. Миндсенти спешит, ему предстоят еще два не менее важных разговора. Он отчитывается перед кардиналом Спеллманом о результатах беседы с Отто Габсбургом. Тот

внимательно выслушивает его, одобряет тактику архиепископа, обещает всестороннюю помощь и озабоченно высказывает свое опасение, чтобы нелегальная деятельность не причинила архиепископу вреда. Но тот успокаивает Спеллмана: ведь вскоре начнется война, а до этого времени венгерское правительство не осмелится поднять руку на его преосвященство примаса.

Накануне отъезда из Нью-Йорка Миндсенти встречается с эмигрантом-фашистом Тибором Экгардтом и поручает ему объединить американских венгров вокруг особы Габсбурга. Экгардт оживленно поддакивает. Он также легимитист и уже немало сделал для обновления венгерской монархии. Он хвалится своими связями и влияниями, с гордостью рассказывает о своем близком знакомстве с шефом Федерального бюро расследования Эдгаром Гувером, намекает на свое сотрудничество с известным агентом Гувера и ватиканской разведки миссис Бреди и, наконец, детально информирует кардинала о работе бывшего посла Салаши при Ватикане, прелата Ференца Люттора, который из венгерских фашистских беглецов типа Сандера Пиппера сумел организовать в Буэнос-Айресе сильную активную монархическую группу, которая делает большие услуги американской разведке и контрразведке.

И вот Миндсенти снова на венгерской земле. Он очарован всем, что слышал и видел за океаном, он делится своими наблюдениями и переживаниями с друзьями. Наслушавшись кардинальских сообщений, монархистский деятель Бараян готовит проект мероприятий, направленных на восстановление монархии, и даже составляет список министров, которые засядут в правительстве после обещанной кардиналом оккупации Венгрии англо-американцами... Архиепископ торжественно утверждает этот проект будущего кабинета.

Сам он тоже пишет прожекты. В найденной среди его секретных бумаг папке «Земельная реформа» он рисует картину будущей монархической Венгрии, точнее говоря, венгерского села. Он предлагает отобрать у крестьян землю и отдать ее кулакам и помещикам, собственникам двухсот—пятисот хольдов...

Занятый мероприятиями, направленными на ускорение войны и восстановление монархии, Миндсенти находит еще время для спекуляции валютой и для шпионажа. Информации принимает от него сам посланник США

в Будапеште Артур Шенфельд, который отсылает копии кардинальских писем прямо в Вашингтон, в государственный департамент. Об этом мистер Шенфельд довольно откровенно заявляет в своем письме от 27 декабря 1946 года, переданном тайным путем кардиналу:

«Я подтверждаю получение вашего письма от 16 декабря, в котором вы излагаете ваши общие наблюдения политического характера относительно Венгрии и ее теперешнего положения. Копии этих писем были посланы в государственный департамент... Мне хотелось бы, пользуясь случаем, заверить ваше преосвященство, что я и впредь с радостью буду принимать ваши замечания по всем вопросам, на которые вы захотели бы обратить мое внимание».

Чем дальше, Миндсенти теряет терпение: он нажимает на американского посланника, требуя ускорить войну путем непосредственного вмешательства США во внутренние дела Венгрии. Когда венгерское правительство обратилось в Вашингтон с просьбой вернуть Венгрии украденную гитлеровцами историческую ценность — корону святого Стефана, Миндсенти пишет письмо новому посланнику США в Будапеште Чепину:

«Моя просьба к вам — позаботиться о своевременном распоряжении вашего высокого правительства, чтобы армия отправила и передала святую корону на сохранение его преосвященству — папе римскому, предшественник которого в 1000 году подарил корону святому Стефану. Это особенно важно, ибо заботы о ее выдаче и наступлении (Миндсенти имеет в виду будущее наступление американцев на... Будапешт.—Я. Г.) могли бы катастрофично повлиять на судьбу святой короны».

Через несколько дней пришел ответ Чепина:

«Дорогой кардинал Миндсенти! Я получил ваше письмо от 31 августа, где вы говорите о мероприятиях, связанных со святой короной святого Стефана. Из ваших утверждений следует, что святая корона находится в руках армии США в Висбадене. Позвольте заверить вас, дорогой кардинал, что мы уделим должное внимание вашему предложению, когда внимание миссии будет обращено на судьбу этой реликвии».

Особенно много энергии тратит Миндсенти на работу среди молодежи. Наличие множества католических школ облегчает ему это. Упомянутые школы являют собой в ми-

пиатюре Эстергомский дворец, государство в государстве: мракобесы-воспитатели рачительно заботятся, чтобы веяния новой эпохи не проникли через стены этих учреждений, и предпринимают отчаянные усилия, чтобы из их воспитанников и воспитанниц выросли чистокровные фашисты. Вырвать молодежь из цепких рук ее растлителей — такова первоочередная задача, возникшая перед народным правительством. И это было сделано.

Миндсенти и его подручные ответили дикой свистопляской. На головы членов правительства посыпались проклятия; Миндсенти пригрозил отлучением от церкви. В его посланиях теперь уже слышится голос явного, безудержного врага демократии. Это было открытое провозглашение войны новой Венгрии.

Венгерский народ принял вызов. В многочисленных письмах и телеграммах в адрес правительства он требовал прекратить враждебную деятельность самонадеянного феодала в кардинальской мантии и сурово наказать этого обер-шпиона и диверсанта. Языком справедливых и суровых судей заговорили рабочие, крестьяне, служащие, люди свободных профессий, заговорили также и ученики бывших католических школ, заговорила, наконец, еще окончательно не растленная часть духовенства.

Требование народа исполнено: Миндсенти оказался за решеткой. Найденные во время обыска секретные документы кардинала подтвердили наихудшее предположение: Миндсенти оказался шпионом, провокатором, злобным поджигателем войны и к тому же грязным спекулянтом.

Венгерский народ во весь голос сказал: «Наконец-то!»

Иначе отозвались на арест проходимца его покровители, для которых удар по Миндсенти был ударом по ним. Заместитель американского государственного секретаря Ловетт с пеной у рта очередной раз ошелмивал демократический строй Венгрии, а Пий XII... отлучил виновников ареста Миндсенти от католической церкви (тоже мне горе!). Дала волю своей злобе и пресса Уолл-стрита. Осиное гнездо зашевелилось. Миндсенти и его опекуны за границей рассчитывали, очевидно, на короткую память венгерского народа, на то, что народ забыл, сколько зла, крови и слез стоило ему господство Габсбургов и его верных ватиканских паладинов. Однако есть вещи, которые не забывают, хотя на них лег налет веков.

Вместе с первыми Габсбургами пришли в Венгрию и

первые иезуиты. И те и другие огнем и мечом утверждали свое господство, а когда терпение венгров лопнуло и они в знак протеста отказались от католичества, немецко-римские иезуиты провозгласили смертный приговор всем протестантам. Но народ не согнулся под кровавым террором: возглавляемый Стефаном Бочкаем, он оказал вооруженное сопротивление цесарско-поповской орде.

Леопольд Габсбург превосходит в зверствах своих предшественников. В 1671 году Европа становится свидетельницей страшной массовой расправы над непокорными огненному палаческому топору венгерскими патриотами: через несколько лет возникает народное восстание Текели.

Однако первые успехи повстанцев не изменили неравенства в силах, Габсбург побеждает и, увлеченный католическим клиром, устраивает страшную резню свободолюбивых жителей города Епариес. Потом еще раз поднимаются на бой за свободу «куруци» Франца Ракоци. Перепуганные Габсбурги и их приспешники в сутанах идут на уступки, но это только предварительный маневр. Немного погодя они снова затягивают петлю на шее народа.

В 1848—1849 годах венгры еще раз восстают против Габсбургов. Кроме кучки запродавшихся магнатов, весь народ берется за оружие. Мгновенно в сердце Венгрии распространяется сочная брань по адресу восставшего народа: это архиепископ эстергомский Хам Янош бросает проклятия на головы своих соотечественников за то, что те отважились сбросить габсбургско-немецкое ярмо.

Правительство Кошута привлекло предателя к ответственности, и неизвестно, что было бы с Хамом в митре, если бы не победа Габсбургов, которые опять предоставили своему агенту эстергомский дворец.

Как видим, кардинал Йозеф Миндсенти имел достойных предшественников. Но 1949 год — не 1671-й и не 1848-й. Габсбурги доживают свой век на чужих хлебах, и им не под силу спасти своего эстергомского служаку. Не спасли его и заокеанские опекуны. В стране народной демократии предательство отечества перестало быть прибыльным почетным занятием, и никакая даже кардинальская мантия не защитит больше предателя от кары!

Приговор вынесен. Предатель в кардинальской мантии понес заслуженное наказание.

СОДЕРЖАНИЕ

Люди без родины. Перевел Н. Шевелев	3
Под порогом. Перевел В. Щепотев	10
Погоня за смертью. Перевела И. Новосельцева	12
Аванс. Перевела И. Новосельцева	15
Каннибалы. Перевела И. Новосельцева	17
Ликвидация. Перевела И. Новосельцева	19
Ивась Сорокатый. Перевел Л. Нестеренко	22
Заклейменные. Перевела И. Новосельцева	24
Чему нет названия. Перевела И. Новосельцева	32
Мамелюки. Перевел В. Щепотев	38
Карьера на экране. Перевел В. Щепотев	47
В Нюрнберге идет дождь... Перевел Н. Шевелев	50
Остров чудес. Перевел В. Щепотев	54
Геринг. Перевел Н. Шевелев	59
На дневной свет. Перевел В. Щепотев	67
Иоахим фон... Перевел Н. Шевелев	72
Последние дни одной аферы. Перевела И. Ново- сельцева	76
В дебрях. Перевел П. Киселев	80
Тень чужих богов. Перевел Е. Веснин	87
Довольно! Перевел Г. Шипов	100
Апостол предательства. Перевел Н. Шевелев	137

Ярослав Александрович Галан

ПАМФЛЕТЫ

М., «Советский писатель», 1982, 144 стр.
План выпуска 1982 г. № 304.

Редактор А. И. Чеснокова
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редактор Г. В. Климушкина
Корректор В. Е. Бораненкова

ИБ № 3048

Сдано в набор 03.12.81. Подписано к печати 22.04.82. А09095,
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Обыкновенная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,78. Тираж
200 000 экз. Заказ № 852. Цена 50 коп.

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Во-
ровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109

50 коп.

